

Библиотека / Абсолют

Эдвард
Станиславович
Радзинский

1917

Librar Absolut

Библиотека «Абсолют»

Эдвард Радзинский

**1917. Российская
империя. Падение**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Радзинский Э. С.

1917. Российская империя. Падение / Э. С. Радзинский —
«АСТ», 2017 — (Библиотека «Абсолют»)

ISBN 978-5-17-101816-0

И опять мерещится все та же ночь – финал истории трехсотлетней империи в грязном подвале. И опять падает навзничь царь, и две девочки стоят на коленях у стены, закрывшись руками от пуль, и комендант Юровский вбегает в пороховой дым дострелить ползающего по полу мальчика... Только теперь в этом дыму я вижу еще и бородатого мужика, который столько сделал для того, чтобы случился этот подвал! И который знал, что он случится!

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101816-0

© Радзинский Э. С., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Распутин. «То дело»	7
Пролог	7
Тайна	7
Тюремный «бал»	8
«13-я часть»	9
Исчезнувшее «дело»	10
Писатель Григорий Распутин	11
Фальшивые дневники	11
Недремлющее око полиции	12
Еще один дневник	12
«Большая грудa пепла»	13
Воскресение Распутина в новой России	15
«То дело»	16
Краткое описание	17
Дом из небытия	18
Часть первая	20
Глава 1	20
Легендарный период	20
Исчезнувший день рождения	20
Постыдная фамилия	21
«Радость страдания»	22
Тайна начинается	23
Могущественный святой	24
Молельня под конюшней	26
Потаенная «Святая Русь»	26
Царь правит церковью	27
Пророчества старцев и «Русская мечта»	28
«Христы»	29
Изуверские русские ереси	31
Тайные странствия по тайным «уголочкам»	31
Первое обвинение	32
Глава 2	32
Завоевание столицы	32
Встреча со сталинским патриархом	33
«Черные женщины»	35
Очередная загадка Распутина	36
Глава 3	36
Страх и кровь царей	36
«Иов Многострадальный»	37
В поисках избавителя	38
«Генеральная репетиция» явления Распутина	40
Письмо Толстого	41
«Как богата стала наша жизнь...»	42
Элла из мира московского царства	44
Царский святой	45
Прощание с первым «нашим другом»	45

Кровавый пролог перед его приходом	46
«Сцена была готова для появления Чудотворца»	47
Часть вторая	49
Глава 4	49
Обольщение	49
Очаровательная генеральша	49
Прыжок во дворец	52
Скандалы в благородном семействе	53
Загадка новой фамилии	54
Еще одна историческая встреча	55
Похороненное следствие	56
Переворот во дворце	57
Опасная подруга	58
Игры Ани	60
Тайники души	62
Могущественная пара	63
Единственный	65
Предсказание	67
«Темные силы»	67
Хлысты-спасители	69
Модный «старец»	70
Две семьи	71
История любви и смерти	73
Нелюбимая	74
Несостоявшийся вождь антисемитов	75
Воспитатель Сталина	76
Русский Савонарола	77
Таинственные слухи в разгар славы	79
Путешествие монахов	81
Диспут с царицей	83
Расправа	84
Изнасилованная нянька?	85
Загадка Мэри	87
Преображение генеральши	88
Мужик и Европа	90
Премьер против мужика	92
Путь в Иерусалим	93
Глава 5	94
Загадочный соавтор	94
Падение великого премьера	95
За десять дней до убийства	96
Гибель премьера	97
«Хитрый китаец»	98
Месть мертвеца	99
Драка провидцев	100
Очередное предсказание о гибели «царей»	102
Секретное оружие	103
Полицейская летопись	104
Тайная жизнь	106

«Истина, которая нам непонятна»	107
Было ли письмо царицы?	108
«Обманет хоть самого черта»	110
Мистическое распутство	111
Восстание думцев	111
«Не делайте ему слишком больно...»	112
Пошли часы революции	114
Благословение на безумие	115
Изгнание из рая	116
Лето с «царями»	117
«Единственный, осмелившийся выступить в защиту его»	118
Два джентльмена с «грамматическими ошибками»	120
Реабилитация распутина	121
Чудо! Чудо!	123
Кто миротворец?	125
Великие торжества с мужиком	126
«Московская клика»	128
Предсказание феофана	130
Дама под вуалью	131
Портрет «святого семейства»	132
Крик боли	134
Мужик топит премьера?	135
Тень Марии Антуанетты	137
Сцена для трагедии готова	138
Глава 6	139
Любознательная «сатанистка»	139
«Салон» собирается	140
Лица из небытия	142
Ревнивец и толстая «секретарша»	145
Дамы за кадром	146
Проповедь и пляска	148
Финал первого периода: тайна остается	150
Глава 7	150
Загадка его учения	150
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Эдвард Радзинский

1917

Распутин. «То дело»

Пролог

Охота за документами

Тайна

Накануне Рождества Христова, 19 декабря 1916 года (в том последнем декабре Романовской империи) в Петрограде на речке Малая Невка всплыл труп – покрытый ледяной коркой, с изуродованным лицом. Поражали руки – связанные руки были подняты. Будто там, подо льдом, избитый и простреленный человек все еще жил, все пытался освободиться от пут...

Как напишет в отчете полиция, множество людей с флягами, кувшинами и ведрами устремились в те дни к реке. Они черпали воду, где еще недавно плавало страшное тело, они словно надеялись зачерпнуть с водой и дьявольскую, неправдоподобную силу этого таинственного человека, о котором знала вся Россия.

Я всегда опасался писать о нем. И не только потому, что в теме есть привкус вульгарности: Распутин – один из самых популярных мифов массовой культуры XX века. Опасался, потому что не понимал его, хотя прочел о нем множество книг. Многие написаны были весьма добросовестно, но под пером исследователей исчезало главное – его тайна.

Его лицо (запечатленное на множестве фотографий) довольно одинаково описывается людьми, встречавшимися с ним: обветренное, опаленное солнцем морщинистое лицо пожилого русского крестьянина – узкое, с крупным бугристым носом, полными плотоядными губами и длинной бородой. Волосы разделены на пробор и начесаны на лоб, чтобы скрыть (по словам его дочери) странную шишку высоко на лбу, напоминающую зачаток рога... Его глаза, также одинаково описанные разными свидетелями, притягивают даже на фотографиях. «Этот мгновенно загорающийся магнетический взгляд светлых глаз, в которых смотрит не один зрачок, а весь глаз» (Жуковская); «глубоко сидящие глаза... долго выдержать его глаза невозможно» (Джанумова); «гипнотическая сила, которая светила в его необыкновенных глазах» (Хвостов)...

Но далее начинается тайна: очевидцы описывают совершенно разное. В свое время я не без удовольствия выписал все эти противоречия: «высокий», «невысокий», «по-крестьянски опрятный», «грязный и неряшливый», «худой», «коренастый с широкими плечами»... Певица Беллинг, много раз видевшая Распутина, пишет о его «гнилых зубах и зловонном дыхании». А писательница Жуковская, весьма близко его знавшая, сообщает: «Зубы были у него безукоризненные и все до одного целы, а дыхание совершенно свежее... белые хлебные зубы, – крепкие, точно звериные...» «Рот был очень велик, но вместо зубов в нем виделись

какие-то черные корешки», – пишет его секретарь Симанович. «Крепкие белые зубы» увидел у Распутина его почитатель Сазонов...

Он зыбок, он странно меняется. Очень точно сказала о нем великая княгиня Ольга, сестра последнего царя: *«Он менялся, как хамелеон»*. О том же пишут и другие: «Когда вспомнишь эту его *диковинную особенность мгновенно изменяться*... сейчас сидел простой, неграмотный мужичок, грубоватый, почесывающийся, и язык у него еле шевелится, и слова ползут неповоротливо... и вдруг превращается он во вдохновенного пророка... и... новый скачок перевертыша, и с диким звериным сладострастием скрипят белые зубы, из-за тяжелой завесы морщин бесстыдно кивает какой-то хищный, безудержный, как молодой зверь... и вот уже... на месте распоясанного охальника сидит серый сибирский странник, тридцать лет ищущий Бога по земле», – вспоминала Жуковская.

Но главная его тайна, которую я никак не мог понять, – это ослепление Царской Семьи.

«Старец» – так называла Распутина императрица Александра Федоровна. Но как она, прочитавшая множество книг о православии, знавшая жития знаменитых старцев, могла называть «старцем» мужика, погрязшего в блуде и пьянстве? Она не верила рассказам о нем? Не верила – кому? Придворным? Это понятно. Отчетам полиции? Это объяснимо. Не верила Романовской семье? Матери мужа-царя не верила? Это объяснить труднее, однако все-таки можно. Но как она могла не верить своей сестре? Любимой и воистину святой старшей сестре Элле, с которой была так близка? А может быть, она попросту *не хотела* верить?

А сам царь? Почему он соглашался с ослепленной женой? Неужели все дело было в том, что Распутин спасал их больного сына? И этого достаточно, чтобы возникло восторженное поклонение, точнее – обожествление? Чтобы возник пугающий симбиоз: религиознейшая семья, однолюбы царь и царица, их чистые дочери – и рядом похотливый мужик, чьи проделки были притчей во языцех? Неужели здоровье ребенка заставило их молчаливо согласиться на уничтожение престижа династии, на неминуемую катастрофу, о которой им все без исключения твердили? Согласиться забыть свой долг перед страной?

Тогда пойдем и пожалеем добрых и несчастных родителей. Но как относиться к властителям – виновникам катастрофы, постигшей Россию в 1917 году и унесшей не только их жизни, не только жизнь их мальчика, но жизни миллионов их подданных?

Или была какая-то совсем *иная* причина их удивительной веры в этого человека? Совсем *иное* объяснение его поступков?

В начале века, когда всплыл страшный труп, все было так ясно: Распутин – слуга Антихриста. Так говорила тогда и верующая, и неверующая Россия... чтобы спустя 80 лет вновь задавать себе вопрос: кто же он все-таки был – Григорий Ефимович Распутин?

Тюремный «бал»

Я давно понял: только когда найду «То Дело» – смогу попытаться ответить на этот вопрос. Я знал, что «То Дело» должно существовать.

В 70-х годах, когда я писал книгу о Николае II, мне, естественно, приходилось обращаться к бумагам Чрезвычайной комиссии Временного правительства.

В марте 1917 года, после победы Февральской революции, в казематах Петропавловской крепости стало многолюдно. Сюда, в камеры русской Бастилии, где при царе сидели политические преступники, были доставлены те, кто их туда сажал. Люди, еще недавно вершившие судьбы России – бывшие премьер-министры Штюрмер и Голицын, министр внут-

ренных дел Протопопов, руководитель департамента полиции Белецкий и сменивший его на этом посту Васильев, министр двора престарелый граф Фредерикс, председатель Государственного Совета Щегловитов, дворцовый комендант Воейков, ближайшая подруга царицы Вырубова, и прочие, и прочие, – собрались в крепостных камерах, вечно сырых от наводнений. Как напоминало это общество недавние балы в Зимнем дворце...

4 марта 1917 года Временным правительством была образована «Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского режима». И теперь в Зимнем дворце, куда столь недавно министры являлись в орденах и лентах, заседал Президиум Комиссии, а следователи выезжали вести допросы в Петропавловскую крепость. Протоколы обрабатывал первый поэт России – Александр Блок. В своих записных книжках он описал и атмосферу допросов, и Зимний дворец с пустым тронным залом, «где вся материя со стен была содрана, а трон убран, потому что солдаты хотели его сломать».

Протоколы допросов готовились к изданию – вся страна должна была узнать, что же творилось там – за кулисами режима, в таинственном Царском Селе. И одним из главных вопросов, на который должна была ответить Комиссия, был вопрос о деятельности полуграмотного русского мужика Григория Распутина.

«13-я часть»

Президиум Комиссии и 27 ее следственных частей с марта 1917 года и вплоть до Октябрьского переворота вели непрерывные допросы своих блестящих заключенных.

Особая следственная часть, имевшая выразительный номер 13, специально занималась «обследованием деятельности темных сил». На политическом жаргоне того времени «темными силами» именовались Распутин, царица и приближенные к ним лица. Влияние Распутина на бывшего царя – вот что было основным содержанием работы 13-й части. Во главе ее стоял Ф.П. Симсон – бывший председатель Харьковской судебной палаты. Допросы вели однофамильцы Владимир и Тихон Рудневы и Григорий Гирчич, следователи, прикомандированные к Комиссии из провинциальных судов (тут идея была: провинциальные следователи не связаны с находившейся под следствием столичной правящей верхушкой).

А потом грянул переворот, и захватившие власть большевики покончили с Временным правительством. И вчерашние министры отправились в те же камеры Петропавловской крепости. Там их не без юмора встретили царские министры, которых они так недавно туда посадили...

Прекратили большевики и деятельность Чрезвычайной комиссии. Но часть допросов важнейших царских министров все же решили опубликовать к 10-летию революции. Издание должно было «показать маразм царской власти», которой руководил невежественный развратный мужик Григорий Распутин.

К тому времени обрабатывавший стенограммы допросов Александр Блок уже умер (но успел увидеть, как «мировая революция превратилась в грудную жабу»). Издание осуществил один из самых видных деятелей Комиссии П. Щеголев. До революции он был редактором знаменитого журнала «Былое». Этот печатный орган «совсем революционного настроения» не раз закрывался царскими властями. Лев Толстой говорил: «Если бы я был молод, то после чтения «Былого» я взял бы в обе руки по револьверу»... При царе Щеголев успел побывать и в камере Петропавловской крепости, где впоследствии сам допрашивал посадивших его туда. Но после прихода большевиков вчерашний неподкупный Щеголев весьма

переменился – стал послушным помощником новой власти, выступал экспертом на процессах, устроенных большевиками.

Семь маленьких томиков «Протоколов Чрезвычайной следственной комиссии» – вот и все, что было опубликовано Щеголевым из огромного материала допросов. Эти томики и стали на долгие годы главной документальной основой всех книг, написанных о Распутине.

Исчезнувшее «дело»

Только спустя почти четыре десятка лет к ним прибавился еще один поразительный документ о Распутине, и тоже из материалов Комиссии.

В 1964 году вышел сенсационный номер журнала «Вопросы истории», и его жадно читали тогда не только специалисты. Там впервые начали печатать «Постановление следователя Чрезвычайной комиссии Ф. Симсона о деятельности Распутина и его приближенных лиц и влиянии их на Николая Второго в области управления государством», хранившееся прежде в секретной части Архива Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации). Это постановление и было итогом работы 13-й части.

Я прочел этот номер позже, когда начал работать над книгой о Николае II. Содержание «Постановления» произвело ошеломляющее впечатление. В нем Симсон щедро цитировал показания лиц из ближайшего окружения Распутина: его издателя Филиппова; его друга Сазонова, на квартире которого проживал Распутин и с женой которого он находился в самых тесных отношениях; знаменитой Марии Головиной – верной обожательницы Распутина, ставшей невольной причиной его гибели; петербургских кокотов, с которыми мужик был связан нежными узами; и так далее...

Но в изданных Щеголевым «Протоколах» все эти показания отсутствовали. Ибо это были показания людей, *любивших Распутина*, чья точка зрения была неприемлема для Щеголева.

Впрочем, вырванные цитаты, которые приводил в своем отчете Симсон, мало что меняли. В «Постановлении» он старательно защищал ту же идею, которую проводил Щеголев в своей публикации: рисовал все тот же образ развратного мужика, обезумевшего от пьянства и вседозволенности, который руководил и Царской Семьей, и согласившимися прислуживать фавориту коррумпированными министрами.

Было ли это всей правдой показаний, полученных в 13-й части? Я имел право усомниться, ибо к тому времени уже знал о непримиримых разногласиях внутри Комиссии. Один из следователей, Владимир Руднев, демонстративно покинувший Комиссию, уже в эмиграции написал о причинах своего ухода: «В августе 17 года я подал прошение об отчислении меня *ввиду попыток председателя Комиссии Муравьева побудить меня явно к пристрастным действиям*».

И я отправился в архив, чтобы целиком прочесть показания, которые так пристрастно цитировал Симсон. Каково же было мое изумление, когда в фонде Чрезвычайной комиссии я их не нашел.

Эти документы исчезли.

Итак, исчезли показания ближайших друзей Распутина. А ведь в них-то, возможно, и было самое интересное! Ведь эти показания давали люди, видевшие его каждый день, те, кто согласились в силу каких-то причин преданно служить ему. В них могла быть разгадка – подлинный портрет, который я для себя уже назвал «Живой Распутин»...

Эти исчезнувшие показания и стали для меня «Тем Делом». Так началась моя охота за документами.

Писатель Григорий Распутин

В архиве я нашел довольно скудный «фонд Распутина». В нем были знаменитые телеграммы, которые он посылал царю и царице. Заботливо сохраняемые ими вплоть до революции, они были изъяты Чрезвычайной комиссией и впоследствии неоднократно публиковались в разных изданиях.

И там же я нашел некие загадочные и никогда не печатавшиеся телеграммы, посланные Распутину за подписью «Душка». Эти телеграммы (к которым мы еще вернемся) проливают особый свет на отношения Распутина и царицы...

Там же хранились и произведения самого Распутина – и самое сильное, самое таинственное, так и не изданное при его жизни «Житие опытного странника». И еще три (опубликованных прижизненно): «Великие торжества в Киеве» (во время этих торжеств был убит премьер Столыпин), «Благочестивые размышления» (сборник поучений) и «Мои мысли и размышления» (рассказ о поездке в Иерусалим). Разумеется, малограмотный Распутин сам их не писал. Он говорил, а некто за ним записывал (и с любовью записывал!). Мы еще вернемся к удивительному соавтору (точнее – соавторше) Распутина...

Изданные сочинения после революции были изъяты из библиотек и переправлены в закрытые хранилища. Они цитировались в книгах иностранных авторов о Распутине. Но его сильная, народная русская речь меркнет при переводе. Переводить его должен поэт.

Можно представить оболечение, которое испытывали слышавшие эту речь, видевшие «пронзительные волчьи глаза»... И опасные прикосновения его «электрических» рук – он часто дотрагивался до собеседников во время поучений...

Фальшивые дневники

И тогда же в архиве я нашел «Дневник Распутина». С подзаголовком: «писанный под его диктовку Крамер Л. П.» Неопубликованный дневник Распутина! Это было счастье! Но восторг погас быстро. Многие истории и их герои в этом дневнике совпадали с тем, что я уже прочел в щеголевских «Протоколах». И все, что доказывала тогда большевистская историческая наука: разврат «старца», продажность высшего петербургского общества, жалкий тупой царь – все старательно было собрано в дневнике.

Вот Распутин поучает царя – стучит кулаком, объясняет глупому самодержцу загадку русского народа: «Ты как учить мужика думаешь? Через жопу?.. Жопу ему драть хочешь, а в голове у него такая злоба вырастет...» И далее поясняет: «С царями... (так Распутин называет императорскую чету. – Э.Р.) не разумом надо, а духом... Они разума не понимают, а духа боятся»... Повелевает он и покорной царицей: решил Распутин заключить мир с немцами, и она благоговейно становится перед ним на колени, обещает немедля сделать... И конечно же – разврат с «прогнившей аристократией»: «Повезла мама (царица. – Э.Р.) меня к Кусихе (баронессе Кусовой – Э. Р.) в Павловск... Там еще генеральша была... Липучие они обе, как мухи... Сама ко мне липнет, а все боится, как бы не узнали».

Да, это была всего лишь идеологическая подделка. Недаром в подзаголовок «писанный под его диктовку» позже кем-то было стыдливо вставлено слово «якобы» – «якобы писанный под его диктовку».

Определить авторов этого документа нетрудно. Ибо они уже успели прославиться подобной подделкой, имевшей в те годы фантастический успех у читателей.

В 1927 году на страницах журнала «Минувшее» начал печататься «Дневник Вырубовой». Вся страна с упоением читала этот дневник, раскрывавший интимные подробности «разложения режима, так недавно правившего Россией».

Правда, очень скоро поползли слухи, что Вырубова тут была совершенно ни при чем. Авторами занимательной подделки называли двух знаменитостей: все того же издателя «Протоколов Чрезвычайной комиссии» Щеголева и известного писателя Алексея Толстого («красного графа», как часто его звали).

До этого Щеголев и Толстой уже успели вдвоем сочинить нечто похожее. Это была пьеса «Заговор императрицы» – о попытке Распутина произвести дворцовый переворот и сделать правительницей страны Александру Федоровну. Пьеса имела «анафемский успех» в Москве и Ленинграде, шла там одновременно в шести театрах.

И в 1927 году, когда праздновалась десятая годовщина падения царского режима, мощная идеологическая кампания по дискредитации царизма не смогла обойтись без Щеголева и «красного графа» (и они – без нее). Это был типичный социальный заказ: Щеголев предоставил материалы, Толстой написал – так появился лжевырубовский дневник. И огромный его успех, видимо, подсказал новую работу – «Дневник Распутина» должен был стать продолжением «Дневника Вырубовой». Однако благодаря общительному (и часто пьяному) «красному графу» история фальшивки перестала быть тайной, так что об издании «продолжения» нечего было и думать. И, возможно, тогда ценивший литературные мистификации Щеголев и отдал «Дневник Распутина» в архив – пусть полежит до лучших времен...

И подделка осталась пылиться в архиве.

Недремлющее око полиции

Но, пожалуй, самыми забавными документами о Распутине, которые я прочел тогда в архиве, были тома донесений агентов полиции, наблюдавших за ним. Эти «агенты наружного наблюдения» должны были ежедневно писать отчеты обо всех передвижениях Распутина по городу, опознавать и описывать его бесчисленных посетителей (которые тут же попадали, как в капкан, под надзор полиции). Отмечались любые отлучки Распутина из квартиры, время его возвращений, адреса визитов и встречи по дороге. Ни один государственный деятель того времени не имел такого подробного «жизнеописания», как полуграмотный мужик Григорий Распутин...

Но находящиеся в архиве тома – всего лишь жалкие остатки. Часть полицейских документов погибла во время Февральской революции, когда горели охранные отделения, часть уничтожили сами высокие чиновники, ибо они тоже посещали Распутина, и он бывал у них. Министр внутренних дел Хвостов показал в Чрезвычайной комиссии: «При оставлении мной должности Штюмер (премьер-министр. – Э.Р.) брал к себе документы, особенно о Распутине... главный интерес был к ним. *Все тут же сожглось*»...

Но и оставшиеся донесения раскрывают безумную мозаику распутинских дней – посещения ресторанов и цыганских хоров, встречи с министрами и политическими деятелями, пикантные сцены на кухне, подсмотренные агентами из-за отсутствия занавесок, мешанина его посетителей: кокетки, княгини, банкиры, дельцы, набожные почитательницы... Все фиксируют агенты: имена, время прибытия и ухода дам (подчас после ночи с мужиком)...

Еще один дневник

Но исчезнувшее «То Дело» не выходило у меня из головы. После начала перестройки я возобновил поиски. В начале 90-х тщетно искал его в Петербурге.

В Историческом архиве, расположившемся в роскошных зданиях бывших Сената и Синода (куда столь многих назначил простой мужик), из распутинских документов сохранилась только маленькая ученическая тетрабочка с портретом Пушкина и надписью «Дневник» (то бишь «Дневник»). В свое время обнаружение этой тетрабочки вызвало волну статей в крупнейших газетах мира: найден дневник Распутина! На самом же деле наш герой заносил в эту тетрабочку (чудовищными каракулями) свои поучения. Название «Дневник» он, видимо, дал для важности, зная, что и царь, и царица ведут дневники.

И наконец в бывшем Музее Революции, помещавшемся в особняке балерины Кшесинской, я увидел еще одну сенсацию последнего времени: обнаруженные в 90-х годах фотографии из следственного дела об убийстве Распутина. Это вид двора Юсуповского дворца, по которому в декабрьскую ночь 1916 года бежал Распутин, пытаясь спастись от своих убийц, и фотографии его труп, вытасченного из реки, – изувеченного лица с запекшейся кровью и обнаженного тела с пулевыми отверстиями. Сам протокол вскрытия тела еще в 30-е годы хранился в Военно-медицинской академии, но вдруг таинственно исчез. Впрочем, тогда исчезали не только документы. Вскоре исчезли и многие сотрудники, которые видели этот акт, – было время террора... Правда, осталось официальное свидетельство о сожжении труп Распутина после Февральской революции.

Все это было интересно, но... никаких следов пропавших документов из 13-й части – следов «Того Дела» – я по-прежнему не нашел.

«Большая груда пепла»

В начале 90-х годов вышла моя книга о Николае II. Не обладая достаточным количеством материалов, я писал в ней о Распутине мало и осторожно. Тогда же на телевидении появилась моя передача «Загадки истории». После выхода книги на меня обрушился поток писем с просьбами сделать передачу о Распутине. И я решился снять историю его гибели.

Я попытался найти для передачи хоть какие-нибудь новые свидетельства о нем – помимо бесконечно цитируемых и переходящих из одной книги о Распутине в другую. Тогда я и вспомнил о рукописи, которую студентом видел в Архиве литературы и искусства. Это были воспоминания Веры Александровны Жуковской, молодой писательницы (родственницы знаменитого ученого Н.Е. Жуковского), о ее встречах с Распутиным. Однако эротика этих воспоминаний, весьма напоминая романы Арцыбашева, заставляла подозревать, что все это – литературный вымысел. Желание проверить подлинность фактов в рукописи заставило меня вспомнить о «Том Деле»...

Ибо, как писала Жуковская, попасть к «старцу» ей помог Александр Степанович Пругавин, знаменитый знаток русского сектантства. Более того, она утверждала, что впоследствии сама приводила Пругавина к Распутину. Как легко можно было проверить достоверность ее истории! Ведь показания Пругавина о Распутине цитировались в постановлении Симсона, значит, они были и в «Том Деле»... Я должен был его найти!

Работая над передачей, я, естественно, думал и о бумагах Вырубовой. Несколько ее допросов опубликованы в щеголевских «Протоколах», но их должно было быть куда больше. Ибо, как отмечал следователь Руднев, 13-я часть «обратила особое внимание» на деятельность ближайшей подруги царицы и главной почитательницы «старца».

После гибели Распутина Вырубова жила вместе с Царской Семьей в Александровском дворце. В конце февраля 1917 года, когда восставшая толпа уже заполнила улицы столицы, наследник и великие княжны заболели корью. Заразившись от них, Подруга лежала в жару, без сознания. Очнувшись она уже в осажденном дворце, безнадежно тонувшем в море революции. Света не было, лифт не работал, царица металась между больными. Но едва оправившись, Вырубова начала жечь свои бумаги...

В конце марта Вырубову арестовали. Она предстала перед Чрезвычайной комиссией. В опубликованных показаниях на вопрос следователя: «Почему вы сожгли целый ряд документов?» она ответила: «*Я почти ничего не жгла... сожгла только несколько последних писем императрицы, не хотела, чтобы они попали в посторонние руки*».

Я хотел в это поверить. Может быть, действительно, главное ей удалось спрятать? Ведь не сожгла она впоследствии письма царственной подруги из тобольского заточения, несмотря на все призывы Аликс уничтожить их! И возможно, унесла она драгоценные документы с собой в ту ночь, когда ей удалось бежать из красной России по опасному льду Финского залива.

Вырубова – одна из очень немногих, кто был близок к Царской Семье и уцелел. Она прожила до 1964 года и благополучно умерла в Финляндии. Естественно, я отправился туда.

В Хельсинкском Национальном архиве мне показали ее полицейское досье. Там была запись допроса Вырубовой, произведенного финскими властями в городе Териоки – в карантине для беженцев. Финны понимали всю важность ее показаний. Как сказано в деле, «показания направлены премьер-министру и президенту».

Но ничего нового Вырубова финнам не сообщила. Ее ответы были добросовестным повторением ее же показаний Чрезвычайной комиссии: «Нет, царица не была в связи с Распутиным» и так далее... В досье были также бесконечные прошения о гражданстве, но ей, «большой почитательнице Распутина», финны постоянно отказывали. Мотив – «занималась политической деятельностью». В 1934 году за нее тщетно просил бывший царский кавалергард, ставший финским маршалом, барон Маннергейм. Но лишь спустя пять лет, когда он стал всемогущим лидером страны, его рекомендация возымела действие.

В 1923 году Вырубова написала и опубликовала на Западе свои воспоминания. Она хотела скрыться под девичьей фамилией «Танеева», но издатели не согласились. Никаких черновиков этих воспоминаний в архиве я не нашел.

В Финляндии она стала «тайной монахиней» (с правом жить дома, а не в монастыре, из-за инвалидности – ее изуродованной ноги). Я связался с монастырем, где приняла она тайный постриг, но и там ничего не обнаружил. Вырубова доживала свой век одиноко, почти ни с кем не общаясь. Я было подумал, что она дала некий обет молчания, но это оказалось не так...

В 1937 году, остро нуждаясь в деньгах, она пыталась издать новую редакцию своих воспоминаний и даже заключила контракт с финским издательством. Но пока писала, началась война. Когда-то Первая мировая разрушила империю и жизнь могущественной Подруги «царей», теперь Вторая разрушила надежды изгнанницы получить немного денег... Воспоминания о царе и царице России, воевавшей с Германией, оказались «не ко времени» в Финляндии – союзнице Гитлера. А после войны, когда НКВД хозяйничал в Финляндии и эмигрантов почти открыто вывозили в СССР, Подруга, вероятно, попросту боялась напоминать о себе. Только в 1953 году – в год смерти Сталина – она передала в издательство законченную книгу. Но и тогда ее не напечатали – видимо, рукопись не показалась издателю новой по сравнению с прошлым изданием.

В начале 80-х, уже после смерти Вырубовой и ее финского издателя, его дочь, разбирая бумаги отца, нашла конверт с фотографиями. На нем было написано: «Фото Анны Вырубовой с ее подписями на обороте». Нашла она и рукопись ее воспоминаний. В 1984-м книга была издана. Она не стала событием, ибо в ней, повторяюсь, не было нового. Но фотографии в книге – поражают. Особенно одна, где Александра Федоровна сидит в шезлонге на фоне Царскосельского парка... Какая грусть, какое безнадежное лицо у императрицы...

Прочтя эти мемуары, я окончательно понял: никаких документов Вырубова с собой не вывезла. Неужели она действительно все сожгла в Зимнем дворце? Я тогда еще не знал, что «То Дело» (которое я вскоре увижу!) даст мне разгадку.

«То Дело»: «Комендант Александровского дворца подполковник Коровиченко в присутствии дежурного офицера и члена исполкома Царскосельского гарнизона произвели осмотр помещений, которые занимала в Царскосельском дворце Анна Александровна Вырубова... В камине спальни госпожи Вырубовой *найдена большая груда пепла от сожженных бумаг...*»

Из показаний Александра Оамерга, «исполнявшего должность скорохода при бывшем высочайшем дворе»: «Лакеи передавали мне, что 3 или 4 марта в камине ее (Вырубовой. – Э.Р.) комнаты они нашли большую кучу пепла от сожженных бумаг. Судя по количеству пепла, можно думать, что *было сожжено очень много бумаг*».

В отличие от предусмотрительной Подруги, царица, к великому счастью, не смогла сжечь большинство писем, ибо в них была ее любовь – бессмертная любовь к «дорогому Ники». Письма, которыми обменивались Аликс и Ники в дни войны, сохранились. И в них бесконечно упоминался Распутин. Если до 1914 года о его отношениях с Царской Семьей можно судить по показаниям свидетелей, то с первого дня войны о своих отношениях с Распутиным заговорят сами «цари».

Но комментировать эти письма мне помогла еще одна свидетельница...

Хозяйка маленького домика, затерянного в Канаде, сухонькая старушка, одетая в грубую черную юбку, потертый свитер и тяжелые коричневые туфли, когда-то владела дворцами, ей прислуживали десятки лакеев. Она умерла в 1960 году – как и Вырубова, сумела перешагнуть середину века. На ее похоронах в православном соборе в Торонто собрались остатки первой – величественной – русской эмиграции. От умершей остались старая мебель и огромный портрет Александра III, напоминавший о былом.

Это была великая княгиня Ольга, родная сестра последнего русского царя Николая II, младшая дочь Александра III. Ее память поразила журналистку, записавшую ее мемуары. Я пользовался этими воспоминаниями – еще одним голосом навсегда исчезнувшей России.

Воскресение Распутина в новой России

Но «Того Дела» я и тогда не нашел... Однако в 90-х годах выплыли из небытия документы о Распутине, хранившиеся в Тобольском и Тюменском архивах. Были найдены метрические книги Богородицкой церкви, по которым стало, наконец, возможно установить точную дату его рождения. В Тюменском архиве нашлись «Дело Тобольской духовной консистории о хлыстовстве Григория Распутина» и «Дело о покушении на убийство Григория Распутина».

Я благодарю оба этих архива, переправивших мне ксерокопии хранившихся у них бесценных документов.

В последние годы Григорий Распутин начал «воскресать» в России. И в этом «воскресении» немалая заслуга самого Распутина, вернее, его сочинений. В годы перестройки они вновь явились на свет, были напечатаны и произвели огромное впечатление: прекрасный народный язык, исчезнувший в годы «новояза», и великие библейские истины, забытые в стране, где незнание Библии было почти всеобщим, завораживали.

Новая «распутиниана» началась со справедливого ощущения, что образ Распутина, созданный в течение нашего столетия, – политическая легенда. И показания, опубликованные Щеголевым в «Протоколах Чрезвычайной комиссии», – это в основном тенденциозно подобранные показания его врагов. И в документах, клеймящих Распутина, есть множество несовпадений...

Но «восстановление справедливости» вылилось в нашу любимую «легенду наоборот»: «святой черт» Григорий стал «святым старцем» Григорием!

Русские мифы о демонах и святых... сколько их в XX веке: «кровавый Николай» – «святой Николай»; «святой Ленин» – «кровавый Ленин»; «отец и учитель» Сталин – «монстр» Сталин... И все эти новые исследования о Распутине закончились излюбленной версией о «жидомасонах»: «масонами был создан миф о Распутине – миф, имеющий целью очернить, дискредитировать Россию, ее духовное начало».

История продолжала улыбаться. Перед революцией и после нее тогдашние националисты обвиняли Распутина в том, что он агент масонов, что «черные силы масонства» воспользовались его влиянием на царя и царицу для выполнения своей программы. Теперь он был объявлен жертвой масонов. И если прежде Распутина называли «еврейским прихвостнем, окруженным евреями-секретарями», в нынешней России некто Н. Козлов счел убийство Распутина «ритуальным»: оказывается, Распутина убили евреи через руководимых ими масонов.

Так возник новый миф о крестьянине, хранителе исконных русских ценностей – православия, самодержавия и народности, – подвергшемся травле врагов правосудия, мечтавших «развернуть Россию на Запад». Все стало просто, пошло и скучно.

Но создатели этого мифа могли утверждать все, что хотели. Могли называть ложью донесения агентов охранки, заявлять, что никогда Распутин не пьянствовал, не творил блуда – был чистым и добрым христианином.

Они имели на это право, ибо все порочащие Распутина сведения черпались из показаний его врагов. Показаний его друзей не было.

Не было «Того Дела».

«То дело»

Готовясь к телевизионной передаче об убийстве Распутина, я ознакомился с архивом семьи Юсуповых.

Архив этот нелепо разбит на две части: основной фонд хранится в Российском Государственном архиве древних актов. Здесь – история возникновения несметных богатств древнего Юсуповского рода. Потомки татарских владык, перешедшие на службу к московским царям, за три века стали богатейшими землевладельцами: тысячи десятин земли принадлежали будущему убийце Распутина. В XIX веке стали они и крупнейшими промышленниками. В 1914 году их доход составил полтора миллиона золотых рублей. Богатейшая семья России!

Другая (небольшая) часть фонда хранится в Историческом музее. В этих двух хранилищах я и нашел переписку между Феликсом Юсуповым и его женой Ириной. Сохранились и письма к сыну Зинаиды Юсуповой – одной из главных ненавистниц Распутина.

Заговор против «старца», тайна отношений Феликса и Марии Головиной и, наконец, новая картина убийства Распутина открываются в этих письмах...

А потом подошел день съемки в Юсуповском дворце.

Этот дворец полон тайн. Впрочем, тайны – в традициях Юсуповского рода. Прабабка убийцы Распутина была одной из красивейших женщин Европы. В ее апартаментах после революции большевики нашли потайную дверь, а за ней – гроб с истлевшим телом мужчины. Феликс впоследствии писал о ее любовнике-революционере, узнике Свеаборгской крепости, которому прабабка устроила побег и скрывала во дворце и до его смерти, и после.

В 1925 году в московских палатах XVII века, принадлежавших Юсуповской семье, строители обнаружили, что штукатурка под парадной лестницей несколько отличалась по

цвету от стен. Пробив дыру, они проникли в кладовую, заставленную сундуками. Когда зажгли свечу, все вокруг заблестело – золото, серебро, фамильные драгоценности были свалены в открытых сундуках хозяевами, поспешно покинувшими страну. Там же найдены были и семейные документы, вошедшие потом в Юсуповский фонд.

День съемки оставил странное ощущение.

Утром я был приглашен на ланч к принцу Майклу Кентскому, гостившему в те дни в Петербурге. Потомок короля Георга V (двойника Николая Второго) принц Майкл похож на последнего русского царя – и чертами лица, и, что важнее, глазами: то же нежно-печальное выражение, описанное во множестве воспоминаний. После встречи с родственником и ликом последнего царя я и поехал на съемку во дворец, где убили того, кто его погубил.

В Юсуповском дворце все сохранилось: я спускался по той же лестнице, на которой стояли великий князь Дмитрий Павлович и остальные убийцы, судорожно прислушиваясь к звукам, доносившимся из подвала. Я вышел в тот же двор, в который выбежал, надеясь спастись, истекавший кровью Распутин. А потом я вернулся в тот же подвал, превращенный Феликсом в изящную столовую, где князь стрелял в мужика... Сейчас здесь находились восковые фигуры, изображавшие Феликса и Распутина.

Меня закрыли в подвале, я остался один. Это было странное чувство: мне показалось, что я знаю этот подвал, хотя прежде никогда здесь не был. Где-то я уже видел это небольшое пространство, окна, чуть возвышающиеся над землей, сквозь которые видны только ноги прохожих, мощные стены, не пропускающие звуков...

Да, то был двойник подвала в Ипатьевском доме, где расстреляли Царскую Семью.

Ночью после съемки я вернулся в Москву. На следующий день была премьера «Хованщины» в Большом театре, куда меня пригласил мой друг Мстислав Ростропович, дирижировавший оперой. Я глядел на сцену, на костюмы времен Московского царства, которые так любили носить на «исторических» балах Николай и Александра... Мне показалось, что вчерашний день продолжается.

И он продолжился.

По окончании оперы я пошел поздравлять Ростроповича. И тогда в артистической, набитой людьми, он мне сказал: «Я приготовил тебе такой подарок! Ты сойдешь с ума! Ты просто умрешь! Ты должен немедленно приехать ко мне в Париж!»... Он сделал паузу, но я уже знал, что он скажет.

И он сказал: «Я купил тебе на аукционе «Сотбис» документы... целое огромное дело. И знаешь – о ком?» Я знал. И он закончил: «О Распутине! Это допросы в Чрезвычайной комиссии Временного правительства. Причем – множества людей, которые его знали».

Самый длинный день в моей жизни закончился.

В парижской квартире Ростроповича висят занавеси из Зимнего дворца с царскими гербами, а на стене – знаменитый серовский портрет Николая с невыразимо грустными глазами...

На столе лежал огромный том. Я открыл... Показания Филиппова, Сазонова, Вырубовой, Головиной... Это и было «То Дело», выдержки из которого цитировал следователь Симсон!

«То Дело», которое я столько искал!

Краткое описание

На типовой обложке – надпись: «Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского режима».

Почти пять сотен страниц со штампами Комиссии. Все протоколы подписаны допрашиваемыми. Здесь автографы Вырубовой, знаменитых почитательниц «старца» Ольги Лохтиной и Марии Головиной, шефа жандармов Джунковского, полковника Комиссарова, тибетского врача Бадмаева, министра внутренних дел Хвостова, главы Московской охранки Мартынова... И автографы следователей 13-й части – обоих Рудневых и Гирчича.

Какое это было чтение! В «Том Деле» оказались сенсационные показания епископа Феофана – знаменитого церковного иерарха, аскета, благодаря которому (как часто утверждалось ранее) Распутин проник в Царскую Семью; показания монахов из далеких сибирских скитов и Верхотурского монастыря, где началось таинственное преображение Распутина... И, наконец, столь важные и желанные для меня показания *тех, кто ценил и любил Распутина*, без мнений которых трудно написать беспристрастную биографию его.

Первый среди них – Алексей Фролович Филиппов, издатель и «искренний почитатель Распутина», как справедливо называют его приверженцы новых легенд о «святом Григории». Но Филиппов был не просто «почитателем» – он был яростным защитником Распутина. Есть показания и Георгия Петровича Сазонова, другого «горячего почитателя Распутина», как его (опять же справедливо) характеризуют те же новые поклонники «старца». И знакомого Распутина – одного из таинственнейших людей Петербурга – врачевателя Бадмаева, лечившего тибетскими травами важнейших царских сановников. И показания дам, подозревавшихся в самых близких отношениях с Распутиным: баронессы Кусовой, певицы Варваровой, вдовы есаула Воскобойниковой, кокоток Трегубовой и Шейлы Лунц. И, наконец, несколько длиннейших допросов его знаменитых поклонниц: Марии Головиной, «львицы петербургского света» Ольги Лохтиной, которую (как утверждали газеты) знакомство с Распутиным превратило в юродивую. И конечно же подруг царицы – Вырубовой и Юлии Ден.

«То Дело» позволило удостовериться и правдивость воспоминаний Жуковской, ибо в нем есть подробные показания самого Александра Степановича Пругавина. Знаток русского сектантства подтвердил все, о чем писала Жуковская: и свою помощь при ее знакомстве с Распутиным, и их совместные посещения «старца», и рассказы о нем Жуковской (как оказалось, впоследствии легшие в основу повести Пругавина о Распутине). Более того, эротизм писательницы, как считает Пругавин, «заставил ее стараться... до конца понять» загадочное учение «старца». Так что она хорошо знала, о чем писала...

И еще один источник, о котором идет речь в «Том Деле». Враг Распутина, монах Илиодор, опубликовал за границей свою знаменитую книгу о «старце» – «Святой черт». Многие историки считали ее лишь пасквилем, не заслуживающим внимания. Но в «Том Деле» имеются мнения о книге людей, в ней упомянутых. Оказалось, в главном Илиодор правдив: письма Государыни и великих княжон у него действительно были, и цитирует он их правильно. Был у него и дневник Лохтиной – это подтвердила на допросе она сама. Ознакомившись с книгой Илиодора, и Лохтина, и епископ Феофан делают лишь частные замечания. Так что и этим источником пренебрегать не следует.

Дом из небытия

Среди документов, которые я получил из сибирских архивов, была опись имущества, принадлежавшего Распутину, сделанная тотчас после его гибели, – подробное описание его легендарного дома в Покровском. Теперь я знал каждое кресло в его комнатах, ковры, часы – всю эту «городскую обстановку» на втором этаже, где жили «дуры» (его петербургские поклонницы), и вековой крестьянский быт в комнатах его семьи...

Я видел то, что видел он. Я слышал его речь, которая звучит в его сочинениях. Я знал, каким видели его те, кто ему поклонялись. *Живой Распутин...*

Я мог начинать.

Эта книга – как бы завершение следствия о таинственном человеке, начатого Временным правительством в 1917 году. Своеобразное «Дело о Распутине», где свидетельствуют только те, кто его действительно знал.

И главное – в ней впервые зазвучат голоса тех, чьи показания оказались в «Том Деле».

Когда-то, завершая книгу о последнем царе, я опрометчиво написал: «Неужели никогда не закончить мне эту книгу?»

И вот опять толпа прежних знакомцев ворвалась в мою жизнь.

И опять мерещится все та же ночь – финал истории трехсотлетней империи в грязном подвале. И опять падает навзничь царь, и две девочки стоят на коленях у стены, закрывшись руками от пуль, и комендант Юровский вбегает в пороховой дым дострелить ползающего по полу мальчика...

Только теперь в этом дыму я вижу еще и бородатого мужика, который столько сделал, для того чтобы случился этот подвал! И который знал, что он случится!

Часть первая «Старец»

Глава 1 Загадочный странник

Легендарный период

Темна большая половина его жизни... В 1917 году следователи Чрезвычайной комиссии беседовали с односельчанами Григория Распутина – безуспешно пытались восстановить его раннюю биографию. Но создали лишь идеологическую версию о вороватом и пьяном с юности мужике. Мало помогают и написанные в эмиграции воспоминания дочери Распутина Матрены – плод общей фантазии ее и помогавшей ей журналистки.

Между тем в архиве существует собственный рассказ Распутина об этом периоде. В 1907 году, уже став своим человеком в Царской Семье, он говорил «царям» о своих странствиях по Руси. Тогда, очевидно, и было решено записать его рассказы.

«Житие опытного странника» – так называлась запись... Но будем помнить: он излагал то, что хотели услышать его царственные почитатели – некое «Житие святого Григория», проще говоря, тоже легенду. Однако в этой записи мы можем найти следы самого интересного – таинственного преображения Распутина. Добавлением будут служить те немногие документы о его прошлом, которые находятся в сибирских архивах.

Исчезнувший день рождения

Григорий Ефимович Распутин родился в слободе Покровской Тюменского уезда Тобольской губернии. Это затерявшееся в сибирских просторах маленькое село расположилось на берегу полноводной реки Туры, на большом тракте.

По этому тракту, протянувшемуся на многие сотни верст, гнали ямщики своих лошадей от уральского городка Верхотурья с Николаевским монастырем (который впоследствии так полюбит Григорий) по берегам Туры через Тюмень к Тобольску. По нему же через Покровское, мимо Распутинского дома, в страшном 18-м году поедет на Урал – на смерть – Царская Семья.

Загадочен сам день рождения нашего героя. До последнего времени биографы Распутина называли самые разные даты – в периоде с 1860 до 1870 года. Советские энциклопедии дают: 1864–65 годы.

По сей день в селе Покровском сохранились развалины Богородицкой церкви, в которой его крестили, а в Тобольском архиве – часть метрических книг из этой церкви. В одной из них есть запись о бракосочетании крестьянина Ефима Яковлевича Распутина, 20 лет, с девицей Анной Васильевной, 22 лет, дочерью крестьянина, которое состоялось 21 января 1862 года.

Анна исправно рожала дочерей, но они умирали. Наконец 7 августа 1867 года она родила мальчика, Андрея – вскоре умрет и он. (В семьях Гитлера и Сталина все дети, рождавшиеся до них, тоже умирали, будто Бог предостерегал от появления младенцев на свет в этих семьях.) И наступил 1869 год...

До этой даты в метрических книгах нет сведений о рождении Григория. Так что *ранее 1869 года он не мог родиться*, и данные в наших энциклопедиях неверны. Но... все книги, датируемые этим и последующими годами, из архива исчезли!

Но в Тобольском архиве уцелела книга переписи жителей села Покровского за 1897 год, где рядом с именем Григория Распутина в графе «Год, месяц и день рождения по метрике», заканчивая все предположения, значится *10 января 1869 года*. 10 января – день святого Григория, потому его так и нарекли.

Кстати, путаницу с датой своего рождения старательно создавал и... сам Распутин. В «Деле Тобольской консистории» (в 1907 году) он заявляет, что ему 42 года (прибавляет себе 4 года). Через семь лет, в 1914-м, во время следствия по делу о покушении на него Хионии Гусевой он говорит: «Зовут меня Григорий Ефимович Распутин-Новый, 50 лет» (прибавляет 5 лет). В тетради, куда царица заносила изречения «старца», с его слов записано: «Уже я прожил 50 лет, шестой десяток наступает». Запись датирована 1911 годом, то есть Распутин прибавляет себе 8 лет.

Впрочем, его упорство прибавлять возраст нетрудно понять – ведь царица называла его «старцем»...

Старчество – особый институт русской церковной жизни. В былые времена старцами называли монахов, чаще всего – отшельников. Но к XIX веку так зовут уже монахов, «отмеченных особым знаком», которые благочестивой жизнью, постами и молитвами заслужили право быть «избранными Богом». Всевышний дал им силу пророчествовать и врачевать. Это «водители душ», заступники за людей перед Богом. Но «старец» в народном сознании – всегда человек в годах, старик, много переживший и отринувший все земное.

И «старец» Распутин стеснялся своих отнюдь не старых лет. Ведь он был моложе царя... Оттого он и прибавлял себе годы, что было нетрудно при его морщинистом, рано постаревшем крестьянском лице.

Отец Распутина, как показывают свидетели, допрошенные в Чрезвычайной комиссии, много пил, но потом совладал с собой, обзавелся хозяйством – владел земельным наделом, зимой занимался извозом, а летом, как все крестьяне Покровского, промышлял рыбной ловлей и подрабатывал грузчиком на пароходах и баржах.

Постыдная фамилия

Его фамилия происходит от стыдного слова «распута». Трогательные попытки исследователей Распутина образовать его фамилию от «распутицы» или «распутья» особого доверия не вызывают.

«Распутин... происходит от нарицательного «распута» – *безнравственный, непутевый*» (В. Никонов, «Словарь русских фамилий»).

«Распута» – *беспутный, непутевый, распутный человек*. Иногда служило мужским личным именем. При Иване Грозном на Белом озере жил крестьянин Василий Кирьянов, давший своим сыновьям имена Распута и Беспута» (Ю. Федосюк, «Русские фамилии»)... Это весьма сомнительное для «святого человека» значение фамилии и станет причиной того, что царь попытается ее поменять.

Рос он невзрачным, тщедушным юношей, но уже тогда завораживал странным гипнотическим взглядом. И была в нем какая-то нежная мечтательность, вызывавшая насмешки грубых сверстников и притягивавшая девушек (по показаниям односельчан, его не раз заставляли с молодыми девками и не раз били).

Собирая по крохам биографию молодого Распутина, я нашел в газете «Новое время» за 1912 год статью известного журналиста М. Меньшикова о своей беседе с Распутиным. В ней – воистину поэтический рассказ самого «старца» о своем отрочестве:

«В 15 лет в моем селе, когда солнышко сильно грело и птицы пели райские песни... мечтал я о Боге... Душа моя рвалась вдаль... я плакал и сам не знал, откуда слезы и зачем они... Так прошла моя юность... в каком-то созерцании, в каком-то сне. И потом, когда жизнь коснулась меня... я бежал куда-нибудь в угол и тайно молился»...

Из дневника хозяйки знаменитого петербургского салона, генеральши Богданович: «26 февраля 1912. Обедал с нами Меньшиков... сказал, что видел Распутина... что он верующий, искренний и прочее».

«Радость страдания»

В бумагах Чрезвычайной комиссии есть показания односельчан Распутина о его греховной юности: «Отец посылает его... за сеном и хлебом в Тюмень, верст за 80, а возвращается он пешком, идет эти 80 верст без денег, и побитый, и пьяный, и порой без лошадей».

В этом невзрачном молодом крестьянине жила опасная сила, находившая выход в пьянстве и драках. Тесно ему было от этой звериной силушки, как от тяжелого бремени...

«Неудовлетворен я был, – рассказывал Распутин Меньшикову, – на многое ответа не находил *и начал я попивать*». Пьянство было нормой крестьянской жизни. Пил отец, таким же становился и сам Григорий. Теперь все чаще нежная мечтательность, за которую звали его презрительно «Гришкой-дураком», сменялась страшным буйством. И уже другой односельчанин описывает «Гришку буйного, наглого, с разгульной натурой», который «дрался не только с посторонними, но и с родителем».

«А все-таки в сердце помышлял... как люди спасаются», – рассказывал Распутин в своем «Житии». И это, видимо, было правдой. Тупая жизнь односельчан – крестьянский труд от зари до зари, прерываемый пьянством, – какая это жизнь...

Тогда что же такое жизнь? Он не знает. И продолжается пьянство. Денег на загулы не хватало, начались опасные дела... Его односельчанин Картавец показывал на допросе: «Я поймал Григория на краже у меня острожья... Разрубив острожье, он сложил все на телегу и хотел увезти. Но я поймал его и хотел заставить везти краденое в волость... Он хотел бежать и желал было ударить меня топором. Но я в свою очередь ударил его колом и так сильно, что у него из носа и рта потекла кровь ручьем.... Сначала я думал, что убил его, но он стал шевелиться... И я повез его в волостное правление. Он не хотел идти... но я ударил его несколько раз кулаком по лицу, после чего он сам пошел в волость... После побоев сделался он каким-то странным и глуповатым».

«Ударил колом... потекла кровь ручьем», драки кровавые, беспощадные – в Сибири привычное дело. Распутин был телосложения отнюдь не богатырского, но, как мы увидим далее, *обладал необыкновенной физической силой*. Так что побои пожилого односельчанина вряд ли произвели на него особое впечатление. Недаром, как описывает Картавец, он тотчас продолжил воровские дела: «Вскоре после кражи жердей у меня с выгона была похищена пара лошадей... Лошадей караулил я сам и видел, что к ним подъезжал Распутин со своими товарищами... но я не придавал этому значения... Через несколько часов после этого я обнаружил пропажу лошадей».

Лихие товарищи уехали в город продавать лошадей. Распутин же, по словам Картавцева, почему-то не поехал с ними, вернулся домой.

Что-то и вправду произошло с Григорием во время побоев. И объяснением Картавцева – «сделался он каким-то странным и глуповатым» – тут не обойтись. Не смог понять простоватый мужичок темной, сложной натуры Распутина. Видно, когда удар колом грозил погубить его, когда кровь залила лицо, Григорий испытал нечто... Избитый юноша ощутил в своей душе *странную радость*, то, что сам он потом назовет «радостью смирения, радостью страдания, поношения»... «Поношение – душе радость», – объяснял он через много лет Жуковской. Вот почему так покорно пошел Гришка на расправу в волостное правление. И потому после второй кражи не поехал в город продавать лошадей.

Может быть, с этого момента начинается его преображение. И односельчане, судя по всему, почувствовали перемену. Недаром после кражи лошадей, когда решался вопрос о высылке Распутина и его товарищей за порочное поведение в Восточную Сибирь, «по приговору общества выслали товарищей, а он уцелел»...

Пришла пора жениться – еще одни рабочие руки взять в дом. Жена его Прасковья (Параскева) Федоровна – из соседнего села Дубровного. Была она старше его, но в деревнях часто выбирали жену не за молодость и красоту, а за «крепость», чтобы могла хорошо работать и в поле, и дома.

Ему 28 лет, а он все еще живет в семье отца. По переписи 1897 года он не являлся самостоятельным: семью составляли «хозяин Ефим Яковлевич Распутин, 55 лет, жена его Анна Васильевна... сын Григорий, 28 лет, жена его Прасковья Федоровна, 30 лет». Все числятся земледельцами, и все неграмотны.

Прасковья была примерной супругой – родила Григорию сына и двух дочерей. Но главное – была хорошей работницей, а руки в распутинском хозяйстве были очень нужны. Ибо сам Григорий уже стал часто отсутствовать – ходил по святым местам. Его преображение окончательно свершилось.

«Я пришел к заключению, что в жизни Распутина, простого крестьянина, имело место какое-то большое глубокое переживание, совершенно изменившее его психику и заставившее обратиться к Христу», – напишет впоследствии следователь Чрезвычайной комиссии Т. Руднев.

Тайна начинается

«Я жил, как говорится, «в мире» до 28 лет... был с миром, любил... то, что в мире», – рассказывал Распутин. 28 лет – рубеж, после которого и свершилось преображение.

Как и отец, он подрабатывал ямщиком – возил седоков на своих лошадях по тракту. И однажды пришлось ему везти в Тюмень Мелетия Зборовского, студента Духовной академии, впоследствии епископа и ректора Томской Духовной семинарии. Заговорили они о Боге – и разговор произвел переворот в душе молодого Распутина. Видимо, душа его ждала давно такой беседы – о «Боге милостивом, который ждет возвращения к Себе блудного сына до последнего человеческого вдоха, и в час двенадцатый прийти к Нему не поздно». Мелетий сказал ему главное: «Иди и спасайся».

И захотелось продолжения той беседы... Но от худо образованного сельского священника в Покровском не сумел получить Григорий то, что получил от будущего магистра богословия. И тогда решил отправиться сам на поиски духовной пищи – «ангельского хлеба души человеческой».

Начинается жизнь странника. Сначала идет он в монастыри, близкие от Покровского, – в тюменские и тобольские обители. Во время странствий вдоль берегов полноводной Туры, как он писал в «Житии»: «Я воображал в очах картину самого Спасителя, как Он ходил берегами... *Природа научила меня любить Бога и беседовать с Ним*». Языческое, первобытное поклонение Природе важно для будущих его поучений: Бог, живущий в деревьях, звенящий в голосах птиц и глядящий из каждой травинки на путника...

В свое село Григорий возвращается иным. Именно тогда, в странствиях, он *постигает некую мистическую тайну*... И теперь его все чаще посещают видения, они становятся его реальностью. В этих видениях он все яснее «чувствует в себе Божественное»... «Как-то, – рассказывал он, – заночевал в комнате, где была икона Божьей Матери... посреди ночи проснулся и вижу, что икона плачет: «Григорий, я плачу о грехах людских. Иди, странствуй и очищай людей от грехов».

Но в Покровском не поверили вчерашнему пьянице и вору. Смеялись над ним и дома. И вот однажды, во время молотбы, когда домашние стали потешаться над его рассказами, он «воткнул лопату в ворох зерна и, в чем был, опять пошел по святым местам».

Так он стал новым человеком – бросил пить и курить, перестал есть мясо и сладости. Он стал странником.

В старину странничество было важной частью жизни на Руси. Каждый крестьянин хоть раз в жизни совершал паломничество по святым местам – как правило, ходили в знаменитые монастыри, прославленные мощами великих святых и чудотворными иконами. Паломничали и дворяне (правда, в каретах, а крестьяне шли пешком с котомкой за плечами), и даже русские императрицы – Елизавета и Екатерина Великая. Но в конце XIX века странничество осталось уделом немногих. Святая Русь становилась легендой – уже редкие «Божьи люди» бросали свои хозяйства и дома, чтобы отправиться на поклонение святым иконам и мощам.

В «Житии опытного странника» Распутин рассказывает, как побывал он в киевских монастырях, в московских и петербургских храмах. Он шел пешком из своего сибирского села, шел тысячи верст по бескрайним дорогам с котомкой за плечами, прося о подаении и ночлеге. И так – от села к селу, от храма к храму, от монастыря к монастырю... И крестьяне в селах почитали за Божеское дело дать ему пищу и приют. Они видели в странниках последних хранителей исчезающей богоугодной старины.

Порой на глухой дороге на беззащитного странника нападали разбойники. Распутин рассказывает в «Житии»: «Я говорил им: «Это не мое, это Божье... вы возьмите у меня все... я вам с радостью отдаю».

Наконец на бескрайней дороге показывалось село с церквушкой, и «колокольный звон веселил сердце». Но радость встречи с Божьим Храмом бывала омрачена: «Дьявол о плотском шепчет усталому путнику: «Стань на паперти, собирай милостыню – дорога дальняя, денег много надо... помолись, чтоб тебя взяли обедать и накормили послаще»... Как мне пришлось с этими помыслами бороться...»

Могущественный святой

Распутин знает: главная сатанинская хитрость – убедить людей в том, что сатаны нет. Но для него сатана не просто явь – он все время рядом: «Является в виде нищего, нашепчет усталому, мучимому жаждой страннику, что до деревни много верст пути... но ты осенил себя крестным знамением или запел херувимский стих... смотришь... тут и село».

Один из свидетелей, видевший его после очередного странствия, рассказывал в Чрезвычайной комиссии: «Он показался ненормальным... что-то пел... и размахивал, грозил руками»... Это останется у него навсегда – грозить сатане кулаками, призывая религиоз-

ными песнопениями Бога помочь в борьбе с дьяволом. «Враг хитрый... хочет вернуть в свою власть обретшую Бога душу... и люди ему помогают в этом... все следят за тем, кто ищет спасения, как за каким-то разбойником, и все стремятся его осмеять...» – напишет он в «Житии».

Странная нервная организация Распутина причиняет ему беды, особенно весной (весна – время трудное для людей с особой психикой).

«Всякую весну я по 40 ночей не спал, – вспоминал Распутин, – так и проводил время с 15 до 38 лет...» Но в мире видений и чудес, где он теперь живет, излечиться просто: надо только с усердной молитвой обратиться за помощью к святому. И он обращается к Симеону Верхотурскому.

Постоянным местом странствий молодого Распутина был Верхотурский Николаевский монастырь, основанный московскими царями еще в XVI веке. Стоял он на холме при слиянии двух маленьких речек, и шли сюда богомольцы со всей Сибири поклониться мощам праведного Симеона.

Симеон Верхотурский стал любимым святым Григория. С ним связывал он зарождение своей загадочной силы.

Симеон родился в самом начале XVII века, жил на берегах той же Туры, странником ходил по окрестным селам или уединялся у реки. (Григорий видел камень под елью, где любил сидеть святой.) Смерть Симеона последовала от чрезмерного воздержания и поста в 1642 году.

Через полсотни лет, как написано в «Житии святого Симеона», «заметили, что его гроб стал подниматься из земли и сквозь расщепившиеся доски увидели нетленные мощи». И начались исцеления на святой могиле. Первый, с кем случилось это чудо, носил имя *Григорий*. Он «взял землю с гроба, отер ею члены и исцелился...» С тех пор паломники со всей Руси шли к могиле Симеона. В начале XVIII века состоялось торжественное перенесение его мощей в Николаевский монастырь.

«Симеон Праведный Верхотурский у врачевал мою болезнь бессонницы», – напишет Распутин. До смерти он будет посещать этот монастырь и возить туда своих почитательниц.

Симеона он призовет в помощники при первой своей попытке сблизиться с Царской семьей. Икона с изображением святого станет первым его подарком «царям» – Симеон как бы сопроводит его на духовный подвиг. А когда жизнь Распутина пойдет под откос, Симеон сопроводит его и на смерть.

И летом 1918 года, когда погибнет Царская семья, исчезнут и мощи святого Симеона Верхотурского, выброшенные из храма большевиками...

Во время преображения Распутина начинаются и его пророчества. Он рассказывал Жуковской: «Как посетил меня Господь... накатило на меня... и начал я по морозу в одной рубашке по селу бегать и к покаянию призывать. А после грохнулся у забора, так и пролежал сутки... Очнулся... ко мне со всех сторон идут мужики. «Ты, говорят, Гриша, правду сказал... давно бы нам покаяться, а то сегодня в ночь полсела сгорело».

Так начинается слава Распутина и слухи о его чудесах. Епископ Феофан, в то время инспектор Петербургской Духовной академии, говорил о нем тогда: «Дано ему было затворять небо, и засуха падала на землю, пока он не велит раскрыться небесам».

Но теперь из своих странствий он все чаще «возвращался с двумя-тремя странниками, одетыми в полумонашеское одеяние».

У него появились последователи. Точнее – последовательницы...

Молельня под конюшней

Недаром один из последних великих русских святых, живший уже в XIX веке, Серафим Саровский ходил в окружении молодых девушек – найти готовых к религиозному подвигу среди мужиков становилось все труднее... И неудивительно, что Григорий находит горячих поклонниц среди женщин. Среди первых его «учениц» – Дуня и Катя Печеркины (не сестры, как часто пишут в его биографиях, но тетка и племянница), живущие у него «из-за хлеба» (в работницах).

Катя, тогда еще совсем молоденькая, поедет за ним в Петербург, станет его служанкой. Ей суждено будет увидеть лицо убийцы Распутина в ту декабрьскую ночь 1916 года...

Мужчин в «кружке» мало – его родственник Николай Распутин и двое односельчан – Николай Распопов и Илья Арсенов.

Во время расследования Тобольской консистории по обвинению Григория Распутина в сектантстве Николай Распутин покажет: «Моленная находилась тогда под конюшней». И свидетели подтвердят: «Собираются они в большом секрете и в подполе под конюшней поют и читают Евангелие, тайный смысл которого Распутин им объясняет». Но ничего более о «тайном смысле», открытом Григорием в молельне под конюшней, следствие не узнает.

Но в Покровском живет он недолго – покидает «учеников» и снова – в путь, по монастырям. Все суровой его странствия... «Теперь для опыта и испытания... не один раз приходил я в Киев из Тобольска, не переменял белья по полугоду... нередко шел по три дня, кушая только самую малость. В жаркие дни налагал на себя пост... не пил квасу, но работал с поденщиками, как и они... и убежал на отдохновение... на молитву», – рассказывал «царям» о своем преображении Распутин.

Но ничего не рассказал он о главном – о потаенных монастырских обителях, затерянных в глухих сибирских лесах, об удивительных верованиях – о том неофициальном «народном православии», которое, видимо, и оказало огромное влияние на полуграмотного сибирского мужика и его загадочное учение...

Потаенная религиозная жизнь столетиями существовала бок о бок с официальной церковью. И эта «другая Русь» поможет приподнять занавес над духовным миром Распутина.

Потаенная «Святая Русь»

Тысячу лет назад, в X веке, на Руси было принято христианство, но язычество так и не покинуло страну. Любопытный символ: христианские храмы на Руси часто имеют «в основании» святыни языческие. Как сказано в летописи: «Поставиши церковь святого Василия на холме, где прежде стоял кумир Перун...»

Языческие боги, от которых князья силой заставляли отказаться народ, продолжали незримо жить. Например, бог Велес, согласно древним верованиям «ведавший» плодородием, забавно преобразился в «угодника Божия святого Власия Чудотворца». Громыхавшего грозами Перуна заменил громыхавший грозами Илья-пророк... Языческий восторг перед природой, ее обожествление остались в людских душах. И та легкость, с которой народ после революции согласился по приказу большевиков уничтожать свои великие храмы, весьма напоминала легкость, с которой по приказам князей разбивали и жгли языческие святыни.

Тысячу лет целые края жили, соединяя язычество и православие. И святые целители существовали рядом с древними колдунами: целители лечили, а колдуны отводили (или насылали) порчу.

Заволжье и Сибирь были центрами этого опасного «народного православия».

Когда-то леса Заволжья сплошным массивом тянулись далеко на север. По берегам притоков Волги стояли редкие деревушки, разделенные непроходимыми чащобами. Тамош-

ние православные жили отрезанными от остального «крещеного мира» и своими дикими обычаями походили на исконных обитателей тех мест, диких звероловов – черемисов и вотяков. «Жили в лесу, молились пенью (пням. – Э.Р.), венчались вокруг ели, а черти им пели», – так говорили про жителей этого края.

В начале XVII века в непролазные дебри стали приходить новые жители – дети кровавого Смутного времени... Смута закончилась призванием на царство династии Романовых, и участники недавних мятежей, те, кто запятнал себя разбоем и кровью, бежали сюда от гнева новых царей. В лесных краях укрывались они от кнутов и виселиц. Это была своеобразная «русская Америка».

Вскоре явились и новые беглецы. При царе Алексее Михайловиче прошла церковная реформа: подверглось «подновлению» Святое Писание, и было внесено изменение в обряд «творения креста» – отныне креститься верующие должны были тремя перстами. Но многие объявили новые тексты Писания и новый обряд «прельщением сатаны», по-прежнему крестились двумя перстами и читали только старые «Божьи книги».

Начался великий раскол. Официальная церковь жестоко карала «старообрядцев». И заточения, и казни, и коллективные самосожжения сторонников старой веры – все было... Теперь в бескрайних лесах Заволжья и Сибири возникали их обители, до которых не могла дотянуться рука власти. «После раскола они держат своих попов и знать не хотят наших архиереев», – вынуждены были признать иерархи официальной церкви.

Но с развитием промышленности и вырубкой лесов раскольничьи обители отступали из Заволжья за Урал – в непроходимую сибирскую тайгу. Все триста лет Романовской династии жила неофициальная, но достаточно могущественная тайная «народная церковь».

Царь правит церковью

То, что начал Алексей Михайлович, – страшно продолжил его сын Петр Великий. Сей царь-реформатор уничтожил древнее патриаршество, открыто издевался над старинными церковными обрядами. Он учредил Святейший Синод для управления делами церкви, во главе которого стоял назначаемый царем обер-прокурор (само иноземное название этой должности звучало оскорблением для верующих).

Отец Николая Александр III был человеком искренне религиозным, но церковь при нем влачила все то же подчиненное власти царя существование. Во главе Синода стоял любимец императора Константин Петрович Победоносцев. Это был умнейший человек, но весь его ум (как часто бывает в России) был направлен на подавление. Малейшее проявление свободы мысли и слова подвергалось его беспощадной атаке. Любой закон, могущий хоть как-то смягчить беспредельную власть царя над церковью, губился Победоносцевым на корню. Будучи обер-прокурором, этот глубоко верующий человек только и делал, что загонял великий, бесконечный мир церковной жизни в рамки беспощадного бюрократизма, заставлял церковных иерархов знать один закон – повеление царя и обер-прокурора. Официальная церковь находилась в состоянии глубокой летаргии.

А между тем общество кипело. Незадолго перед смертью Александр III имел разговор с одним из своих доверенных людей, генерал-адъютантом Рихтером. «Я чувствую, что дела в России идут не так, как следует», – сказал царь и попросил генерала высказать свое мнение. «Я много думал над этим», – ответил Рихтер, – и представляю страну в виде колоссального котла, в котором происходит брожение, а кругом котла ходят люди с молотками. Когда в его стенке образуется малейшее отверстие, они тотчас его заклепывают. Но когда-нибудь газы пробьют такой кусок, что заклепать его будет невозможно, и мы все задохнемся!»... И «Государь застонал, как от страдания», – вспоминал Рихтер...

Слабая церковь не могла помочь монархии в случае катастрофы. Люди, стоявшие на распутье, все чаще шли со своими проблемами или в революционные кружки, или к юродивым и старцам, или к сектантам – в затерянные в лесах обители.

Пророчества старцев и «Русская мечта»

Жизнь Распутина перевалила за половину. Четвертый десяток ему пошел, а он все ходил по монастырям...

Трапезная... Свет лампад, старинные оклады, темные лики на иконах... В три ряда до самых окон – столы, а вокруг них скамьи. Здесь сидит не только монастырская братия, но и пришедшие в монастырь богомольцы – всем нашлось место за трапезой.

Какая галерея лиц, типов... Сколько подавленных или побежденных страстей... Сколько поучительных жизненных историй... По лицам научился Распутин читать жалкие людские страсти. Видел он великую силу святости, которая помогала лечить неизлечимые болезни. Но знал он и сибирских колдунов-врачевателей, донесших из языческого прошлого тайны исцелений и заговоров. Тысячи лиц, встреч, исповедей и ночных разговоров...

Во главе среднего стола – старинное кресло, обитое побуревшей от времени кожей. Здесь сидит настоятель. Под киотом с иконами – книги в старых черных переплетах и кандия – медная чашка с крестом, служащая колокольчиком. Сколько раз слышал странник Григорий Распутин ее звон, призывающий к трапезе... Сколько раз смотрел во все глаза на не приметных с виду монахов-старцев, слушал рассказы о духовных подвигах в монастырях...

Великие старцы, достигшие нравственного совершенства и стяжавшие недоступную миру премудрость, жили в монастыре, как самые обычные монахи. Суровые уставы не позволяли выносить за монастырские стены духовные приобретения, оберегали подвижников от мирских соблазнов. Но то, что монах прятал от людей днем, ночью заносилось дрожащей старческой рукой в тетради.

У старцев учился Григорий ласковой, полной любви речи. Услышал он и их пророчества о гибели, нависшей над Романовским царством...

Мы знаем о подобных пророчествах оптинских старцев и Серафима Саровского. Но сколько других прозрений безвестных старцев погибло в разоренных Гражданской войной и уничтоженных большевиками дальних монастырях!

И это ощущение катастрофы, нависшей над царством, вынес Григорий из своих странствий. Узнал он и о новом духовном сообществе, подчинявшем сотни людей и тайно захватывавшем целые монастыри. Это удивительное движение, могучее фанатичной верой своих членов, кощунственно связало воедино изуверство, блуд и веру в Бога. Оно сыграло свою роль и в судьбе Распутина, и в судьбах империи.

Если другие христианские секты пришли к нам с Запада, то секты хлыстов и скопцов – русское явление. Забитость народа, жестокое угнетение крестьян, преследование старых обрядов родили «русскую мечту» о скором приходе Избавителя. Сначала ждали «земного» справедливого властителя – и оттого на протяжении двухсот лет, в XVII и XVIII веках, в стране непрерывно появлялись самозваные «цари».

Самозванчество было во всех странах, но только в России оно приобрело небывалый размах и пользовалось небывалым успехом. Первый великий самозванец, беглый монах Григорий Отрепьев, объявил себя сыном Ивана Грозного и сумел сокрушить могущественного Бориса Годунова. И правил Московским царством, пока не убили его бояре. Но вместо одного самозванца тотчас явилось множество. Народ охотно шел в отряды этих «царей», и Русь потонула в великих кровавых мятежах Смутного времени.

Больше ста самозванцев объявились в России в течение двух столетий. Один из них, неграмотный казак Емельян Пугачев, к изумлению Европы, едва не победил саму Екатерину Великую!

Одновременно с самозванными «царями земными» появлялись и самозванные «цари небесные»...

«Христы»

Хлысты объявились в России в том же XVII веке – в царствование первых Романовых. Родоначальником хлыстовской секты стал некий Данила Филиппович, объявивший себя «богом Саваофом». Как описывают хлыстовские предания, «сей Данила Филиппович спустился с неба в превеликой славе в огненной колеснице» и остался на земле в образе человека. По той же хлыстовской легенде, за 15 лет до сошествия «Саваофа» Данилы Филипповича родился от столетней «богородицы» «сын божий Иван Суслов». В 30 лет он был позван «Саваофом» Данилой Филипповичем, и тот сделал Ивана «живым богом» – «христом».

Так на грешной Руси появились «бог Саваоф» и «сын его Христос». И родившая «христа» «богородица». Они пришли защитить нищий обиженный народ.

Согласно преданию, первого «христа», Ивана Суслова, бояре схватили, привезли в Москву и распяли у кремлевских ворот. Но он конечно же воскрес. И опять его распинали, и опять он воскресал. Впоследствии и Суслов, и его мать умерли (точнее, «вернулись на небо»), а новыми «христами» и «богородицами» стали другие люди. Но эта тленность хлыстовских «живых богов» совсем не смущала их темных последователей, ибо, по хлыстовским верованиям, с уходом из земной жизни очередного «христа» Святой Дух поселяется в новом теле. Так что много «мессий» жило в то время на горемычной русской земле...

Эта простодушная смесь язычества и православия должна была появиться в темной, беспощадно угнетаемой рабской России. Учение хлыстов открывало перед забитым крестьянином мир беспредельных возможностей, ибо говорило: каждый мужчина может стать «христом», каждая женщина – «богородицей». Надо только изгнать плотский грех, праведной жизнью и молитвами подготовить душу к сошествию в нее Святого Духа – взрастить в себе Христа, стать им. Святой Дух материально вселялся в души людей – эта мистическая буквальность была радостно принята неграмотными крестьянами. И каждая хлыстовская община («корабль», по терминологии хлыстов) имела своего «христа» и свою «богородицу».

Народ сначала звал сектантов «христами». Но принятый в секте обряд самобичевания – *хлестания* прутьями и жгутами (восходящий к языческим временам, но причудливо соединившийся с евангельским бичеванием Христа) дал секте новое название – «хлысты». Сами они называли себя «Божьими людьми», позднее – «христововерами».

Подготавливая души для прихода Святого Духа, они, естественно, проповедовали крайний аскетизм, но весьма неожиданно: подавление похоти проходило через... беспредельный разврат. Отказ от плотской жизни в семье в некоторых хлыстовских сектах выливался в беспорядочные половые связи между членами секты – «свальный грех». Это происходило на «радении» – главном хлыстовском обряде, опять же идущем от языческих колдунов и шаманов. Хлысты считали, что во время «радения» на них нисходит Святой Дух. И тогда все члены секты старались зачать как можно более «христов» и «богородиц», ибо эти дети будут рождены от Святого Духа. Зачатие происходило в великом безумии, предвзятом хлыстовской пляской.

Вот описание такого «радения» на маленьком острове в Каспийском море. Когда-то туда бежали старообрядцы, но уже в XVIII веке появились там и беглые хлысты. Их обычаи на острове сохранялись и в 60-х годах нашего столетия.

«В белых льняных рубахах, надетых на голое тело, спускались они в подпол избы... Там, в сухом подполе, зажгли свечи. В полутьме запели духовное, как объяснили потом – стих из пасхального канона: «Зряще веселимся божественно, яко воскрес Христос». После чего маленький старичок с радостными светлыми глазами – местный «христос» – в мерцании свечей пропел хлыстовскую молитву... А потом с юношеской энергией начал «радеть» – вертеться на одном месте, крестясь и беспрестанно хлеща себя по телу. Хор пел молитвы... Все яростнее голоса, все жгуче, страстнее молятся – так, что некоторые уже в голос кричат, рыдают. Но вот старичок остановил свое верчение и дико вскричал: «Братцы! Братцы! Чую – Дух Святой! Бог во мне!» И начал пророчествовать, выкрикивая нечто нечленораздельное, в котором проступали отдельные выкрики: «Ой, Дух!.. Ой, Бог!.. Ой, Царь-Дух!..» После этого и начался общий и главный обряд «радения» – всеобщее верчение и пляска... Они верили, что в этом верчении-пляске меж ними появляется Святой Дух, и что в их поту воскресают капли Его пота во время моления в саду Гефсиманском. И, видимо, испытав физиологическое действие верчения, действующее на мозг подобно алкоголю, они называли его «духовным пивом»...

Все летит вихрем. Уже нет вертящихся людей – только волосы развеваются, широкие белые одежды кружатся... визги, крики... Пот течет ручьями – они в нем выкупались, как в бане... Пламя свечей колеблется и гаснет. И в темноте, опьяневшие от неистового верчения, они падают на пол...»

В этот миг на некоторых «кораблях» хлысты и «соединяются в любви». Но «свальный грех» – грех лишь для непосвященных. Хлысты же уверены, что грешат для подавления плоти – чтобы стать чистыми, чтобы воссияла в их душах братская «Христова любовь», освободившаяся от всяких плотских помыслов.

Грехом гнать грех – хлыстовское откровение.

В хлыстовщине – опасная отвага души: не бояться греха. Хлысты учат: за грехом у верующего всегда следует глубокое страдание от содеянного, а следом – глубокое покаяние, великое очищение души, приближающее человека к Богу. Необходимая «гимнастика души»: грех – покаяние – очищение...

Без хлыстовской идеи избавления от греха через грех, без понимания этой «духовной гимнастики», самого сознания важности, необходимости греха – невозможно понять Распутина.

Официальная церковь с самого начала признала опасность секты и боролась с хлыстами. В Москве в 1733 году осудили 78 человек, руководители были казнены, остальные сектанты сосланы в отдаленные монастыри. Была раскопана могила Данилы Филипповича в Ивановском монастыре и сожжен его прах. Но это не остановило хлыстовского движения.

С начала XIX века к хлыстам уже шли не только неграмотные крестьяне. В самом Петербурге, в Михайловском замке, бывшей резиденции императора Павла I действовала тайная хлыстовская секта. Во главе ее была «богородица» Татаринова, урожденная баронесса Буксгевден. При замужестве она перешла из лютеранства в православие, и в тот момент «почувствовала, как в нее вселился Святой Дух», познала в себе дар пророчества. В безумных ночных хлыстовских верчениях, сопровождаемых бессвязными заклинаниями баронессы, участвовала высшая петербургская знать: генералы, князья, крупные чиновники – гофмейстер двора Р. Кошелев, министр просвещения и духовных дел князь А. Голицын... Сектанты тщательно охраняли тайну от непосвященных. Все царствование Александра I

продолжалась деятельность секты Татариновой. Но обряды, носившие вначале строго аскетический характер, постепенно превратились в оргии. В 1837 году, уже при Николае I, Татаринову арестовали и заточили в монастырь.

И все же знатные люди, принявшие хлыстовство, были исключением. Хлысты оставались прежде всего крестьянской сектой – «странным народным православием».

Изуверские русские ереси

Идея «очиститься от греха через грех» вызывала сомнение у некоторой части «Божьих людей». И тогда мечта о победе над похотью и блудом, без которой невозможно стать «христом», родила новую, изуверскую идею.

В середине XVIII века из секты хлыстов выделилась секта скопцов. Ее основатель Кондратий Селиванов стал клеймить половую распущенность хлыстов и проповедовать абсолютный аскетизм, который, по его словам, достигался только «огненным крещением» – кастрацией. Основой учения скопцов стала строка Евангелия от Матфея, где Христос в беседе с учениками говорит: «...есть скопцы, которые оскотлены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами *для Царства Небесного*. Кто может вместить, да вместит».

Эти слова были поняты полуграмотными крестьянами как руководство к немедленному действию – начались массовые самоизуверства. Ужасной процедуре мужской кастрации с помощью раскаленного железа (употреблялся и топор) сопутствовала еще более страшная операция у женщин – вырезались наружные половые органы, сосцы и целиком груди. Была изобретена «высшая степень» оскотления – отрезание мужского полового органа «под корень»...

Все эти страшные уродования тела совершались членами секты добровольно. Скопцы готовились к вечной жизни и, опираясь все на ту же фразу из Евангелия от Матфея, верили в свои преимущества по сравнению с обычными людьми. И оттого песни на их «радениях» были полны радости и ликования.

Скопчество, как и хлыстовство, не осталось без внимания аристократии. Добровольно оскотлялись помещики, офицеры и даже священники. Сам царь Александр I уделил время беседе с Селивановым. И после этой беседы у скопцов появилась идея: направить своих «христов» на помощь царю, на спасение царства, которое тонет в воровстве чиновников и безверии. Был составлен целый проект грандиозного преобразования России с «Божьими людьми» во главе. При особе императора должен был состоять главный «христос» – сам Селиванов – и при каждом министре предполагалось иметь по «христу». Проект был представлен Александру I в 1803 году. Идея рассердила царя, и автора проекта, польского дворянина скопца Елянского, отправили на покой в монастырь.

Ничего! Еще придет время для «Божьего человека» править страной...

Тайные странствия по тайным «уголочкам»

Но скопцы не стали массовой сектой – ею по-прежнему оставались хлысты. К концу XIX века их мощные «корабли» раскинулись по всей Сибири, распространились хлыстовские секты и по Европейской России. На Втором съезде РСДРП Ленин говорил о хлыстовской тайной организации, которая уже «охватила огромные массы деревень и хуторов средней части России и распространяется все сильней и сильней...»

Хлыстовские общины были в Петербурге и его окрестностях, в Москве и в подмосковных городках. Марина Цветаева в автобиографическом очерке «Кирилловны» вспоминает,

как в Тарусе поразили ее детское воображение хлыстовские «христос» и «богородица», приходившие в сад Цветаевых собирать яблоки...

По всему маршруту распутинских странствий стояли «корабли» – загадочные общины «христов» и «богородиц». Загнанные официальной церковью в подполье, они выработали правила поведения хлыстов в миру. «Наши», «свои» – так называли хлысты друг друга. Вместо имен они пользовались конспиративными кличками.

«Наши», «свои», клички – все это вскоре зазвучит в царском дворце, все это мы еще услышим и от фрейлины Вырубовой, и от самой царицы.

И в «сочинениях» Распутина мы найдем многие любимые мысли хлыстов, прежде всего – поношение официальных священников и презрение к книжной учености церковных иерархов. «Мне пришлось много бывать у архиереев, много я беседовал с ними... *их учение остается ничтожным, а слушают простые слова твои...* Ученость для благочестия ничего... Буква запутала им голову и свила ноги и не могут они по стопам Спасителя ходить». Оттого-то служители церкви и не могут дать верный совет нуждающимся в пище духовной... И Распутин добавляет важную фразу: «Кто может совет дать, так *они в уголки позагнаны...*»

«Позагнанные в уголки» хлыстовские секты, разбросанные по всей России, поддерживали между собою непрерывающуюся тайную связь. Для нее использовались посланцы – «серафимы» или «летучие ангелы», странники, бесконечно путешествующие между «кораблями».

Может быть, здесь и скрыта загадка первой половины беспокойной жизни «опытного странника»? В «потаенной Руси», в хлыстовской секте он начал свой путь к Богу. Там он познал мистическую тайну – возможность воспитать в себе «христа». Недаром уже тогда, в темный период его жизни, возникло это расследование...

Первое обвинение

В 1903 году, когда известность Распутина начинает доходить уже до Петербурга и начинается его первое преследование со стороны церкви, в Тобольскую консисторию доносят о том, как странно ведет себя этот «Божий человек» с женщинами, приезжающими к нему «из самого Петербурга», об их «страстях, от которых он избавляет их... в бане»... И о том, что уже в молодости Распутин «из своей жизни на заводах Пермской губернии вынес знакомство с учением ереси хлыстовской».

В Покровское был послан следователь, однако ничего порочащего он в тот раз не обнаружил. Но с тех пор и до смерти Распутина не оставит имя «хлыста».

Глава 2 Путь во дворец

Завоевание столицы

Ему исполнилось 33 года. И, видимо, не случайно в это время (возраст Христа) он начинает готовиться к путешествию в столицу, куда уже пришел слух о нем. Он еще молод. Но его лицо в морщинах от солнца и ветра бесконечных странствий. Мужичье лицо, оно порой и в двадцать пять – лицо старика...

В странствиях научился он безошибочно распознавать людей.

Святое Писание, поучения великих пастырей, бесчисленные проповеди, им выслушанные, – все впитала его цепкая память. В хлыстовских «кораблях», где соединяли языческие заговоры от болезней с силой христианской молитвы, учился он врачевать. Он постиг свою силу. Ему достаточно наложить на больного свои нервные, беспокойные руки – и болезни растворяются в них.

Накануне Первой русской революции появляется Распутин в Петербурге, чтобы погубить и город, и тот мир, который всего через 14 лет станет «Атлантидой», невозвратным воспоминанием...

*В гордую нашу столицу
Входит он – Боже спаси! —
Обворожает царицу
Необозримой Руси...
Как не погнулись – о горе! —
Как не покинули мест
Крест на Казанском соборе
И на Исакии крест?*

(Н. Гумилев)

Встреча со сталинским патриархом

В столице, наконец, заканчиваются легенды и предположения о Распутине. Начинается его история, подтвержденная показаниями свидетелей и документами.

В Петербург Распутин (по его словам) отправился, имея великую цель – выпросить деньги на строительство церкви в Покровском: «Сам я человек безграмотный, а главное, без средств, а Храм уже в сердце перед очами стоит...»

Войдя в великий город, «перво-наперво в Александро-Невскую Лавру пошел». Отстоял молебен и надумал отчаянное – «направиться к проживавшему в Лавре епископу Сергию, ректору Духовной академии». Воистину безумная выдумка! Вид у него был подозрительный – стоптанные сапоги, нищая поддевка, спутанная борода, волосы, причесанные, как у полового в трактире (так описал Распутину видевший его в том году монах Илиодор). И этот жалкий мужик направляется к покоям епископа и просит швейцара «оказать милость» – доложить о нем Сергию. «Швейцар оказал мне милость – дал в шею. Я стал перед ним на колени... что-то *особенное* понял он во мне и доложил». Так благодаря «чему-то особенному» попал мужик с улицы к самому епископу.

И тотчас его обворожил! Пораженный его речами, Сергей поселил безвестного мужика у себя в Лавре. И не только... «Владыка, – вспоминал Распутин, – познакомил меня с высокопоставленными».

Среди «высокопоставленных» – знаменитый аскет и мистик Феофан, которого принимают в царском дворце.

Так описал свой приход в Петербург Распутин в «Житии опытного странника». Но легендарный период закончился. В «Том Деле» оказались показания «высокопоставленного» Феофана о первой встрече с Распутиным, совершенно опровергающие его выдумку..

На допросе в 13-й части Чрезвычайной комиссии Феофан, епископ Полтавский, 44 лет, показал: «Впервые Григорий Ефимович Распутин прибыл в Петроград зимою во время русско-японской войны из города Казани *с рекомендацией ныне умершего Хрисанфа, викария Казанской епархии*. Остановился Распутин в Александро-Невской Лавре у ректора Петроградской Духовной академии епископа Сергия».

Так что – не было «несчастливого странника», который униженно молил швейцара «оказать ему милость». Распутин прибыл в Петербург с рекомендательным письмом от одного из могущественных иерархов церкви и конечно же не только незамедлительно был принят Сергием, но и поселен в Лавре.

Кстати, Хрисанф не случайно дал Распутину письмо именно к Сергию. Это имя гремело тогда не только в церковной среде. В те годы 40-летний епископ вел знаменитые религиозно-философские собрания. Они воистину стали событием в жизни общества и... отчаянной попыткой преодолеть губительное разъединение официальной церкви и интеллигенции.

Узкий вытянутый зал Петербургского Географического общества набит до отказа. Представители духовенства и знаменитые деятели русской культуры говорят о духовном кризисе в стране, об опасной деятельности сект. Интеллигенция с горечью упрекает церковь в том, что она все чаще ассоциируется в обществе с мракобесием, что проповедники не раскрывают пророческую и мистическую сущность христианства, но говорят лишь о «загробном идеале», забывая о земной жизни.

Епископ Сергей, автор смелых богословских исследований, недавно назначенный главой Духовной академии, сумел в накаленной обстановке, в ярости споров найти нужный тон. Он представал перед собравшимися не исполненным важности иерархом, но просто добрым христианином, который будто говорил: «Любите друг друга, не надо ссориться, и только так спасем страну...»

Всего состоялось 22 встречи, 22 жарких диспута. В апреле 1903 года обер-прокурор Победоносцев запретил собрания.

Удивительны судьбы человеческие! В 1942 году Сталин решит восстановить патриаршество. И первым Патриархом всея Руси станет Сергей.

Хрисанф верно выбрал покровителя Распутину: будущий Патриарх был открыт новым веяниям, народный пророк из Сибири был ему очень интересен. И Распутин не обманул ожиданий – «особенное» в прищельце воистину поразило Сергия. И он представил Распутина «высокопоставленным».

Из показаний Феофана в «Том Деле»: «Как-то он (Сергий. – Э.Р.) пригласил нас к себе пить чай и познакомил впервые меня, нескольких монахов и студентов с прибывшим к нему Божьим человеком или «братом Григорием», как мы тогда называли Распутина... Он порастил всех нас психологической проникновенностью. Лицо у него было бледное, глаза необыкновенно пронизательные, вид постника. И впечатление производил сильное».

В Петербурге уже ходили слухи о необычайном даре Распутина, и «высокопоставленные» захотели пророчеств. И «брат Григорий» потряс их...

«В то время, – продолжает Феофан, – находилась в плавании эскадра адмирала Рожественского. Поэтому мы спросили Распутина: «Удачна ли будет ее встреча с японцами?» Распутин на это ответил: «Чувствую сердцем, утонет»... И это предсказание впоследствии сбылось в бою при Цусиме».

Что это было? Умный крестьянин познал изнутри всю слабость великой страны? Или попросту был в курсе того, о чем писали тогда все русские газеты, – эскадра, составленная из допотопных кораблей, открыто, без всякой секретности плывшая сразиться с современным японским флотом, была обречена? Или... или дано ему было постигнуть тайное?

Далее Феофан рассказал, как Распутин «студентам Академии, которых он видел впервые, верно сказал – одному, что тот будет писателем, другому... указал на болезнь его, а третьему пояснил:

«Ты простая душа, но этим злоупотребляют твои друзья...» После этого случая Феофан окончательно поверил в пророческий дар Григория. «В беседах Распутин обнаруживал тогда не книжную начитанность, а добытое опытом понимание тонких духовных переживаний. И *проницательность, доходившую до прозрения...*»

«Черные женщины»

Итак, Распутин произвел сильное впечатление на Феофана, который даже пригласил «брата Григория» переехать жить к нему на квартиру. И уже вскоре благодаря Феофану Распутин оказался в одном из самых влиятельных домов в Петербурге – во дворце великого князя Петра Николаевича.

Во дворце главенствовали две женщины – Милица и Анастасия, дочери черногорского короля Николая Негоша. Старшая, 37-летняя Милица, была женой Петра Николаевича. Годом младшая Анастасия (Стана, как ее звали в семье) была замужем за герцогом Лейхтенбергским, имела от него детей. Но с сестрой была неразлучна – дневала и ночевала в ее дворце.

Частым гостем Милицы был родной брат ее мужа, великий князь Николай Николаевич. И очень скоро светские сплетники объявили о романе Станы с великим князем... 47-летний гигант, лихой кавалерист, любимец гвардии – одна из колоритнейших фигур того времени. «Грозный дядя» – так звала его молодежь в Романовской семье – был очень близок к царю.

Но еще ближе к царице были черногорские принцессы. С первых дней в России Аликс столкнулась с холодным недоброжелательством двора, и только черногорки сумели окружить ее теплом и почти рабским поклонением.

Двор почувствовал угрозу. В случае брака Станы с Николаем Николаевичем образовывался влиятельнейший клан – опасный клан... Двор знал и мощь влияния Аликс на царя, и расстановку сил в семье Николаевичей. Князь Петр – безволен и нездоров, а о «Грозном дяде» вдовствующая императрица Мария Федоровна отозвалась так: «Он болен неизлечимой болезнью – он глуп». Скажем уклончивее – по-солдатски прямолинеен... Но оба Николаевича находились под сильным влиянием старшей черногорки – умной и властолюбивой Милицы.

Милица слыла великим знатоком мистической литературы, страстно интересовалась сверхъестественным. Ей послушно следовала сестра Стана – недаром они родились в Черногории, стране ведьм и колдунов. «Черные женщины» – зло называли принцесс при дворе.

И Феофан не случайно был частым гостем во дворце Милицы: «Я больше других интересовался мистической стороной жизни... С особами царствующего дома я познакомился... в бытность мою инспектором Петроградской Духовной академии... Петр Николаевич и Милица Николаевна посещали Духовную академию и встречались там со мною... Я слышал, что особы царствующего дома хотят со мною познакомиться ближе, но, по своим убеждениям, как монахи, я избегал этого... Как-то в страстную субботу великая княгиня Милица Николаевна пригласила меня к себе исповедовать ее. Не зная, как поступить, я обратился к митрополиту Антонию и с его благословения поехал к ней. И после этого стал бывать в ее доме...»

Феофану было о чем беседовать с Милицей. «Великая княгиня Милица Николаевна была очень начитанна... знала свято-отеческую, мистическую и аскетическую литературу и издала даже собственный труд – «Избранные места из Святых Отцов».

Из дворца Милицы для Феофана лежал прямой путь в царский дворец. «В дом бывшего императора... я был приглашен впервые великой княгиней Милицей Николаевной...»

Так что из бесед с Феофаном его новый постоялец мог догадаться, откуда идет дорога в Царскую Семью. И Распутин понял – скоро и ему «откроется калитка»...

Очередная загадка Распутина

И действительно, разве мог Феофан, пребывавший тогда в восхищении от сибирского мужика, не поделиться своими восторгами с Милицей, интересовавшейся всем чудесным? «Бывая в доме Милицы Николаевны, я проговорился, что у нас появился Божий человек Григорий Распутин. Милица Николаевна заинтересовалась моим сообщением, и Распутин получил приглашение явиться к ней».

А дальше – все было уже в руках Григория. Конечно, он сумел поразить великую княгиню и вскоре приходил к ней во дворец уже сам.

Из показаний Феофана: «Был он там без меня, и, видимо, привлек ее внимание, и его не только стали приглашать, но Милица Николаевна меня просила, чтобы я давал Распутину приют у себя, когда он будет приезжать в Петроград».

Но дальше начинается загадка. Согласно многим биографиям Распутина, Милица и Феофан ввели его в царский дворец. Однако в своих показаниях Феофан утверждает иное: «Каким образом Распутин познакомился с семьей бывшего императора, мне совершенно не известно. И я *решительно утверждаю, что в этом я никогда ему ничем не содействовал. Догадываюсь, что Распутин проник в царскую семью не совсем прямым путем...* Сам Распутин об этом не говорил никогда, несмотря на то, что он вообще достаточно разговорчив... Я замечал, что у Распутина было сильное желание попасть в дом бывшего императора, и что проник он туда *против воли великой княгини Милицы Николаевны*. Сам Распутин сознавался мне, что он скрывает от Милицы Николаевны знакомство свое с царской семьей».

Но как же тогда попал безвестный сибирский крестьянин в Царскую Семью?

Глава 3 В ожидании Распутина

Страх и кровь царей

Семья, с которой познакомился Распутин, ждала его давно. Мистическое ощущение неминуемой катастрофы, владевшее тогда всем русским обществом, жило в этой Семье...

Николай II вступил на трон совсем молодым человеком и мог полагать, что ему удастся отпраздновать славный юбилей – трехсотлетие его династии. Но готовясь к великой дате, Николай, который любил историю (почетный председатель Русского исторического общества), не мог не задуматься о некоторых закономерностях в истории династии за эти 300 лет.

Как мало жили цари из рода Романовых... И как много пролитой крови... Петр Великий казнил сына Алексея, проклявшего, по легенде, и отца, и весь свой род. Жертвами семейных переворотов стали малолетний Иоанн Антонович и Петр III – оба убиты в царствование просвещенной Екатерины Великой... В столь любимом Николаем Царском Селе, где постоянно жила Семья, во дворце стояла мебель времен Екатерины, и в залах пахло теми же духами, что и в ее времена. Все было проникнуто воспоминаниями о великой императрице, в царствование которой... убили двух законных царей!

Через весь XVIII век шла эта эстафета семейных убийств, а в первый год нового, XIX века сын Екатерины Павел I был зверски убит участниками заговора, о котором, возможно, знал его собственный сын Александр! Да и как закончил свою жизнь сам Александр

I, неизвестно. То ли, как было объявлено, умер в Таганроге, то ли, согласно преданию, в царском гробу похоронили другого, а царь ушел странником в Сибирь и, приняв постриг и имя «старца Федора Кузьмича», остаток жизни замаливал семейные грехи, омрачившие целый век. Во всяком случае, об искуплении этих грехов посмел говорить двоюродный брат Николая II известный историк великий князь Николай Михайлович, веривший в легенду о Федоре Кузьмиче и все пытавшийся отыскать ей подтверждение в секретном семейном архиве.

Да и сохранилась ли сама династия Романовых? Не закончилась ли она в дни царствования Екатерины Великой? В ее воспоминаниях, столь долго хранившихся в секрете в царском архиве, есть намек на то, что несчастный Павел рожден не от мужа, царя Петра III, но от любовника...

Кровь и тайны... Династия, которая была тайной для самой себя... Таково ее трехсот-летнее прошлое.

И сама столица, Петербург, – этот мистический город призрачных белых ночей, вздвигнутый на крови тысяч строителей, замученных жестокостями и болотной лихорадкой... был проклят одной из Романовых! Сосланная в монастырь первая жена Петра Великого Евдокия прокляла новую столицу ужасным криком: «Быть тебе пусто!»

Воспоминания о пролитой крови преследовали Николая с детства. Он рос в Гатчинском дворце – любимом дворце удушенного Павла I. Как вспоминала сестра Николая, великая княгиня Ольга, слуги уверяли, будто видели ночью в дворцовых залах неприкаянный дух убиенного императора. И Ольга, и Ники боялись... и мечтали увидеть призрак прапрадеда.

Но кровь была не только в истории. Николай увидел ее в начале жизни, когда от ран, нанесенных бомбой народовольцев, скончался его дед Александр II. В тот день 13-летний Николай был объявлен наследником престола.

С крови началось его восхождение на трон...

«Иов Многострадальный»

С детства он молчалив, замкнут. Мистическое чувство – предопределенность несчастья – жило в юноше. Указанием на ужасное будущее Николай считал саму дату своего рождения – он был рожден «в день Иова Многострадального».

Его разговор с премьер-министром Столыпиным цитирует французский посол Морис Палеолог:

«– Знаете ли вы, когда день моего рождения?

– Разве я могу не знать, Государь? Шестого мая.

– А праздник какого святого в этот день?... Иова Многострадального. У меня более чем предчувствие... глубокая уверенность: я обречен на страшные испытания».

Как эхо этого разговора звучат строчки воспоминаний великой княгини Ольги: «Он очень часто обнимал меня и говорил: «Я рожден в день Иова Многострадального, и я *готов принять свою судьбу*». Ту же тему продолжает грустная строка из письма царицы от 4 мая 1915 года: «Ведь ты родился в день Иова Многострадального, мой бедный друг...»

Ощущение грядущей гибели преследовало и нервную Алику. И потому скромная дармштадтская принцесса в ответ на предложение стать женой наследника российского престола (в которого была влюблена) залилась вдруг беспричинными слезами. «Она плакала все время и только от времени до времени произносила: «Я не могу...», – записал Николай в дневнике.

И как доказательство справедливости предчувствий была обильная кровь в день главного события их жизни – коронации, этого мистического обручения с Россией. Давка на

Ходынке и сотни трупов, которые всю ночь вывозили с кровавого поля... Нетрудно представить, как все это подействовало на царскую чету, столь склонную к мистике.

И уже в начале XX века предчувствия становятся реальностью. Кровь стала частью российской жизни. Жестоко и часто начинают рваться бомбы русских террористов, гибнут царские сановники... Только в первые годы нового века от рук революционеров погибли министр просвещения, генерал-губернатор Финляндии и два министра внутренних дел. От смерти не спасала теперь никакая охрана...

Приблизились дни печали «Иова Многострадального». В его дневнике – покорные записи после гибели министров: «Нужно со смирением и твердостью переносить испытания, посылаемые нам Господом», «На то Его святая воля». Телец, предназначенный на заклание...

Но у жены его – иной характер. Она будет бороться с судьбой. И она ищет защитника от грядущих несчастий.

В поисках избавителя

Ее тогдашние неразлучные подруги – черногорские принцессы. Как справедливо говорил Феофан, «родившиеся в бедной стране, где аристократия гораздо ближе к простому народу». Они и принесли во дворец эту идею: в простом народе, в простых людях скрыты и правда, и чудо, и сила. Надо только заключить союз с народом напрямую, минуя мздоимцев-чиновников, чванливых придворных. «Народ и царь – и между ними никого»...

Кстати, это была идея, объединявшая всех русских интеллигентов, даже самых радикальных, ненавидевших царей и ненавидимых царями. Все наши «властители дум», столь часто ссорившиеся друг с другом и отрицавшие порой друг друга – Толстой, Достоевский, Тургенев, – все направления русской философской мысли сходились на этой идее: только простой народ, нищий, голодный, неграмотный и забитый, владеет некоей сокровенной истиной. Только там, во тьме нищих изб, остался истинный дух Христа, сохраненный постоянным страданием. Только у него, у простого народа, и следует учиться христианской жизни.

Русский царь исповедовал ту же идею!

Царь с нецарственным обликом, застенчивый, малорослый – он неуютно чувствовал себя на балах, на заседаниях правительства, в обществе царедворцев и министров, где (как ему казалось) его все время сравнивали с умершим гигантом-отцом. Насколько было радостней ему с простыми людьми – в атмосфере обожания, преклонения...

Так возник парадокс – царь начал стремиться к общению с простым народом. Один за другим приходят во дворец «народные посланцы» – их находят черногорские принцессы. Великий князь Николай Николаевич сообщает племяннику о некоем маленьком чиновнике Клопове, который жаждет донести до царя народную правду – пишет ему бесконечные письма о казнокрадстве в мукомольном деле. И вот уже письма принесены черногорками, с восторгом прочтены вслух Аликс и Ники... Голос человека из народа услышан, Клопов вызван во дворец. После беседы царь отправляет его по России с самыми широкими секретными полномочиями. Человек из народа должен принести во дворец народную правду о злоупотреблениях чиновников. Но первый опыт встречи с «народным посланцем» окончился конфузом: к сожалению, бедный Клопов не разбирался ни в чем, кроме своего мукомольного дела...

Однако начало положено. Дочь английской принцессы Аликс и сын датской принцессы Ники влюбились в благородную идею единения с простым народом.

В то время Аликс рождает девочек. Одна за другой появляются на свет три великие княжны – Ольга, Татьяна, Мария. Но родить мальчика, наследника, будущего венценосца – царица никак не может. Не может исполнить главного своего предназначения...

Но оказывается и тут могут помочь они – выходцы из простого народа. Ибо народ, в душе которого – Христос, таит в себе *неисчерпаемые возможности чуда*... И теперь во время встреч с черногорками Аликс выслушивает рассказы Милицы о «Божьих людях» и старцах, которым дана свыше особая, великая сила.

Лицо Милицы... «С большими продолговатыми черными глазами, усталыми и гордыми... оно казалось неживым, как лицо старинного портрета... Она была как-то неестественно бледна», – описывает ее Жуковская. Милица щедро открыла перед Аликс мир чудес, потрясший внучку скептической королевы Виктории. В нем все было переплетено – тайны Заратустры; языческий мир Черногории, где в горах, поросших лесами, живут колдуны, которым дано беседовать с мертвыми; и чудеса православных великих старцев из русских монастырей. Милица создала этот удивительный симбиоз, объединенный лишь одним – *манящей силой чуда*, которое творят простые люди, живущие далеко от суеты двора – этой жалкой ярмарки тщеславия.

Из показаний Вырубовой в «Том Деле»: «Милица Николаевна и Анастасия Николаевна, в особенности первая... имели вначале большое влияние на царскую семью... так сказать, мистическое влияние... Необыкновенно начитанная в мистической литературе, изучившая даже персидский язык для того, чтобы в подлиннике ознакомиться с персидскими мистиками, она считалась чуть ли не пророчицей».

Аликс умеет дружить, и главное – умеет *беззаветно верить*. Как умела беззаветно верить ее мать Алиса Английская, прославлявшая (точнее – обожествлявшая) немецкого религиозного философа Давида Штрауса.

Так начались поиски «Божьего человека», который вымолит ей сына у Бога.

Сначала во дворце появился Дмитрий Ознобишин, житель города Козельска, которого все называли просто Митя, а также «Козельский» и «Гугнивый» (он плохо выговаривал слова). В делах охраны есть его описание: «Носит длинные распущенные волосы, ходит круглый год босиком, опираясь на посох. Одет в рясу монашеского покроя». После революции газеты, издеваясь над царицей, будут писать об этом ее «избраннике» как о полном идиоте. Вырубова постарается в своих показаниях отделить Семью от жалкого Мити. «Мне кажется, он никогда не был во дворце», – солжет она Чрезвычайной комиссии. Нет, Митя бывал там, и не раз...

Из дневника Николая: «1906, 14 января. Пришел человек Божий Дмитрий из Козельска около Оптиной пустыни. Он принес образ, написанный согласно видению, которое он имел. Разговаривали с ним *около полутора часов*».

И этот полуторачасовой разговор – не случайность. Митя был человеком особенным. «Влияние его на народные массы огромно... он раздает бедным деньги, которые получает от почитателей. Распространен слух, что он обладает даром предвидения и ясновидения», – отмечено в делах департамента полиции.

Из показаний Феофана: «Блаженный Митя» несомненно обладал даром ясновидения, в чем я мог убедиться на собственном опыте: при первом свидании со мною он прекрасно и точно обрисовал обстоятельства моей жизни... Им... поразительно точно был предсказан ход японской войны, в частности падение Порт-Артура...»

Но Митины молитвы были тщетны – мальчика царица не родила.

И тогда появилась «Матрена-босоножка» с иконой. Но одетая в рубище босая женщина, выкрикивавшая, как пифия, малопонятные пророчества, исчезла из дворца так же внезапно, как появилась.

Из показаний Вырубовой: «О Матрене-босоножке я слышала... она приносила в Петергоф икону Государю, но ее саму я не видела». Однако отметим этот повод для появления в царском дворце – *чудотворная икона*, которая поможет родиться долгожданному сыну.

Таков был мир, в котором теперь жили молодые властители России – мир чудес, святых мощей, икон, чудотворцев. Они казались все более странными в Петербурге, где просвещенное общество становилось открыто атеистическим. «Я с удивлением смотрю на всякого верующего интеллигента», – писал Чехов Куприну.

Но царь и царица верили, что их мир продолжается где-то там, за пределами испорченной столицы, в далеких деревнях, разбросанных по бескрайней империи. Мир Святой Руси и простого народа, любящего Бога и царя.

И они ждали посланца из этого мира.

Но этот мир уже исчезал... Писатель и религиозный философ Сергей Нилус (которого Николай и Аликс будут читать в заточении) с горечью записал рассказ знакомой монахини в своей книге «На берегу Божьей реки»: «Приехала... монахиня... и рассказывала, что монахиням не стало никакой возможности ездить по железным дорогам: нет той ругани, насмешки, проклятия, которых бы не изливали на их бедную голову... сатанинская злоба... Приходится... надевать на себя синюю юбку, чтобы похоже было на мирскую старушку, а то проходу не дают ругательствами на монастыри и на монашествующих... Такова «Святая Русь»! Бедный народ! Жалкая Россия!»... И старцы, жившие в великих монастырях, с болью говорили: «Безбожное, безверное время настало для православной России... одной плотью и ради плоти стал жить русский человек... По названью только слывет он православным христианином, а духом своим уже не тот он стал...» – приводил слова одного из подвижников тот же Нилус.

«Генеральная репетиция» явления Распутина

Черногорские принцессы нашли наконец подходящего чудотворца. Милица, коллекционирующая слухи о сверхъестественном, узнала о чудесах некоего месье Филиппа из Парижа.

Филиппа позвали в Россию. Этот чудотворец оказался привычной для Аликс – он был из европейского мира, который она лишь недавно покинула. И речь Филиппа не утомляла ее, как косноязычие Мити и бессвязные выкрики Матрены.

«Там (во дворце Милицы. – Э.Р.)... царская семья встречалась с прибывшим из Парижа христианским оккультистом Филиппом...» – показала на допросе Вырубова.

Его настоящее имя – Назьер Вашоль, уроженец Лиона. Он был предсказателем и врачом, объявлял, что ему дано беседовать с умершими и что живет он как бы на границе миров...

«Человек около 50 лет, маленький, черноволосый и черноусый, с ужасным южнофранцузским акцентом. Он толковал о падении религии во Франции, на Западе... Когда прощались, он попытался поцеловать мне руку, и я с трудом ее вырвал», – брезгливо отметил в дневнике великий князь Константин Константинович.

Филипп сразу почувствовал нервность, страх в душе царицы. Оценив ее религиозность, он попытался примирить свой колдовской мир со Святым Писанием, стал для нее «Божьим человеком, посланным помогать Божественной династии».

Он сумел удовлетворить и ее жажду чуда: щедро использовал полуцирковые аттракционы – весь тот потертый багаж, которым пользовались еще в XVIII веке великие авантюристы Казанова и Калиостро. И то, над чем потешались в Париже, произвело неизгладимое впечатление в Петербурге.

Ники, подавленный страстной верой Аликс, разделял ее восторги. Двор насмешливо следил за парижским магом, понимал: это очередная игрушка, придуманная черногорками для царственной подруги. «Милица познакомила императрицу с Филиппом... который знает как лечить все болезни, включая сифилис, – с иронией писал в своем дневнике член Государственного Совета А. Половцев. – И этот Филипп... обещал ей, что она родит сына, а не дочь».

Насмешливые рассказы придворных встревожили «мама́» – вдовствующую императрицу Марию Федоровну. «Она была очень рассержена на Милицу и Стану... По ее просьбе департамент полиции через свою агентуру в Париже решил проверить прошлое Филиппа. Отзыв пришел ужасный – французы назвали Филиппа темным авантюристом. Русский агент в Париже прислал ироническую статью из французской газеты о публичном гипнотическом сеансе Филиппа», – писал Половцев. Но все это нисколько не повлияло на Аликс. Она умела верить, умела быть верной, и у нее была стальная воля.

Вообще у царицы было множество прекрасных качеств, отсутствовало лишь одно – умение прислушаться к мнению общества. К сожалению, без этого умения опасно находиться на троне – что доказывает история другой прекрасной женщины со столь же полным отсутствием этого умения – французской королевы Марии Антуанетты.

А двор роптал. Приняли меры. «Великий князь Сергей Михайлович сказал мне, что когда пришел из Парижа отчет от агента, неблагоприятный для Филиппа, император приказал прогнать этого агента в 24 часа», – писал Половцев.

Все это потом повторится в истории с Распутиным – и ненависть большой Романовской семьи, и слепая вера Аликс, и вздорные сплетни... Феликс Юсупов вспоминал рассказ отца: однажды, гуляя вдоль моря в Крыму, князь встретил Милицу, ехавшую с незнакомцем, поклонился, но та не ответила. Через несколько дней при встрече Юсупов-старший спросил: «Почему же вы мне не ответили?» «А вы не могли видеть меня, – сказала Милица, – ведь я была с доктором Филиппом. А когда он надевает свою шляпу, он становится невидимым, и те, кто с ним – тоже».

Или другая веселая сплетня: Филипп поселен в царской спальне – он там колдует, чтобы Аликс родила наследника...

Самое печальное, что эти небылицы (как и впоследствии, в истории с Распутиным) шли из дворцов великих князей, обиженных фавором Николаевичей... И (так же, как и в будущей истории с Распутиным) вдовствующая императрица решила серьезно поговорить с Ники. Царь конечно же обещал матери убрать Филиппа. И конечно же Аликс оказалась сильнее. Она умолила мужа не трогать «Божьего человека» – и все осталось неизменным (как будет не раз в истории с Распутиным)...

И Филиппа они звали так же, как впоследствии Распутина, – «Наш Друг».

Письмо Толстого

В это время Аликс носила ребенка. И радость – «Наш Друг» предсказал мальчика! Но 5 июня 1901 года она родила... девочку, великую княжну Анастасию.

Из дневника сестры Николая, великой княгини Ксении: «5 июня... Какое разочарование: четвертая девочка!»

И (опять же, как в истории с Распутиным) Романовская семья попыталась заменить опасного мага. Великий князь Николай Михайлович нашел великую кандидатуру. Он отправился к самому знаменитому человеку в России, к опальному Льву Толстому. 6 ноября 1901 года Толстой записал: «На днях явился Николай Михайлович... и непременно желал познакомиться».

Толстой боролся тогда с официальным православием (вскоре его отлучат от церкви, предадут анафеме). И вся либеральная Россия, и весь мир прислушивались к голосу великого старца...

«Я – зараза. Зачем вы ко мне явились?» – спросил Толстой великого князя. Но вместо ответа Николай Михайлович стал долго и туманно убеждать писателя, что «царь очень добрый, отзывчивый человек, а все горе в окружающих». Он так и не посмел объяснить Толстому, что задумал вырвать несчастную Царскую Семью из-под влияния мага. Понимая, что многие идеи опального Толстого (как это ни парадоксально) совпадают с настроениями царя, великий князь решил уговорить его написать письмо Николаю. Толстой согласился. Но вместо ожидаемых высоких толстовских истин о величии души простого народа Лев Николаевич изложил царю политические идеи и щедро грозил политическими катастрофами.

«Любезный брат! Обращаюсь к Вам не столько как к царю, сколько как к человеку и брату... Треть России находится в положении усиленной охраны. Армия полицейских, явных и тайных, все увеличивается, тюрьмы и места ссылок переполнены... голод стал нормальным явлением...» Царь с изумлением прочел это революционное послание и наивно попросил Николая Михайловича успокоить Толстого: столь опасное письмо никому не будет показано.

«Я его об этом не просил», – разочарованно сообщил Толстой Николаю Михайловичу. Впоследствии он... сам опубликовал свое частное письмо к Государю за границей. Правда, смущенно записал в дневнике: «За эти дни вышло мое письмо к Николаю... Если бы против меня были приняты меры... чем жестче, тем лучше, это было бы мне приятно... Но мне кажется, что я поступил неделикатно в отношении Николая и Николая Михайловича».

После этого великий князь потерял к писателю всякий интерес. Теперь Толстой вряд ли мог влиять на царя, который вместо искренности увидел тщеславную игру.

«Как богата стала наша жизнь...»

Чтобы не сердить «мама́» и родственников, чтобы избежать сплетен двора, Аликс и Ники решают видаться с «Нашим Другом» тайно (как впоследствии и с Распутиным). Теперь, после всех обязательных светских дел, они спешат во дворец Милицы в Знаменке. От мирского, суетного – к черногоркам и «Нашему Другу», в мир чуда.

Из дневника царя: «1901, 13 июля, Петергоф. В 2.30 поехали в Знаменку и сидели до 5 в саду. Наш Друг был с нами...»

«19 июля... Отправились в Знаменку... Весь вечер слушали Нашего Друга. Вернулись домой чудной лунной ночью...»

«20 июля... После обеда поехали в Знаменку и провели последний вечер с Нашим Другом. Помолились все вместе...»

Как им не хватает «Нашего Друга», когда он уезжает к себе в Лион!

27 августа Аликс написала Ники: «В субботу в 10.30 все наши мысли полетят в Лион... Как богата стала наша жизнь с тех пор, как мы его узнали... кажется, все стало легче переносить». «Переносить» – значит побеждать предчувствия, нервность. Филипп делает самое важное – он снимает с Аликс ее постоянный стресс, вызванный страхом.

Но главное – он свершил долгожданное чудо! Ники и Аликс счастливы: она беременна, и Филипп определил – будет мальчик. Правда, у докторов после скучных медицинских анализов появились сомнения... Но что значат ученые глупцы с их анализами по сравнению с человеком, общающимся с небом! И Аликс запретила врачам осматривать себя. Ее докторами становятся подружки-черногорки и Филипп. Все вместе они ждут рождения предсказанного наследника. Ее живот счастливо растет...

Прошло девять месяцев. И в августе 1902 года последовало постыдное...

Из письма великой княгини Ксении: «Представь себе, какой ужас... бедная Александра Федоровна оказалась вовсе не беременной... Мама́ нашла ее в очень грустном настроении... хотя она говорит об этом с большой покорностью судьбе... Какой это должен быть удар по гордости!»

Аликс была беременна... мечтой. Половцев записал в дневнике то, что говорил по этому поводу двор: «30 августа 1902 года... Путем гипнотизирования Филипп уверил императрицу, что она беременна. Поддаваясь таким уверениям, она отказалась от свидания со своими врачами, а в середине августа призвала акушера Отта лишь для того, чтобы посоветоваться о том, что она внезапно стала худеть. Отт заявил ей, что она и не была беременна... Объявление об этом было сделано в «Правительственном вестнике» весьма бестолково, так что во всех классах населения распространились самые нелепые слухи, как, например, что императрица родила урода с рогами, которого пришлось придушить, и т. п. Такой эпизод не поколебал, однако, доверия императорской четы к Филиппу, который продолжает в их глазах быть превосходным и вдохновенным человеком... Все это было бы смешно, если бы не было столь грустно».

Родственники забили тревогу. Филипп становится постоянной темой разговоров в Романовской семье (как впоследствии Распутин).

Великий князь Константин Константинович (знаменитый поэт, писавший под псевдонимом К.Р.) записывает в дневнике: «24 августа 1902 г. Сергей (великий князь Сергей Михайлович, друг юности Николая. – Э.Р.) утверждает, что Их Величества впали в мистическое настроение, что они в Знаменке молятся с Филиппом... проводят там долгие вечера... и возвращаются оттуда в каком-то восторженном состоянии, как бы в экстазе, с блестящими глазами и просветленными лицами... Мое мнение, что это больше смешно, чем опасно... но нехорошо то, что они покрывают свои посещения Знаменки тайной...»

«25 августа... Елена, дочь короля Сербии, сказала, что ее брат Юрий попал под влияние Милицы и Филиппа... говорил о том, что миссия Филиппа на земле подошла к концу... что он скоро умрет, но *явится в кругу друзей под видом другого человека*. Что за чепуха!.. Сергей сказал мне... о его большом беспокойстве по поводу визитов императора и императрицы в Знаменку...»

«6 сентября... Захожу к великому князю Владимиру Александровичу... он переходит к жгучему вопросу о Филиппе... Он считает великого князя Николая Николаевича главным виновником сближения... преступником в этом деле... и что проделки Филиппа навлекли на императорскую чету всеобщее посмеяние и поругание...»

Вся семья требует ухода Филиппа (как будет впоследствии требовать ухода Распутина). Но Аликс (и сейчас, и потом) докажет – она умеет верить и защищать тех, кому верит.

Элла из мира московского царства

Выпады родственников мужа Аликс перенесла спокойно – Романовская семья не любила ее, и она платила той же монетой. Но Филипп стал причиной ее первой размолвки с любимой старшей сестрой Эллой – великой княгиней Елизаветой Федоровной. Элла была замужем за дядей Николая – великим князем Сергеем Александровичем. На их свадьбе Ники впервые увидел белокурую красавицу Аликс и навсегда влюбился...

Сергей Александрович – генерал-губернатор Москвы. Древняя столица занимала особое место в жизни Николая и Александры. Ведь Петербург – это город-мираж, выстроенный среди финских болот под руководством французских и итальянских архитекторов, с ненавистой русской душе четкостью и прямизной проспектов, где ангел на колонне перед Зимним дворцом припадает к... католическому кресту. Это – столица западничества, воплощение стремления новой русской аристократии в Европу. Но символом народности оставалась Москва – столица первых Романовых, город бесчисленных церквей и столь милых русской душе невозможно перепутанных улиц... Элла и ее муж были хранителями этого «Царьграда».

Здесь оживала любимая легенда Ники и Аликс о «народных» царях древнего Московского царства, где не знатные вельможи, но люди святой жизни – старцы и юродивые – были главными советчиками Государей. И когда в преддверии трехсотлетнего юбилея династии Романовых, в 1903 году, Ники и Аликс начинают устраивать знаменитые «исторические» балы, в залы Зимнего дворца возвращается старая Москва. Придворные наряжаются в сверкающие золотом боярские платья, а сам Николай является в одеждах любимого предка – царя Алексея Михайловича.

Эллу, глубоко усвоившую идеи православия, не могла не тревожить дружба Аликс с помешанными на мистике черногорскими принцессами. Но она понимала одиночество сестры в холодном Петербурге и мирилась с этой дружбой.

Появление Филиппа заставило ее объединиться с остальными Романовыми. Элла знает характер младшей сестры – нападать на Филиппа напрямую, значит, упрочить его положение. И она терпеливо объясняет Аликс, что русские цари не нуждаются в иноземных колдунах, у них есть покровители куда могущественнее – ушедшие на небеса русские святые. Там, в ином мире, они становятся заступниками за своих царей и народ перед Богом. Это великое назначение они осуществляют и в одиночку, и вместе, образуя Охранительный Собор или Золотую Цепь. И их заступничество не раз помогало московским царям, спящим вечным сном в Архангельском соборе...

Эта мистическая идея произвела впечатление на Аликс. Но умная Милица тотчас перехватила инициативу. И уже вскоре состоялся разговор Филиппа с царицей. Он объяснил ей, что неудача с беременностью – всего лишь результат ее слабой веры: как только она засомневалась, как только позвала акушеров – все было кончено. Чудо может возникнуть только при абсолютной вере, но Аликс оказалась пока к ней не готова, потому он и не смог ей помочь... И, к восторгу царицы, Филипп заговорил с ней о том же, о чем говорила так не любившая его Элла: Аликс должна попросить помощи у русского святого, который вымолит ей у Бога наследника. И повторил имя, которое Аликс уже слышала от Эллы.

Это был великий святой, тогда еще не канонизированный официальной церковью, – Серафим Саровский.

Царский святой

Прохор Мошнин (таково мирское имя Серафима Саровского) ушел из дома странником, был на поклонении во множестве монастырей. В родном селе ходил он в окружении девственниц – «Христовых невест». В результате – слухи, расследование, и тайна святости стала предметом полицейского разбирательства.

Потом он долго жил в безмолвии и воздержании, «был сыт одним словом Божиим, которое есть хлеб ангельский – им и питается душа»...

Серафим много говорил о святости царской власти, повторял слова Авессы, военачальника библейского царя Давида: «Если бы и всех нас побили, то лишь бы ты, господин наш, был жив... Если же тебя не будет, что будет тогда с Израилем?»

Николаю и Александре стало известно предсказание, записанное его почитателем Мотовиловым в 1879 году. В нем Серафим предрек их будущее царствие и свое грядущее прославление.

Серафим Саровский был объявлен покровителем Царской Семьи. Несмотря на сопротивление Синода, Аликс заставила Ники осуществить предсказание Серафима – он был канонизирован.

16 июля 1903 года императорский поезд прибыл на станцию Арзамас, и Романовская семья пешком двинулась в Саровскую пустынь и Дивеевский монастырь, где жил и молился Серафим.

18 июля после литургии Государь и великие князья с духовенством обнесли вокруг храма гроб с мощами нового святого. Так сбылось еще одно пророчество Серафима, записанное Мотовиловым: «Вот какая радость-то будет!.. Приедет к нам Царь и вся Фамилия».

Правда, было и другое его пророчество, о котором они тогда не знали – «...о грядущих ужаснейших бунтах, превышающих всякое воображение... о реках крови русской». Все это должно было случиться в их царствование.

Мир чудес и предсказаний все более становится для Аликс реальным миром. По вечерам в Сарове она и Ники сидят у камня, где Серафим когда-то возносил молитвы, купаются в водах его источника, уповая на помощь святого и моля о наследнике. Она начинает ждать... Серафим у престола Господня должен за них заступиться! И она родит сына...

Она все более становится царицей из кремлевского терема времен Московского царства.

Прощание с первым «нашим другом»

Вера победила. То, о чем Аликс молила святого Серафима, сбылось. Она дала жизнь красавцу младенцу, сероглазому принцу из сказки, рожденному, чтоб повелевать и вызывать восхищение.

Из записной книжки Аликс: «Наследник Цесаревич Алексей Николаевич рожден в понедельник 30 июля 1904 в 1.15 по полудни...»

Они дали ему имя в честь любимого царя из московской старины – Алексея Михайловича Романова.

А «Нашему Другу» вскоре пришлось вернуться в Париж. Великий князь Николай Николаевич, видимо, не выдержал семейного осуждения. И Филиппу объяснили необходимость отъезда.

Так закончилась генеральная репетиция прихода Распутина во дворец. А двор и Романовская семья сформулировали: «Бедный добрый Ники – он безволен, всем правит она. Он глядит на мир ее глазами».

Филипп (как он и предсказывал) довольно скоро, в 1905 году, покинул этот свет. И царица еще раз убедилась: не зря она ему верила, его пророчества воплощались в жизнь...

Она никогда его не забывала. Спустя много лет она напишет мужу: «Наш Первый Друг дал мне икону с колокольчиком, который предостерегает меня о злых людях и препятствует им приближаться ко мне...» Теперь Филиппу оставалось исполнить свое последнее обетование – «вернуться в другом облике».

Как он нужен был ей теперь! Ибо случилось ужасное – она оказалась причиной неминуемой и, возможно, скорой смерти долгожданного сына. Принц из сказки был болен наследственной болезнью семьи Аликс – гемофилией. Хрупкие сосуды наследника не выдерживали напора крови.

Впрочем, подобной болезнью была поражена сама империя. Ее сосуды изнашивались, стали слишком хрупкими. В самодержавном царстве пролилась кровь.

Кровавый пролог перед его приходом

Сначала Николая убедили начать войну с Японией. Военные объяснили, что можно спокойно занять земли в Маньчжурии, и Япония не осмелится на ответный удар. А если и посмеет, то «будет маленькая война и большая победа». «Маленькая война» стала большой и кровавой, «большая победа» обернулась позором поражений. «Больно и тяжело», – записывал царь в дневнике. Но это было только начало...

Наступил страшный 1905 год. Болезнь мальчика, катастрофы на фронте... И новое испытание – невиданная в России за все 300 лет его династии революция! Воистину – «Иов Многострадальный»...

Ужасный год начался с расстрела манифестации рабочих, шедшей к Зимнему дворцу. Семья была в Царском Селе. В их отсутствие перепуганный великий князь Владимир Александрович, командовавший петербургским гарнизоном, отдал приказ стрелять... 9 января Николай записал в дневнике: «Ужасный день... Много убитых и раненых. Боже, как больно... как тяжело».

Революционеры ответили террором. Первая кровь Романовской семьи в XX веке – в Москве разорван бомбой великий князь Сергей Александрович. Теперь Николая преследовало видение: ползающая на коленях в крови, среди останков мужа, простоволосая Элла... А далее – страшные дни, хаос в стране, забастовка на железных дорогах, отрезавшая Петербург и Москву от губерний, митинги с призывами к вооруженному восстанию...

Для черногорских принцесс наступил звездный час. Роман Станы с Николаем Николаевичем был в разгаре, а «Грозный дядя» должен был получить полномочия диктатора – казалось, что это единственный шанс усмирить революцию. Экзальтированным черногоркам грезилась корона, которую сам передаст спасителю слабый Ники...

Но подвел Николай Николаевич – не решился стать диктатором. Армия была далеко, на войне с Японией, и сил подавить восстание у него не было. Вместе с новым премьером, Сергеем Юльевичем Витте, великий князь уговаривает Ники согласиться на Конституцию.

Семья жила в Петергофе, отрезанная от столицы. При дворе уже поговаривали, что на рейде стоит корабль, на котором они готовятся бежать в Англию... Как нужен был царице заступник перед Богом!

«Сцена была готова для появления Чудотворца»

Так написал в своих воспоминаниях Сандро (великий князь Александр Михайлович), друг юности Николая и муж его сестры Ксении. Черногорские принцессы неумоимо искали русского чудотворца. И Милица привела во дворец епископа Феофана.

Из показаний Феофана: «В дом бывшего императора... я был приглашен впервые для беседы по церковным вопросам... Впоследствии меня стали приглашать как для духовных бесед, так и приобщать часто болевшую императрицу Александру Федоровну».

Но прямодушный аскет Феофан не смог заменить лукавого Филиппа. И во дворец Милицы все чаще зовут протоиерея Иоанна Кронштадтского – тогдашнюю всероссийскую знаменитость. Его глубоко почитал отец Николая – протоиерей стоял у постели Александра III в минуту его смерти. Жизнь Иоанна проходила среди народа – в храме и на улице. Ему была ниспослана высшая сила христианина – дар исцеляющей молитвы. К нему за помощью шли те, кто достиг последней черты страдания, когда уже не спасало могущество науки. Он исцелял людей самых разных вероисповеданий – православных, иудеев, магометан. Влиятельнейшая петербургская газета «Новое время» выпустила целый номер (20 декабря 1883 года) с благодарностями исцеленных.

Иоанн исцелил и будущую почитательницу Распутина, юную Анну Вырубову, и Зинаиду Юсупову – мать будущего убийцы Распутина...

Но Иоанн слишком суров, слишком обременен обязанностями перед своей паствой. И тогда Милица решила познакомить Аликс и Ники с человеком, который непременно должен был произвести на них впечатление, которого она давно готовила к этой встрече, – с «братом Григорием», странником из Сибири. Но умная черногорка уже почуяла опасность, и прежде, чем представить Распутина, потребовала с него честное слово, что без нее он не будет встречаться с «царями». Он по-прежнему должен был остаться при Милице, стать новым Филиппом, с которым «цари» будут встречаться только в ее дворце. «По словам Милицы Николаевны, Распутин обещал сам не знакомиться с царской семьей», – показал в «Том Деле» Феофан.

Милица была уверена в успехе мужика. Недаром «брат Григорий» понравился самому Иоанну Кронштадтскому. Недаром Феофан, которого так уважают в Царской Семье, благоговееет перед ним. И как все сходится: прорицатель, врачеватель, человек из народа – воистину посланец Святой Руси!

В середине октября 1905 года наступил самый страшный миг: Николай решил подписать Конституцию. Рушилось трехсотлетнее самодержавие его предков. И все эти дни рядом с ним – черногорки и Николай Николаевич...

Из дневника царя: «17 октября... Завтракали Николаша и Стана (романтическая пара! – Э.Р.)... Сидели и разговаривали, ожидая приезда Витте... Подписал Манифест в 5 часов. После такого дня голова сделалась тяжелой и мысли стали путаться... Господи, помоги нам... спаси и умири Россию...»

«20... обедали Николаша, Милица и Стана...»

21, 22, 23, 24, 25 октября – все эти дни, согласно дневнику Николая, в гостях черногорские принцессы. Видимо, в эти дни Милица и рассказывает Аликс о чудесном сибирском мужике, готовит впечатлительную царицу к встрече с народным пророком.

В рассказах Милицы возникала столь радостная для царицы мистическая перекличка между Распутиным и Серафимом Саровским. Как и святой Серафим, «брат Григорий» (так все его зовут, стараясь не употреблять неблагозвучную фамилию) бросил дом и много странничал. Как и святой Серафим, он ходил по деревне, окруженный последовательницами. Как и на святого Серафима, был на него наговор, и святая тайна стала предметом расследования...

Как должно было забиться сердце Аликс! Все совпадало. Филипп их не оставил, он прислал им защитника, как и обещал, «пришел в другом облике» – именно тогда, когда все вокруг уже советуют подумать о корабле, который унесет их из хаоса в Англию.

Наконец-то закончился страшный октябрь. Как ждала Аликс, что минувший месяц унесет все их беды! И как знаменательно, что в первый день нового месяца они должны увидеть у Милицы удивительного мужика...

Из дневника Николая: «1 ноября... В 4 часа поехали в Сергеевку. Пили чай с Милицей и Станой. *Познакомились с человеком Божьим Григорием из Тобольской губернии...* Вечером укладывался, много занимался, провел вечер с Аликс»... «22 ноября... Поехали... в Царское Село, куда прибыли в 5.20... Приятно было попасть в старые, уютные комнаты».

Часть вторая «Наш друг»

Глава 4 Рядом с «Царями»

Обольщение

В «Том Деле» епископ Феофан показал: «Мне лично пришлось слышать от Распутина, что он на бывшую Государыню *произвел впечатление* при первом свидании с нею. Государь же подпал под его влияние лишь после того, как Распутин его чем-то *озадачил*».

Распутину, этому знатоку человеческих душ, вряд ли трудно было понять, как нуждается в нем царица, как измучена она обрушившимися на них бедствиями и как действуют на нее его речи о простом народе, который не даст в обиду своего царя. Видимо, это и было главным в их первом разговоре. Об этом он говорил потом Илиодору, который (хоть и весьма примитивно) изложил речи Распутина в своей книге: «Когда революция подняла высоко голову, то они очень испугались... и давай складывать вещи... А я долго их уговаривал плюнуть на все страхи и царствовать».

На царицу это произвело сильное впечатление. С царем сложнее – Николай был «в себе»: слишком погружен в решение сложнейших проблем и, видимо, плохо слушал Распутина. Чтобы «озадачить» царя, нужно было встретиться с ним еще раз...

Но Милица, тотчас оценив впечатление Аликс, еще раз предупредила мужика, что он не должен стремиться сам встречаться с «царями» – иначе «он попросту погибнет».

«Предупреждение ее, что Распутин погибнет, я объясняю тем, что при дворе много соблазнов, зависть, интриги, и что Распутин, будучи простым непритязательным странником-богомольцем, в такой обстановке духовно погибнет», – показал Феофан.

Но у Распутина были совсем другие планы. И пребывание на квартире Феофана, связанного с Милицей, его более не устраивало. Ему теперь нужна была свобода действий.

Очаровательная генеральша

Впрочем, у него уже была возможность выбирать себе пристанище. Его успех в Петербурге был стремительным, со времени своего появления в городе он многое успел. Его почитательница Е. Казакова показала в Чрезвычайной комиссии, что «видела много важных барынь... которые за ним ухаживали, считали его великим праведником, стригли у него ногти и... зашивали их себе на память».

Одной из таких «важных барынь» была петербургская «светская львица», хозяйка модного салона Ольга Лохтина. Ей тогда было уже за сорок, но была она еще очень хороша. В то время она заболела, и лечить ее пригласили Распутина. Так они встретились – всего через два дня после его свидания с Царской Семьей.

В «Том Деле» Лохтина показала: «Распутина я увидела первый раз 3 ноября 1905 г. К тому времени я разочаровалась в светской жизни, у меня произошел духовный переворот, к тому же я сильно болела неврастением кишок, приковавшей меня к постели. Я могла передвигаться только придерживаясь рукой за стену... Священник отец Медведь (один из вер-

ных тогда почитателей «старца». – Э.Р.) пожалел меня и свел с Распутиным... С момента появления в доме отца Григория я сразу почувствовала себя здоровой и с тех пор освободилась от своего недуга...»

На квартиру к исцеленной и решил перебраться «отец Григорий». Так теперь называют его Лохтина, и так будут называть его почитательницы...

Из показаний Феофана: «Жил у меня недолго, так как я по целым дням пропадал в Академии. И ему стало у меня скучно, и он куда-то переехал, а затем поселился в Петрограде у чиновника Владимира Лохтина».

«Это был прекрасный семейный дом. Сама Лохтина была красивая, светская женщина и имела прямо очаровательную дочку», – показал в «Том Деле» полковник Ломан, друг Лохтиных.

Распутин точно выбрал дом – удобный плацдарм, чтобы попасть в Царскую Семью. Муж Ольги Лохтиной – инженер и действительный статский советник (что по табели о рангах соответствует чину генерала, поэтому Лохтину часто называли – и мы будем называть – генеральшей), заведовал дорогами в Царском Селе. Там проводит большую часть времени затворившаяся в «уютных комнатах» Александровского дворца Царская Семья. Болезнь наследника, сделанная государственной тайной, заставляет их жить полузатворниками, оберегая этот секрет.

Проживая в семье Лохтиных, Распутин был теперь в курсе всех слухов из дворца.

Пройдет несколько лет, и фотографии Лохтиной будут печатать крупнейшие российские газеты. Журналисты будут гадать, что произошло с этой очаровательной женщиной, как петербургская красавица превратилась в странную юродивую, разгуливающую в фантастическом одеянии по улицам столицы...

Мужик потряс ее сразу. «Он очень интересно рассказывал о своей страннической жизни, а в разговоре подсказывал грехи слушателей и заставлял говорить их совесть», – показала Лохтина.

Он открыл ей мир Любви и Свободы, где не было быта и денег – только жизнь духа. Всего через несколько дней после знакомства с «отцом Григорием» петербургская барыня отправляется с ним в Покровское. Муж с радостью отпускает ее, чтобы она могла окончательно излечиться у удивительного целителя. Ему и в голову не приходит подозревать влечение красавицы жены к корявому мужику.

«По его приглашению я отправилась к нему в гости в Покровское, где я пробыла с 15 ноября по 8 декабря 1905 года... Ехать с Распутиным большое удовольствие, ибо он давал жизнь духу... Дорогою он предсказал забастовку и все говорил: «Только бы доехать». Как только доехали, она началась». Впрочем, забастовку тогда предсказать было нетрудно – ими была охвачена вся страна. Но генеральша так жаждала чудес!..

И в Покровском «жизнь духа» продолжалась. Лохтина увидела смиренную крестьянскую семью: «Уклад его жизни мне очень понравился. Жена, встретив мужа... упала ему в ноги... Смирение его жены меня удивляло. Когда я бываю права, я никому не сделаю уступки. И вот как-то жена Распутина в споре с мужем уступила ему, хотя было ясно – права она, а не он. На высказанное мной... удивление, Распутина сказала: «Мужу и жене надо жить одним сердцем – где ты уступи, где тебе уступят»... Спали мы где придется, очень часто в одной комнате, но спали очень мало, слушая духовные беседы отца Григория, который как бы приучал нас к ночному бодрствованию. Утром, если я вставала рано, то молилась с отцом

Григорием... Молитва с ним отрывала от земли... Дома проводили время в пении церковных псалмов и песнопений...»

Но у следователей были большие сомнения в невинности ее жизни в Покровском. И она им отвечала: «Да, он имел обыкновение целоваться при встречах и даже обнимать, но это только у людей дурных появляются дурные и грязные мысли... Совершенно справедливо также, что при одном из посещений села Покровского я мылась в бане с Распутиным и его семьей – женою и двумя дочерьми. При отсутствии дурных мыслей это никому из нас не казалось ни неприличным, ни странным... Что Распутин был действительно старец, убеждает меня и мое исцеление, и те предсказания, которые мне пришлось услышать и которые оправдались».

Так она отметала все подозрения о сексуальных отношениях между ней и Распутиным. Но каковы в действительности были отношения мужика с Лохтиной – его воистину ярой поклонницей? Знать это очень важно, чтобы понять и его учение, и всю дальнейшую его историю. Тем более что в исследованиях новых почитателей «отца Григория» утверждается: все истории о сексуальных связях Распутина со своими поклонницами выдуманы его врагами.

Но мы дадим слово другу – и одному из самых ближайших. В «Том Деле» есть показания издателя Филиппова: «Будучи у него в 1911 году на Николаевской улице, я неожиданно оказался свидетелем очень тягостной сцены. Придя к Распутину по обыкновению рано утром чай пить... я увидел его за ширмой, которая отделяла его кровать от остальной комнаты. Он отчаянно бил одетую в фантастический костюм – в белое платье, увешанное ленточками, – госпожу Лохтину, которая, хватая его за член, кричала ему: «Ты Бог!»... Я бросился к нему... «Что ты делаешь! Ты бьешь женщину!» Распутин мне ответил: «Она пристаёт, стерва, – грешить требует». А Лохтина, скрывшись за ширмами, кричала: «Я овца твоя, а ты – Христос!»... Только впоследствии я узнал, что это – госпожа Лохтина, поклонница Распутина, имевшая с ним роман... Она подавала мне такие остроумные, свидетельствовавшие о ее большом уме и светскости реплики, что я был очень удивлен увиденным».

О ее уме и злом остроумии будут с изумлением говорить и другие свидетели. Как же сумел мужик навсегда приковать к себе эту блестящую женщину? Как родилась эта яростная страсть, которая навсегда останется у несчастной генеральши, даже когда мужик уже не будет испытывать к ней ничего, кроме отвращения? Ответ на эти вопросы – в главной тайне этого человека, речь о которой впереди...

В декабре 1905 года Распутин и Лохтина вернулись в столицу. И она была рядом, когда он продумывал свой план, чтобы вновь увидеть Царскую Семью... Феофан был прав – новую встречу с Семейей подготовил сам Распутин.

В «Том Деле» остались показания важного свидетеля. В 1917 году перед следователями Чрезвычайной комиссии предстал полковник Дмитрий Ломан. При дворе он сделал блестящую карьеру: ему было поручено сооружение придворного Федоровского собора – любимого храма Царской Семьи, и назначение это он получил (как покажут свидетели) не без помощи Распутина.

Когда Ломан впервые увидел Распутина, он был всего лишь офицером лейб-гвардейского полка. «Распутина я знаю с самого его появления в Петрограде... В первый раз Распутин попал во дворец таким образом: как-то Государь (передаю это как слух) получил от сибирского крестьянина... это и был Распутин... письмо с просьбой принять его и разрешить преподнести икону по какой-то причине особо чтимую. Государь заинтересовался письмом...»

Прыжок во дворец

Показания Ломана подтверждает и... сам Распутин. Сохранилась телеграмма, посланная мужиком царю в 1906 году: «Царь-батюшка, приехав в сей город из Сибири, я желал бы поднести тебе икону Святого Праведника Симеона Верхотурского Чудотворца... с верой, что Святой Угодник будет хранить тебя во все дни живота твоего и споспешествует тебе в служении твоём на пользу и радость твоих верноподданных сынов». Эту телеграмму, так отличавшуюся от бессвязных посланий, которыми Распутин будет засыпать «царей», видимо, помогла написать мужику преданная генеральша.

И царь... принял мужика после его телеграммы! Почти точную дату этой встречи (на этот раз воистину исторической) позволит установить взволнованное письмо обычно сдержанного Николая к премьеру Столыпину:

«16 октября 1906 года... Несколько дней назад я принял крестьянина из Тобольской губернии... который принес мне икону Святого Симеона Верхотурского... *Он произвел на Ее Величество и на меня замечательно сильное впечатление... и вместо пяти минут разговор с ним длился более часа.* Он в скором времени уезжает на родину. У него есть сильное желание повидать Вас и благословить Вашу больную дочь иконой. (В то время террористы взорвали дачу премьера, Столыпин чудом остался жив и вынес из развалин раненую дочь. – Э.Р.) Я очень надеюсь, что Вы найдете минутку принять его на этой неделе».

Так ему удалось «зацепить» и царя!

Можно представить, о чем он говорил с «царями». Конечно же был его любимый рассказ о встрече с Богом, о странствиях во имя Божье – обо всем, что было недоступно этим религиозным людям и о чем они так мечтали. И здесь ему не было равных, здесь он был поэт. Те же мысли он позже изложит в «Житии опытного странника» и среди них – любимую: «Велик, велик есть крестьянин перед Богом!» Мужик – он помогущественнее всех жалких городских интеллигентов, свершивших смуту, а главное – он любит своих царей и не даст их в обиду. Как не даст их в обиду Господь... Народ и царь – между ними никого! Царь и царица слышали то, что так хотели тогда услышать...

И наконец мужик попросил о том, от чего должны были затрепетать их сердца – увидеть мальчика. Он заговорил о его болезни, будто давным-давно о ней знал, просил позволения молитвой облегчить его страдания (потому и принес икону Симеона Верхотурского, обладающую исцеляющей силой).

Судя по всему, его отвели к ребенку: недаром тотчас после этой встречи Николай и написал Столыпину, чтобы тот допустил мужика «благословить Вашу больную дочь иконой». Ибо на глазах «царей», видимо, произошло чудо – то, о чем потом будут рассказывать Вырубова и великая княгиня Ольга, то, что будет происходить потом много раз!

В полумраке комнаты, освещенной лампадами, не мог заснуть, мучился в приступе болезни их «Маленький», их «Солнечный луч». Диковинный мужик спокойно подошел к кровати, крючковатая огромная тень склонилась в молитве... И мальчик на глазах успокоился, тихо уснул, чтобы на следующее утро (чудо! чудо!) проснуться здоровым.

Знал ли мужик таинственные секреты врачевания, с языческих времен охранявшиеся в Сибири? Или воистину ощущал тогда в себе иную, необъяснимую силу, способную исцелять? Нам можно размышлять об этом и сомневаться. У Алике же сомнений быть не могло. Он пришел – народный посланец, «Божий человек», о котором говорил его предтеча, «Наш Друг». Пришел, чтобы защитить своего царя и спасти наследника священного престола.

Вслед за царем мужика принял премьер-министр. Распутин и к нему пришел с той же чудотворной иконой святого Симеона Верхотурского.

Из показаний Вырубовой: «Покойный Столыпин... после взрыва на даче вызвал к своей пострадавшей дочери Распутина, и тот будто бы молился над нею, и она поправилась».

С тех пор царь и царица стали почитать сибирского святого, о котором рассказал им мужик. На личные средства царя была воздвигнута великолепная сень над ракою Симеона.

Крестный ход в дни прославления святого Симеона возглавлял Иоанн Сторожев – священник из Екатеринбурга. В 1918 году тот же отец Иоанн совершит последнюю обедницу и даст последнее благословение Царской Семье – за два дня до их гибели.

В Ипатьевском доме после их расстрела найдут «образ святого Симеона Верхотурского, малого размера, в металлической рамке» – возможно, тот самый, который принес им когда-то мужик.

Теперь они сами зовут Распутина – он стал им необходим. Но «цари» – невольники в своем дворце. После истории с Филиппом они осторожны, и чтобы не возбуждать слухов, мужика зовут вместе с Феофаном – человеком официальным, к тому времени уже ставшим ректором Духовной академии.

Из показаний Ломана: «Кроме официальной аудиенции Распутин был раза 2–3... с Феофаном, но в очень скромной роли – келейника и последователя Феофана...»

Но Распутин просит Феофана не сообщать Милице об этих посещениях. «Сам Распутин сообщил мне, что он скрывает от Милицы Николаевны знакомство свое с царской семьей», – показал Феофан в «Том Деле». И ничего не подозревающая Милица продолжала славить мужика. «9 декабря... Обедали Милица и Стана. Весь вечер они рассказывали нам о Григории», – записал царь в дневнике.

Скандалы в благородном семействе

Однако долго скрывать от Милицы новое знакомство было невозможно. Праведный Феофан не мог лгать – как только слухи из Царского Села дошли до Милицы, он после первого же ее вопроса рассказал правду.

Великая княгиня разгневалась на мужика. Она не понимала, с кем ссорится...

Из показаний Феофана: «Распутин сообщил мне, что Милица Николаевна прямо ему объявила: «Вы, Григорий, надуватель»... Лично мне Милица Николаевна высказывала недовольство тем, что Распутин проник в царскую семью, и упоминала о своих предупреждениях, что если он это сделает, это будет его гибелью».

Было ли это бессильным раздражением властной Милицы, не сумевшей создать «второго Филиппа», или прозорливостью мистической женщины? Впрочем, в то время ей было уже не до Распутина – в конце 1906 года черногорские принцессы оказались в центре придворного скандала.

Из дневника К.Р.: «6 ноября... Узнал с ужасом от жены, что Стана разводится... и выходит замуж за Николашу!!! Разрешение этого брака не может не представляться поблажкой, вызванной близостью Николаши к Государю... оно нарушает церковное правило, запрещающее двум братьям жениться на двух сестрах...»

Но жених нашел другое, весьма неожиданное объяснение.

«10 ноября... Николаша объявил, что палец о палец не ударил для своей женитьбы... что тут не обошлось без загробного влияния Филиппа».

Это был очередной скандал в большой Романовской семье.

Не так давно дядя царя, великий князь Павел Александрович, отбил жену у адъютанта другого великого князя, Владимира, и женился на ней. За что и был выслан из России по повелению царя, ибо согласно законам Российской империи «все члены Императорского Дома лишены права вступать в брак с лицами, не принадлежащими к царствующему или владетельному Дому»... И еще один скандал грозил семье: родной брат царя Михаил надумал жениться на жене лейб-гвардейца из своего знаменитого полка «синих кирасир» – дважды разведенной красавице Наталье Вульферт. Вдовствующая императрица с трудом умолила сына отказаться от безумной идеи... И новый скандал, уже с великим князем Кириллом, сыном другого царского дяди, Владимира Александровича. К этому лихому командиру Гвардейского экипажа ушла жена родного брата Аликс – Эрни, герцога Гессенского. Ники пришлось наказывать и Кирилла. Что делать: отец Николая беспощадно карал родных за подобные шалости, теперь карать должен был он – глава Романовской семьи.

И вот новый скандал – с «Грозным дядей»... Но каково же было влияние черногорок на Аликс, если царица, преисполненная отвращения к разводам, послушно все стерпела и заставила стерпеть царя, несмотря на грозные призывы вдовствующей императрицы покарать Николая Николаевича и навести порядок в семье!

Запись в дневнике генеральши Богданович от 25 октября 1906 года: «Говорят она (Стана. – Э.Р.) воплотила в себе медиума Филиппа, что он в нее вселился, и она предсказывает, что все теперь будет в стране спокойно... царь и царица верят каждому ее слову... и в ожидании спокойствия веселы и беспечны».

Но черногорская принцесса была тут ни при чем. Генеральша и дворцовые сплетники на сей раз ошиблись. Они тогда еще не знали о мужике, который уже поселился в сердцах «царей». Это он внес в их души спокойствие и уверенность.

Загадка новой фамилии

Пока Николаевичи с черногорками улаживали свои личные дела, мужик стремительно шел в гору. Уже через два месяца после их второй встречи Государь всея Руси лично занимается переменой фамилии никому не известного крестьянина. По этому поводу он вызывает главу своей канцелярии графа Бенкендорфа – Аликс беспокоит неблагозвучная фамилия, столь неподходящая к облику «Божьего человека».

Распутину предложили написать прошение, и Бенкендорф сообщил министру внутренних дел: «Передавая мне это письменное прошение Распутина, Его Величество изволил выразить особенное желание эту просьбу уважить».

22 декабря 1906 года последовало удовлетворение ходатайства крестьянина Распутина о разрешении впредь именоваться «Распутиным-Новых».

Илиодор пересказывает со слов Распутина версию, которую, видимо, решено было сделать официальной: «Как только я показался в дверях, то наследник захлопал ручонками и залепетал: «Новый, новый, новый!»... Это были первые его слова. Тогда царь дал приказ именовать меня по фамилии не Распутин, а Новых».

На самом деле в фамилии «Новых», возможно, был совсем иной подтекст (речь о нем впереди). Но так или иначе, Распутин получил право на новую фамилию.

Однако жизнь не позволила. Жизнь вскоре вернет ему фамилию Распутин.

С появлением Нового началась во дворце и новая – тайная – жизнь...

Только через год Ники и Аликс решатся раскрыть тайну этой новой жизни великой княгине Ольге. «Осенью 1907 года Ники спросил меня, хочу ли я видеть настоящего русского

крестьянина, – рассказывала она журналистке в далекой Канаде. – Распутин... повел его (Алексея. – Э.Р.) в комнату, и мы втроем последовали за ним... мы чувствовали себя как в церкви. В комнате Алексея не было электричества, и свет шел только от лампад перед иконами... Ребенок стоял рядом с гигантской тенью, низко опустившей голову... Распутин молился, и ребенок присоединился к его молитве».

Именно тогда она узнала, что Распутин обещал «царям», будто их мальчик излечится от болезни. О том же говорила и Вырубова в своих показаниях: «Распутин предсказал, что мальчик со временем совсем выздоровеет... вырастет из болезни».

Вера в выздоровление сына и дала им спокойствие. И еще – они увидели, как слабеет, гибнет грозная революция. Еще недавно в Петергофе на Николая, как на дичь, охотились революционеры, и Государь всея Руси писал матери: «Ты понимаешь мои чувства... не иметь возможности выезжать за ворота... И это у себя дома!.. Я краснею писать тебе об этом». Еще вчера хаос правил страной. И вот теперь, как и предсказал мужик, революцию удалось смирить. Начиналась новая жизнь. Все, как предрек им новый человек...

Филипп был прежним «Нашим Другом». Распутин станет новым «Нашим Другом».

В этом, видимо, и заключался для них тайный смысл фамилии.

Еще одна историческая встреча

Всю первую половину 1907 года Распутин продолжает посещать черногорских принцесс. Взрыв ярости Милицы как будто прошел (тем более что «цари» иногда встречаются с Распутиным в ее доме), она как будто простила мужика и не замечает, что теперь «отец Григорий» – тайный и частый гость в царском дворце. И по-прежнему славит провидца перед своими знакомыми, ибо уже поняла: это постоянное славословие нравится царице.

Именно тогда во дворце Милицы и состоялась еще одна встреча, имевшая большое значение для судеб империи.

В то время около царицы появилась молоденькая фрейлина Аня Танеева. Вскоре двор заговорил о пылкой дружбе Аликс и Ани. Милица тотчас начинает приглашать к себе новую фаворитку. Аня казалась наивной девочкой, до смешного копиравшей Государыню, – вела с Милицей бесконечные разговоры на любимые царицей мистические темы. И, естественно, захотела увидеть Распутина. Аня готовилась выйти замуж за флотского офицера Вырубова, и ей необходим был совет «отца Григория».

Из показаний Вырубовой: «С Распутиным я познакомилась в 1907 году за несколько дней до свадьбы у Милицы Николаевны... Причем я слышала, что у нее с ним встречаются Государь и Государыня. Этому знакомству предшествовало чтение мистических книг на русском и французском, которыми меня ссужала Милица Николаевна и в которых доказывалось существование таких людей, которые, благодаря своей жизни, сделались провидцами... В первых числах марта 1907 года Милица Николаевна пригласила меня, предупредив, что у нее будет Распутин. Она приняла меня в гостиной одна, стала рассказывать о том, что бывают люди, одаренные даром свыше и обладающие даром провидения. На эту тему Милица Николаевна говорила со мной около часу и просила меня не удивляться, если она будет христосоваться с Распутиным... Я очень волновалась, тем более, что она сказала: «Попросите у него о чем хотите, он помолится. Он может все у Бога»... Распутин поцеловался с Милицей, а затем она представила его мне... Меня поразили его пронизательные глаза, глубоко сидящие в глазных впадинах... Я, озабоченная браком, так как очень мало знала своего жениха, спросила, следует ли мне выходить замуж. Распутин ответил, что советует выйти замуж, но что брак будет несчастлив...»

Однако вскоре Распутин перестает посещать Милицу. И черногорская принцесса узнает, что мужик посмел высказать слова неодобрения о браке ее сестры с Николаем Николаевичем. И царица навещает ее теперь все реже и реже...

Такого Милица не прощала.

Похороненное следствие

Осенью 1907 года Распутин уехал в Покровское. С ним отправилась Лохтина, а также его молодые поклонницы – незамужняя медицинская сестра Акилина Лаптинская, вдова инженера Хиония Берладская и жена коллежского секретаря Зинаида Манчтет (или Манштетт, как она именуется в других источниках).

К тому времени Распутин купил в Покровском новый просторный дом. На родине мужик менялся – простодушный, неграмотный крестьянин оживал в нем, он становился словоохотлив, хвастался перед соседями, демонстрировал поклонявшихся ему петербургских «дамочек». Охотно рассказывал он и о «царях» и великих князьях, которые спрашивают советов у него – вчера еще битого и осмеянного односельчанами Гришки...

Но в этот приезд его поджидал печальный сюрприз. Распутин узнал, что в селе появился инспектор из Тобольской Духовной консистории, который уже вызывал на допросы его постоянных собеседников – священников – и расспрашивал их о нем. И вскоре в новом доме был обыск, нашли и забрали письма «дамочек». Потом их самих вызвали к инспектору. И наконец на допрос повели самого Распутина.

Так началось «дело» по уже знакомому ему обвинению в хлыстовстве. Четыре года назад он сумел отбиться от следователей консистории. И вот – его снова обвинили.

Впоследствии председатель Государственной Думы Родзянко, бравший это «дело» из Синода, сообщил, что уже вскоре оно исчезло. Но «рукописи не горят»... Нынче, будто из небытия, в Тобольском архиве выплыла папка с надписью: «Дело Тобольской консистории по обвинению крестьянина слободы Покровской Тюменского уезда Григория Ефимовича Распутина-Нового... в распространении им лжеучения, подобно хлыстовскому, и образования общества последователей своего лжеучения. Начато 6 сентября 1907 г.»

В «деле» было отмечено: пока Распутин пребывал в Петербурге, Тобольскому епископу сообщили сведения, касавшиеся таинственного периода его странствий. По этим «собранным и проверенным... сведениям... названный крестьянин из своей жизни на заводах Пермской губернии вынес знакомство с учением ереси хлыстовской и ее главарями». Затем, «проживая в Петербурге, приобрел себе последовательниц, которые, по возвращении Распутина в слободу Покровскую, неоднократно приезжали к нему и подолгу жили в его доме». Также отмечалось, что «письма его последовательниц Х. Берладской... О. Лохтиной и З. Манчтет говорят... об особом учении Распутина», что эти последовательницы «вводят Распутина под руки и... на глазах у всех он их часто обнимает, целует и ласкает... В верхнем этаже новоприобретенного Распутиным большого дома поздними вечерами бывают особенные молитвенные собрания... на этих собраниях он надевает полумонашеский черный подрясник и золотой наперсный крест... собрания эти иногда заканчиваются поздно и, по слухам, в бане при прежнем доме Распутина совершался «свальный грех»... Между жителями слободы Покровской ходят слухи, что Распутин учит хлыстовству...»

Кто стоял за этим «делом», понять нетрудно. У Милицы, благодаря ее могуществу при дворе, были прочные связи в Синоде. И она, хорошо знавшая мистические учения, давно поняла тайну удивительного мужика. И это ее раздраженный голос слышен в обвинительном заключении, где говорится о «самоуверенности и сатанинской гордости» Распутина, о том, что он посмел принять на себя образ «необыкновенного наставника, молитвенника, совет-

ника и утешителя», что он, «человек малообразованный», решился «рассказывать о своих посещениях дворцов великих князей и *других высокопоставленных особ...*»

На следствии Распутин конечно же отрицал свое хлыстовство. Отрицал и *хождение в баню с женщинами*, то есть то, что впоследствии будет признавать в Петербурге, о чем будет рассказывать знакомым. И «дамочки» за него стояли горой – и Берладская, и Лаптинская, и Лохтина, и находившиеся у Распутина в услужении Евдокия и Екатерина Печеркины ничего, кроме восторженных отзывов о высокой нравственности «отца Григория», следствию не дали. На вопрос инспектора о поцелуях Распутина Лаптинская важно объяснила тобольским провинциалам: «Это обыкновенное явление в интеллигентном кругу...»

Но все это было лишь началом. Приехавший в Покровское инспектор Tobольской Духовной семинарии Д. Березкин в отзыве о ведении «дела» отметил, что следствие произведено «лицами, малосведущими в хлыстовстве», что обыскан был лишь жилой двухэтажный дом Распутина, хотя известно, что место, где происходят радения, «никогда не помещается в жилых помещениях... а всегда устраивается на задворках – в банях, в сараях, в подклетах... и даже в подземельях (он имел в виду ту самую таинственную «моленную под полом конюшни» в старом распутинском доме. – Э.Р.)... Не описаны картины и иконы, найденные в доме, между тем в них обычно кроется разгадка ереси...» и так далее. После чего Tobольский епископ Антоний постановил произвести доследование по «делу», поручив его опытному противосектантскому миссионеру.

Распутин был перепуган, вмиг превратился в бесправного, забитого крестьянина. Но Лохтина оценила ситуацию. Она поняла, что столь мощное давление могло быть организовано только кем-то очень могущественным – из столицы. И только из столицы его можно теперь остановить...

Лохтина спешно выезжает в Петербург. И вскоре... следствие было прекращено, несмотря на недавнее распоряжение Антония. Чье-то очень высокое вмешательство навсегда похоронило в недрах Синода епископское расследование.

Так Милица сделала роковую ошибку. Она решила использовать ситуацию, чтобы поставить на место мужика, она была уверена, что расследование по «делу о хлыстовстве» скомпрометирует Распутина, закроет ему дорогу во дворец. Но она ошиблась, ибо не могла представить себе степень его влияния на Семью.

Переворот во дворце

Конечно же Аликс легко вычислила, кто стоял за кулисами следствия, кто пытался отнять у нее «Божьего человека». И уже вскоре, судя по показаниям Феофана, «испортились добрые отношения между Милицей и Анастасией Николаевной, Петром и Николаем Николаевичем и царской семьей... Об этом мне проговорился сам Распутин. Из его нескольких фраз я заключил, что Распутин внушил мысль бывшему императору, будто они слишком влияют на государственные дела и задевают самостоятельность императора».

Прихвастнул мужик – хотел показать свою силу... На самом деле эта мысль всецело завладела царицей, как только та разлюбила прежнюю подругу. Аликс и в нелюбви – цельная натура. Разлюбить – так пылко, яростно... И Распутин тотчас понял новое настроение «мамы» («мама» и «папа» – так он теперь звал этих мистических родителей, отца и мать Русской земли). Понял он и свою задачу – постоянно внушать эту мысль «мамы» – «папе», ибо Ники очень трудно менял привязанности и, как справедливо отмечала Вырубова, «продолжал верить великому князю Николаю Николаевичу».

Теперь в Царской Семье вчерашние подруги стали именоваться так же, как прежде называли их недоброжелатели при дворе – «черные женщины». И уши царицы тотчас открылись всему, чего она не хотела слышать раньше.

«По временам у меня шевелилась мысль о том, что Милица Николаевна познакомила Государыню с Распутиным для того, чтобы сделать его затем орудием для достижения своих целей», – показала Вырубова в «Том Деле». Теперь Аня «простодушно» рассказывала Аликс то, о чем думала сама царица. И они вместе негодовали на «черных женщин», посмеявшись организовать позорное расследование против «Божьего человека». Новая подруга охотно объяснила, откуда родятся гадкие слухи про Аликс:

«Все, что говорилось плохого про Государыню, исходило теперь от Милицы и Анастасии Николаевны... они говорили о том, что Государыня... психически ненормальна, что она слишком часто видится с Распутиным».

Все поведала царице добрая Аня... И «черных женщин» навсегда отдалили от трона – более Аликс никогда не появится в их доме.

А вскоре генеральша Богданович запишет в дневнике: «Радциг (камердинер Николая II. – Э.Р.) говорил, что между царем и великим князем Николаем Николаевичем полное охлаждение, как между царицей и женой его Анастасией Николаевной».

С черногорками Аликс рассталась без сожалений – ведь теперь она не была одинока. Она нашла ее – свою Подругу. Свою истинную Подругу.

Опасная подруга

В марте 1917 года в Чрезвычайную комиссию из сырой тюремной камеры привозили бывшую фрейлину царицы. Следствие пыталось выяснить у нее дворцовые тайны, загадку влияния Распутина. Между тем самой большой загадкой была она сама – Анна Вырубова. Подруга Аликс.

«Недалекая... С трудом сдавшая экзамен на домашнюю учительницу... Ничем не интересующаяся... Трудно понять, какие отношения могли быть у нее с высокообразованной, энергичной царицей...» Таковы многочисленные показания свидетелей о Вырубовой. С этой характеристикой она и войдет в историю.

Между тем достаточно прочитать протоколы ее допросов, чтобы почувствовать, сколь блистательно изворотлива и опасно умна эта женщина. С самого начала следствия она удивительно верно избрала свою роль – ту самую роль наивной, простодушной, недалекой Ани, которую с таким успехом играла в Царской Семье.

Секретарь комиссии, поэт Блок, присутствовавший на допросах, напишет о ней: «Человек в горе и унижении становится ребенком... Вспомни Вырубову. Она врет по-детски».

Что ж, в ее ситуации это была единственно возможная тактика – наивно, открыто лгать, демонстрируя свою детскую беспомощность, глупость и полное непонимание происходившего во дворце. Почти изумленно узнает она от следователя, что, оказывается, ее считали «фанатичной поклонницей Распутина»!

– Так вы утверждаете, что интерес к Распутину у вас был, как ко многим другим в вашей жизни? – возмущается ее ложью следователь Гирчич. – Или все-таки он представлял для вас исключительный интерес?

– Исключительный? Нет! – говорит она очень искренне и, срывая последующие вопросы, вдруг начинает по-бабьи жаловаться: – Жить при дворе, вы думаете, легко? Мне завидовали... Вообще, правдивому человеку трудно жить там, где масса зависти, клеветы. Я *была проста*, так что за эти двенадцать лет, кроме горя, я почти ничего не видела...

Но следует новый важнейший вопрос:

– Почему вы сожгли целый ряд документов?

– Я почти ничего не жгла, – открыто, как бы беспомощно лжет она, заполнившая пеплом от сожженных бумаг огромный камин во дворце.

Ее обвиняют в том, что она вместе с Распутиным назначала министров, принимала участие в политических играх. И опять она изумляется – они с Распутиным разговаривали только о религии... Ей предъявляют доказательства – ее переписку с Распутиным.

– Почему же люди, не имеющие никакого отношения к политике, интересующиеся только молитвой и постом, находятся друг с другом в переписке политического содержания? – торжествует следователь.

Она только вздыхает и говорит все так же наивно:

– Ко мне все лезли со всякими вопросами...

– Ну лезли, скажем, день, месяц, год; но тут – лезли много лет подряд!

– Ужас что такое! – вздыхает она. – Мне вечно не было покоя от людей!

И после всей этой лжи другой следователь, В. Руднев, допрашивавший Вырубову параллельно с Гирчичем, напишет удивительное: «Ее показания... дышали правдой и искренностью».

Единственным недостатком показаний были ее чрезвычайное многословие и поразительная способность перескакивать с одной мысли на другую». А ведь Вырубова лгала в лицо и ему.

Почему же он так написал?

Вырубова воистину знала людей и сразу поняла разницу между двумя следователями. И выбрала с ними разную тактику. От дотошного Гирчича можно было оборониться только наивностью, глупостью. Руднева, сентиментального провинциала, который так соскучился по человеческому благородству, можно и нужно было сделать своим союзником. И она демонстрирует простодушную преданность падшей Царской Семье, давая понять, что лжет только ради них. Она дает следователю возможность оценить и свое христианское терпение в тюрьме – об этом ее терпении спешит рассказать Рудневу мать Вырубовой...

Впоследствии Руднев вспоминал: «Ее чисто христианское всепрощение в отношении тех, от кого ей пришлось пережить в стенах Петропавловской крепости... это издевательство стражи, выразившееся в плеваньи в лицо, снятии с нее одежды и белья, сопровождавшемся битьем по лицу и другим частям тела... Нужно отметить, что обо всех издевательствах я узнал не от нее, а от ее матери... Вырубова подтвердила все с удивительной незлобностью, объяснив: «Они не виноваты – не ведают, что творят».

При этом она просила следователя не наказывать виновных, чтобы не усугубить ее положения. И даже не выяснив, были ли вообще все эти издевательства, Руднев поверил Вырубовой.

Но свой главный удар она приберегла напоследок. Провинциальный следователь был в курсе того, о чем говорила вся Россия: Вырубова – «наложница царя и Распутина». И как бы заботясь о том, чтобы этот добрый человек узнал о ней всю правду, она настояла на медицинском освидетельствовании. Руднев был потрясен – Вырубова... оказалась девственницей! Теперь он верил ей до конца, он был готов закрыть глаза на «ложь во спасение», которую Вырубова говорила ему в лицо. И он подвел итог:

«Никаким влиянием при дворе она не пользовалась и пользоваться не могла – слишком был велик перевес умственных и волевых качеств императрицы по сравнению с ограниченной, бесхарактерной, но беззаветно преданной и горячо любившей ее Вырубовой».

Так Руднев писал о самой влиятельной женщине России! Бедный провинциал не мог даже подозревать, какие утонченные психологические игры вела его подследственная. Так он влился в многочисленный хор свидетелей, единодушно твердивших во время допросов о «простодушной и недалекой» Вырубовой. Правда, большинство этих свидетелей погибнет после Октября, а «простодушная и недалекая» уцелеет. Подруга царицы сумеет использовать и пролетарского писателя Горького, и вождя революции Троцкого, чтобы вырваться из камеры. А выйдя на свободу, скрываясь в Петрограде, она сумеет наладить переписку с царицей и даже... попытается ее освободить! И сумеет организовать собственное бегство из большевистской России!

Женщина, назначавшая и свергавшая министров, управлявшая порой и стальной волей царицы, умела выглядеть простой русской дурехой. Эта удобная маска давно стала ее лицом.

Игры Ани

Когда Аня познакомилась с Распутиным, она уже была рядом с тронem. Ее отец, маленький толстенький старичок, умевший говорить всем только приятные вещи, Александр Сергеевич Танеев, исполнял должность Главноуправляющего собственной Его Императорского Величества канцелярией. Эта должность была как бы семейной – ее занимали при трех императорах дед и прадед Танеева. По материнской линии Аня получила в наследство и царские гены – среди ее предков был незаконный отпрыск императора Павла I.

В 1904 году она была представлена Государыне, получила шифр и звание фрейлины. Аликс тотчас поняла – она встретила Подругу. В следующем году Аня уже сопровождает царицу на яхте «Полярная звезда».

«Во время поездки императрица жаловалась, что у нее нет друзей вне семьи... что она чувствует себя чужой...» – говорила Вырубова на допросе. Она сразу поняла свою царственную подругу – в своих воспоминаниях наблюдательная Аня точно опишет цельную, властную натуру одинокой Аликс.

Впрочем, наблюдательной она покажет себя только в своей книге... А во дворце у нее была другая роль, единственно возможная при характере Аликс: добрая, простодушная, преданная девочка, глядящая в рот императрице, восторженно поклонявшаяся ее уму, ее религиозности. Так Аня появилась в Царской Семье. И случилось это накануне прихода во дворец Распутина.

И уже вскоре царь запишет об Ане в дневнике: «1906 год. 9 января... завтракали Сергеем, А. А. Танеевым». «4 февраля. Завтракала А. А. Танеева»... Молоденькая фрейлина стремительно становится действующим лицом царского дневника и всей жизни Семьи. И отодвигает от сердца царицы черногорских принцесс... При этом мудрая Аня ходит во дворец Милицы – прилежно учится мистике, которой так интересуется царица.

В 1907 году Аня выходит замуж, точнее – вынуждена выйти замуж. Слишком опасны слухи вокруг тесной дружбы Ани и царицы – двор ревниво отнесся к новой фаворитке.

Банкир Филиппов, находившийся в центре петербургской жизни, показал в «Том Деле»: «Дружба Вырубовой с Государыней... некоторыми из придворных сфер... объяснялась близостью на почве сексуальной психопатологии». О «неестественной дружбе» царицы и Ани не раз напишет со слов придворных в своем дневнике и генералыша Богданович.

Чтобы покончить со слухами, преданная Аня решила принести себя в жертву – выйти замуж за незаметного лейтенанта Вырубова. Скромный морской офицер, правда, владел обширным поместьем...

Из дневника Николая: «1907 год. 4 февраля... Анна Танеева представила своего будущего мужа Вырубова».

Став замужней женщиной, она перестает быть фрейлиной – двор может успокоиться... «Бедная императрица рыдает, как московская купчиха, выдающая дочь замуж», – насмешливо писал Витте в своих мемуарах.

Конечно же царица просит ее поговорить с «провидцем» о грядущем браке. И «простодушная» Аня, сразу оценившая роль мужика во дворце (то, чего не поняла умная Милица), отправляется знакомиться с «отцом Григорием». Она принесет во дворец то, что так хочет услышать Аликс, – самые восторженные впечатления.

Замужество не изменило ни жизни, ни положения Ани.

Из показаний Вырубовой: «В 1907 году я вышла замуж за лейтенанта Александра Васильевича Вырубова, и по возвращении из свадебного путешествия мы сняли дачу сначала в Петергофе, затем в Царском (там находилась Семья. – Э.Р.)... Мой муж был зачислен в походную канцелярию (при царе. – Э.Р.), и в том же году мы сопровождали царскую семью на море». Подруги не расстанутся ни на день – для того Вырубов и зачислен в канцелярию.

В то время ее увидела певица А. Беллинг. «Я познакомилась с ней на музыкальном вечере... Она тогда только что вышла замуж *и была счастлива*... Муж ее, круглолицый брюнет, моряк, не отходил от нее и смотрел ей в глаза. Она без конца смеялась и, казалось, радовалась жизни... «Это ужасно смешно! – говорила она мне. – Вы вышли замуж девятого, а я одиннадцатого». И заливалась заразительным смехом... Но несмотря на ее веселость, ласковый голос, милую улыбку и добрые глаза, не чувствовалось в ней искренности и чего-то такого, что... располагало бы к доверчивости... Однажды вечером, когда я пела... а Вырубова сидела, прикрыв лицо руками и слушала... вошли и доложили, что Анну Александровну «просят». Она заволновалась и заторопилась. Через несколько мгновений она появилась на пороге гостиной в великолепном белом боа на шее, что ее делало очень эффектной, и с пышным букетом алых роз, который она передала мне, горячо поблагодарив, обняв и, как бы страдая, прижавшись к моей голове своею».

Итак, все было – и свадебное путешествие, и счастье, и «смотревший ей в глаза» муж. Но...

«Прожив с мужем полтора года, – показала Вырубова в Чрезвычайной комиссии, – я развелась, так как он, оказалось, страдает психической болезнью... Он уехал в Швейцарию, я забыла, в какой город... в лечебницу; потом мы развелись, так что я его с тех пор не видела».

Следователь Руднев сочувственно вспоминал: «По словам матери Вырубовой, муж ее дочери оказался полным импотентом, при этом с крайне извращенной половой психикой, выражавшейся в различных проявлениях садизма, чем причинял ей нравственные страдания и вызывал чувство полного отвращения».

Но как же – «была счастлива»? Как она могла полтора года жить с садистом и скрывать такую муку? А может быть, Вырубов все же не был законченным психопатом, сгинувшим в швейцарской клинике?

Именно так: бывший супруг Ани обзавелся новой семьей и с 1913 по 1917 год спокойно жил в своем поместье, пользовался уважением соседей и даже был избран уездным предводителем дворянства. Так что понятно, почему двор весьма недоверчиво отнесся к причинам развода и с еще большим упорством заговорил на прежнюю тему.

И все та же генеральша Богданович записывала в дневнике: «2 февраля 1908 года. Рассказывал Зилотти (помощник начальника Главного морского штаба. – Э.Р.), что всех поражает странная дружба молодой царицы с ее бывшей фрейлиной Танеевой, которая вышла замуж за Вырубова... Когда во время поездки в шхеры лодка наткнулась на камень, эту ночь царская семья проводила на яхте... Царь спал в рубке один, а в свою каюту царица взяла Вырубову и на одной с ней постели спала...»

И далее Богданович излагает причину развода Вырубовой со слов княгини Долли Кочубей – урожденной герцогини Лейхтенбергской, родственницы Романовых: «*Неестественная дружба* существует между царицей и Танеевой... и что будто муж этой Танеевой... Вырубов нашел у нее письма от царицы, которые наводят на печальные размышления...» Генеральша будет часто возвращаться к этой теме: «6 февраля 1909 года... У молодой царицы сильная неврастения... это приписывают ее *аномальной* дружбе с Вырубовой. Что-то неладное творится в Царском Селе...»

А может быть, Вырубова действительно питала отвращение к мужчинам? И была по-своему счастлива в браке именно потому, что муж-импотент к ней не прикасался? А когда он попытался преодолеть себя и «направить стрелу в цель», это и показалось ей «проявлением садизма»? Не из-за того ли несчастный лейтенант Вырубов начал «страдать психической болезнью»? Если предположение верно, становится понятным, почему и дальше в жизни красивой молодой женщины не будет ни одного мужчины, почему и в 1917 году она оставалась девственницей – через десять лет после развода с Вырубовым! В ее жизни будет множество флиртов, но – *демонстративных* флиртов, которые станут частью ее игр.

Я много думал о ее отношениях с Аликс и в книге о Николае II сделал первую попытку их объяснить. В основе дружбы Вырубовой с царицей лежало тайное чувство, глубоко скрытое и подавленное. Оно и притягивало несчастную Аликс, и пугало ее... Но зная религиозность и чистоту царицы, Аня скрывала это чувство и придумала восхитительную игру, которая вначале еще больше привязала к ней подругу...

Тайники души

В «Том Деле» я нашел удивительные показания служанки Вырубовой Феодосии Войно: «В царя Вырубова была влюблена, но пользовалась ли взаимностью, не знаю. Она получала от царя письма, и одно такое письмо было перехвачено царицей. И тогда между Вырубовой и царицей произошла ссора, которая, впрочем, скоро прекратилась. Вырубова сама предупредила меня и горничную, что у нее в несгораемом шкафу лежат письма царя, и если она внезапно умрет, то эти письма нужно возратить царю».

Это могло бы показаться выдумкой, если бы не существовали письма самой царицы. Всю Первую мировую войну Аликс и Ники писали друг другу, их письма стали прекраснейшей повестью о прекраснейшей любви.

Но были в них и загадочные строки. Например, в одном из своих посланий Аликс делает такую приписку: «Милый! Ведь ты сжигаешь *ее* письма, чтобы они никогда не попали в чужие руки?» В другом месте: «Если мы теперь не будем оба тверды, у нас будут любовные сцены и скандалы, как в Крыму... Когда ты вернешься, она будет рассказывать, как страшно страдала без тебя... Будь мил, но тверд. Ее всегда надо обливать холодной водой». Оказывается, некая «она» смела устраивать сцены, скандалы и преследовать своими письмами царя?! И Аликс, не жалея слов, клеймит ее: «Она груба, в ней нет ничего женственного», называет ее «коровой»!

«Она», «Корова» – это... Аня!

Аня понимала, как опасны слухи о сексуальной подоплеке ее любви к Государыне. И придумала отвлекающую игру в подавленную, чистую и безнадежную любовь к Ники – игру, которая успокоила царицу. Так воспитанницы Института благородных девиц, боготворя старшую подругу, одновременно пылко влюблялись в ее избранника.

Нет, нет, конечно же Аня и не думает тягаться с Государыней.

Она лишь разрешает себе умирать от безответной любви. Она даже устраивает сцены, но смешные, наивные. Царь должен успокаивать влюбленную Аню письмами, а царица – жалостью. Роль Ани – безопасная «третья», создающая некое чувственное напряжение, поддерживающая огонь великой любви Ники и Аликс.

Да, она была лукава, скрытна, хитра, умна – опасная женщина, посвятившая себя двум страстям. Витте писал: «За Аней Вырубовой все близкие царедворцы ухаживают... Аня устраивает им различные милости и влияет на приближение к Государю тех или иных политических деятелей».

Первая ее страсть – власть, которая сразу пришла к молоденькой фрейлине. Аня – незримая повелительница самого блестящего двора в Европе.

Другая страсть – скрытая навечно – это Аликс. Эта тайная страсть соединялась с тем страшным, плотским, что незримо приходило в Семью вместе с Распутиным. И хотя во дворце он оборачивался святым, царица не могла не чувствовать незримое поле его похоти, его разнузданную силу. И страстные мечты Аликс в письмах к Николаю – это уже не смиренная супружеская любовь, но иступленный плотский зов.

В своих воспоминаниях Вырубова пишет, что после развода она «еще теснее вошла в царскую семью». Она поселилась в Царском Селе рядом с дворцом, в маленьком домике. Теперь подруги были неразлучны.

Из дневника великой княгини Ксении: «7 сентября 1908 года... Поехали повидать Ники и Аликс... Аликс была в саду с Ольгой, Татьяной и *неизменной* Вырубовой».

Могущественная пара

Всех, кто был в то время приближен к Семье, царица знакомит с таинственным «старцем».

Из показаний Николая Павловича Саблина, капитана первого ранга, старшего офицера императорской яхты «Штандарт», одного из самых близких к царю и царице людей (в их переписке он часто встречается под инициалами Н.П.): «Кажется, в 1908 году во время плаванья на «Штандарте» Государыня... сказала, что есть люди, которые вследствие аскетического образа жизни имеют особую силу, и заявила, что есть такой человек, а именно Распутин, и предложила мне с ним познакомиться».

Так что не стоит верить рассказу Ани, будто следующая их встреча с Распутиным произошла случайно...

Из показаний Вырубовой: «Следующая встреча с Распутиным произошла через год в поезде, когда я ехала в Царское. Туда же к каким-то своим знакомым с какой-то дамой ехал Распутин... Я очень ему обрадовалась и сказала, что хотела бы поговорить о своей несчастной жизни. Распутин дал свой адрес: «Греческий проспект, у Лохтиных»... У Лохтиной я встретила с Распутиным в гостинице. Ольга Лохтина была тогда... еще очень милой светской дамой и не отличалась эксцентричностью, которая развилась у нее потом».

Думается, все было проще: царица захотела дружбы самых дорогих людей. И Аня отправилась к генеральше – в тогдашнюю штаб-квартиру Распутина. Об этом рассказывает в «Том Деле» и сама Лохтина: «С Вырубовой я познакомилась... еще когда не разошлась с семьей. В первый раз она приехала ко мне узнать, когда приедет в Петроград отец Григорий».

Аня знала: каждый, кто хочет быть любимым царицей, должен любить «Божьего человека», постигать и славить его силу. И она тотчас ее ощутила. Она никогда не притворялась, не носила маски – просто очередная маска немедля становилась ее лицом. Аня сразу становится самой верной, восторженной, фанатичной поклонницей Распутина. Она поняла и начала играть свою новую, важнейшую роль.

Видимо, тогда же она и создала версию о том, что прозорливый «старец» с самого начала предсказал ей несчастье в браке – а она не послушала и была наказана. Она искренне хотела, чтобы на счету у «отца Григория» было как можно больше чудес, чтобы как можно чаще они с Аликс могли восторгаться этими чудесами. Однако через много лет в своих воспоминаниях она будет холодно и умно разбирать ошибки Царской Семьи в отношениях с Распутиным. Но это потом, когда потребуется быть старой и мудрой. А тогда требовалось быть юной и верящей. И она верила мужику – всем существом.

Лохтина сразу уступила Ане роль главной поклонницы «старца». Поняла: та будет полезней «отцу Григорию». Илиодор писал: «Лохтина смирилась с таким поворотом в своей судьбе».

После разрыва с Николаевичами Царская Семья остается в одиночестве. Друзья детства Ники, великие князья Сергей и Александр Михайловичи, давно отдалились. Только Константин Константинович и его жена – желанные гости в Царском. Цитаты из стихов великого князя Аликс заносит в тетрадь наряду с любимыми изречениями. Впрочем, скоро в ее тетрадях будут записи мыслей только одного человека – полуграмотного мужика Григория Распутина. И только двое будут разделять одиночество Царской Семьи – «отец Григорий» и поклонявшаяся ему Подруга.

С падением черногорок Аня унаследовала и важнейшую роль Милицы. Аликс не смеет открыто принимать «старца» – уже пошли при дворе темные слухи о странном мужике во дворце. Но царица не может открыть, что Распутин лечит ее ребенка. Болезнь наследника по-прежнему остается тайной.

И теперь Царская Семья встречается с «отцом Григорием» в маленьком домике Ани. В архиве Чрезвычайной комиссии остались записки Ани к дворцовому коменданту В. Воейкову: «Дорогой Вл<адимир> Ник<олаевич>... старец прибыл на 2 дня, и Их Величества желают его видеть сегодня. Они думают – *лучше у меня*».

Из дневника царя: «6 ноября 1908 года... Мы заехали к Анне... видели Григория и долго говорили с ним...»

«27 декабря 1908 года... Мы пошли к Ане, где видели Григория.

Мы втроем освятили ее рождественскую елку, это было очень приятно...»

Но иногда Распутина приходится приводить во дворец – лечить «Маленького». И опять помогает умная Подруга. Это она выработала целую церемонию тайной доставки мужика во дворец.

«Отец Григорий» будто бы навещал няньку царских детей Марию Вишнякову. Это давало возможность избегать записей в камер-фурьерском журнале, фиксировавшем все посещения «царей». «Он заходил к няньке Марии Вишняковой, очень нервной особе и в то

время горячей почитательнице Распутина», – глухо говорит Подруга в своих показаниях. И уже от няньки его проводили в царские апартаменты.

Как все это происходило, рассказала в «Том Деле» фрейлина Софья Тютчева – внучка великого поэта и воспитательница царских детей.

«Зимой 1908 года великая княжна Татьяна хворала. Пока ее комнаты проветривались, она лежала в комнате Вишняковой, а я с другими великими княжнами находилась в классной комнате... Обернувшись в полутемном коридоре, увидела фигуру мужика в поддевке. Я сразу догадалась, что это Распутин... Я спросила, что ему здесь нужно. Он ответил, что ему нужно к Марии Ивановне Вишняковой. Я заметила ему, что она занята и сюда входить нельзя. Распутин молча удалился... Я пошла к Вишняковой, укладывавшей в это время наследника... и сказала, что ее искал Распутин... «Ах, уж эта мне Анна Александровна!» – сказала Вишнякова... На следующий день Вишнякова при встрече сказала мне: «Уж и досталось мне за вас от Анны Александровны»... И пояснила, что Вырубова просила ее никогда не говорить о Распутине со мной, так как я не верю в его святость. На другой день Вырубова обедала у меня, и из чувства дружбы я высказала ей свой взгляд на Распутина. К моему крайнему изумлению Вырубова вдруг спросила: «А кто такой Распутин?»

Тютчева была изумлена, потому что верила в простодушие, наивность молоденькой Ани. Она не знала, какие бездны таились в этой «простой душе»...

Единственный

Распутин понимал, что ненавидящие его «черные женщины» попытаются использовать против него последнее грозное оружие – Иоанна Кронштадтского. И ждал, и готовился. «Распутин необыкновенно искусно оговаривал... Распутин... отзывался об отце Иоанне Кронштадтском... что последний – святой, но неопытен и без рассуждения, как дитя... Так впоследствии стало уменьшаться влияние отца Иоанна при дворе», – показал Феофан в «Том Деле».

Но мужику повезло: в конце 1908 года отец Иоанн умер. Он был последним человеком, который мог стать преградой влиянию Распутина.

Теперь «отец Григорий» стал единственным.

Из показаний Вырубовой: «И бывший царь, и царица... очень уважали священника Иоанна Кронштадтского. После его смерти Распутин занял его место. Во всех невзгодах жизни, во время частых заболеваний наследника престола, во время обострения сердечной болезни царицы... к Распутину обращались за поддержкой... и бывший царь, и бывшая царица просили его молитв».

И отбросив всякую осторожность, «цари» начинают принимать мужика во дворец.

Из дневника Николая: «4 февраля 1909... В 6 часов к нам приехали архимандрит Феофан и Григорий. Он видел тоже детей...»

«29 февраля... В 2 с половиной к нам приехал Григорий, которого приняли со всеми детьми. Было так хорошо слушать его всею семьей...»

«29 марта (Светлое Христово Воскресение)... После обеда я пошел гулять с Дмитрием. Был мороз и много снега». Погуляв с мальчиком – будущим убийцей Распутина – царь узнал, что во дворец приехал и сам «отец Григорий».

«После чая наверху в детской посидели с Григорием, который *неожиданно* приехал».

Никто не мог приехать *неожиданно* к «царям» – великим князьям приходилось добиваться аудиенции. Но Распутин – мог...

«26 апреля... От 6 до 7.30 видели... Григория... вечером еще немного посидел с Григорием в детской».

«15 августа... Вечером долго беседовали с Григорием». Впрочем, царица все чаще называет его «Наш Друг» – как когда-то звала Филиппа...

Слухи о мужике, странном наследнике умершего Филиппа, волновали большую Романовскую семью. 1 января 1910 года великая княгиня Ксения записала в дневнике: «Так грустно, жалко Ники и непонятно». Сестре царя действительно было непонятно, о чем можно часами беседовать с полуграмотным мужиком.

Но Ники и Аликс уже не могут без встреч с Распутиным. И не только потому, что в его присутствии их мальчик мгновенно выздоравливает. Мужик выделяется на фоне дворцовой суеты, интриг и сплетен. Он всегда рассказывает о людях только хорошее, даже о своих врагах.

Они любят слушать рассказы о его странствиях. В них оживают «другие» люди, лишенные ярма – чинов и денег. В них – Бог и природа: встающее над полем солнышко, ночлег в траве под открытым небом – все, о чем царь, так любящий долгие прогулки и простую жизнь, может только мечтать.

И еще: он ничего у «царей» не просил.

«Распутин в этот период своей жизни... нуждался в деньгах, и мне приходилось ссужать его небольшими суммами от 20 до 100 рублей, которые при случае он мне возвращал. Я спросил его: «Неужели ты, несмотря на свою близость к царице, нуждаешься?» Он ответил: «Скупа она... даст 100 рублей, а когда через неделю спросишь у нее опять, она напугает: «Ведь я дала тебе 100 рублей», – показал Филиппов в «Том Деле».

Мужик понял: ей трудно давать ему деньги. Бережливость, а точнее, скупость царицы вошла при дворе в поговорку. И он не просил. И... добился своего – они сами стали предлагать ему награды и деньги, а он отказывался. Знал, как благодарна ему царица за отказ...

Он был для «царей», пожалуй, единственным бескорыстным молитвенником перед престолом Всевышнего.

«Цари» на «исторических» балах надевали маскарадные наряды времен первых Романовых, и Аликс захотелось увидеть Распутина в дорогом «народном костюме». «Она была скупа и не давала деньги Распутину, дарила шелковые рубашки, пояса и золотой крест, который он носил», – вспоминала великая княгиня Ольга. И теперь, приезжая в Покровское, он с удовольствием щеголял в шелковых рубашках с малиновым поясом, в лакированных сапогах... Когда спрашивали, откуда сие великолепие, он рассказывал о «царях», которые любят его и ценят – пусть односельчане не забывают, кем стал Гришка, на которого они доносили церковным следователям.

«Григорий сказал, указывая мне на свою атласную сорочку:

– Эту сорочку шила мне Государыня. И еще у меня сорочки, шитые ею.

Я попросил показать мне их... Жена Григория принесла несколько сорочек. Я начал рассматривать их...

– Что, на память хочешь взять? – улыбаясь, спросил Григорий.

– Можно хоть одну или две?

– Возьми три!

И он отобрал для меня три сорочки: красную, белую чесучовую и белую дорогого полотна, вышитую по воротнику и рукавам», – вспоминал Илиодор.

Предсказание

Между тем революция становилась лишь ужасным воспоминанием. Наступал долгожданный покой. И для Аликс, так желавшей верить в чудеса нового «Нашего Друга», это была заслуга не премьера Столыпина, виселицами и военно-полевыми судами умирившего Россию, но чудесного «старца», умирившего ее своими молитвами.

Но если Николай в то время стал покойнее, ее по-прежнему мучили приступы неврастения, на первый взгляд беспричинные.

«Болит голова... болит сердце», «мое сердце обливается кровью от страха и ужаса», «когда голова у меня меньше болит, я выписываю изречения Нашего Друга, и время проходит быстрее», «я больна от печальных мыслей» – это из ее позднейших писем. Но тот же страх преследовал ее и в те годы. Постоянная тоска от ужасных предчувствий, постоянное раскаяние – ведь это ее проклятая наследственность губила любимого сына...

Только «Наш Друг» умел гасить ее нервозность речами о прощении и любви, о будущей Божьей награде за все страдания. Своими удивительными руками он снимал сводившие с ума мигрени. Он был так нужен измученной Аликс – не меньше, чем ее обреченному сыну.

Одно из ее писем Распутин покажет тогдашнему своему другу Илиодору. Она старалась писать простодушно, на понятном для мужика языке: «Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову свою склоняю на твои блаженные плечи. О, как легко мне тогда бывает...»

Чтобы ощущать себя в безопасности, ей необходимо было постоянно убеждаться в его особой силе. И потому Аликс и подыгрывающая ей Вырубова будут стараться каждый день увидеть хоть маленькое, но чудо, сотворенное им: он предсказал погоду, он угадал день возвращения Николая домой... Все это осталось в переписке царя и царицы.

Именно тогда Распутин произнес удивительную фразу: *«Покуда я жив, будет жить и династия»*. Об этом вспоминала его дочь: «Сам отец говорил в Царском Селе, что когда его не будет, тогда и двора не будет...» То же самое мы найдем и во множестве свидетельских показаний. «Установлено, – напишет следователь Руднев, – что он говорил Государю: «Моя смерть будет и твоей смертью».

Мужик знал: эти слова царицу не пугали. Наоборот – успокаивали. Ведь Распутин крепок, он должен прожить очень долго. Да и зачем Господу отнимать у «царей» своего посланца?

Но в 1910 году, когда наступил пик его успеха, когда стал он единственным, происходит таинственное: вокруг Распутина вдруг все начинает рушиться...

«Темные силы»

1910 год был ознаменован весьма немногими событиями, привлечшими внимание российских газет и обывателей.

В Петербурге состоялся первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством – этой воистину «русской болезнью». Вспоминали курьезы из древней истории: как «в одной битве пьяные воины портки потеряли». Обвиняли правительство – за то, что оно зарабатывает на этой вечной беде (после чего оскорбленные представители министерства финансов покинули съезд). Обвиняли сельских священников – за то, что они чрезмерно почитают слова святого князя Владимира: «Руси есть веселие пити» (после чего покинули съезд и представители духовенства).

В Государственной Думе произошел скандал. Известный монархист Марков-второй потребовал принятия новых постановлений против евреев. «Русский народ, – заявил он, – не желает стать рабом иудейского паразитного племени». Председательствующий князь Волконский попытался лишить его слова, Марков-второй назвал князя и протестующих думцев «жидовскими наемниками» и был голосованием исключен на 15 заседаний.

«Я рад расстаться с вами на 15 заседаний, жидовские прихлебатели», – заявил он, удаляясь.

На другом заседании один из вождей монархистов, Пуришкевич, сообщил, что левое движение в студенческой среде – это «евреи, а над ними профессора, среди коих тоже немало евреев, потому в университетах и воцарилась анархия». Заявление вызвало очередной думский скандал – с общей бранью и выкриками с мест. Председатель Думы «потерял контроль и выказал полную беспомощность», в результате чего был смещен.

Новым председателем был избран Александр Иванович Гучков. Газеты с удовольствием печатали его биографию. Не было ни одного опасного события в начале века, в котором не участвовал этот сын благополучного московского купца. Он защищал армян во время резни их турками, участвовал в англо-бурской войне (естественно, на стороне буров), а во время русско-японской войны попал в плен к японцам. В Думе прославился блестящими речами и... драками на заседаниях. Он даже умудрился вызвать на дуэль главу кадетской фракции профессора Петра Николаевича Милюкова!

Вступая в должность председателя Думы, Гучков произнес знаменитую речь, где впервые заговорил о *неких загадочных «темных силах», объявившихся в самых верхах общества...*

В Москве на Ходынском поле, печально прославившемся во время коронации Николая II, состоялись полеты авиаторов. Сергей Уточкин, «герой воздушного простора», сделал несколько кругов на биплане. Сзади на маленьком «велосипедном» сиденье для пассажира с трудом уместился московский вице-губернатор Джунковский. Участвовала в этих полетах и женщина-авиатор, черноокая красавица княгиня Шаховская, которая вскоре станет фанатичной поклонницей Распутина.

7 ноября состоялось, пожалуй, единственное историческое (печальное!) событие года. Вся Россия облеклась в траур – на станции Астапово умер Лев Толстой. Николай написал на докладе о его смерти: «Душевно сожалею о кончине великого писателя... Господь Бог да будет ему милостивым судьей».

В Москве, вдали от придворной суеты, жила Эллы – великая княгиня Елизавета Федоровна. После гибели мужа она ушла из мира и основала Марфо-Мариинскую обитель сестер милосердия. На могиле Сергея Александровича она написала: «Прости им, Господи, ибо не ведают что творят» и тщательно просила Николая простить убийцу великого князя.

В 1910 году в Марфо-Мариинской обители состоялось ее посвящение на служение Богу. На церемонию приехала родная сестра Эллы – Ирина Прусская. Но другой родной сестры – Государыни – не было. Ходили слухи, что ее отсутствие вызвано недоброжелательством Эллы к странному мужику, проникшему во дворец.

О самом мужике никто толком ничего не знал – были только глухая молва и легенды. И оттого он притягивал всеобщее внимание.

Хлысты-спасители

В то время Распутин становится воистину моден. Будоражили воображение его таинственная биография (преображение пропащего человека), дар творить исцеления и пророчествовать и, наконец, таинственный мир Царской Семьи, в который он был допущен. И левые, и правые получили в его лице подтверждение нашей главной идеи – «о драгоценных талантах простого русского человека».

Но еще одна причина его тогдашней популярности выглядит для нас нынче весьма неожиданно – это *слухи о его хлыстовстве*.

Когда-то в юности я разговаривал с другом нашей семьи Сергеем Митрофановичем Городецким. Он был тогда уже глубоким стариком, а во времена Распутина – популярнейшим молодым поэтом, автором знаменитой книги стихов «Ярь». И, усмехаясь в седые усы, Городецкий сказал очень странную фразу, которую я запомнил: «Распутин был в моде и чаровал, потому что был хлыст».

Понял я эту фразу лишь потом... Оказалось, что все знаменитые писатели Серебряного века так или иначе интересовались загадочной сектой хлыстов. Василий Розанов отправляется жить в хлыстовскую общину и пишет о ней. Тогдашние «властители дум» Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус живут в 1902 году в хлыстовской секте и пишут Александру Блоку: «Все, что мы там видели... невыразимо прекрасно». И вот уже Блок вместе с Алексеем Ремизовым (как сообщает жена Блока в письме к его матери) «пошли вместе на заседание хлыстов». О хлыстах пишут Константин Бальмонт и Андрей Белый. И известнейший в начале века крестьянский поэт Николай Клюев, создавая себе модную биографию, рассказывает, как странствовал с хлыстами. В 1908 году еще один известный наш литератор, Михаил Пришвин, пишет в записной книжке: «9 ноября... я вместе с Блоком, Ремизовым и Сологубом посетил хлыстовскую общину». И далее: «Многие очень искали сближения с хлыстами».

Почему так случилось?

Это было все то же ощущение Смуты, надвигавшейся на страну. Наш великий историк Ключевский предсказывал: «Династия не доживет до своей политической смерти... вымрет раньше... нет – перестанет быть нужной и будет прогнана. В этом ее счастье, и несчастье для России и ее народа... притом повторное – России еще раз грозит бесцарствие и смутное время».

Именно поэтому вожди интеллигенции на уже упоминавшихся религиозно-философских собраниях пытались найти общий язык с официальной церковью – но безуспешно. И тогда решено было обратиться к сектам. Они верили (хотели верить), что в сектах (и прежде всего в могущественнейшей из них – хлыстовской) простые люди выражают истинные религиозные и народные чаяния. «Хлыстовство, – писал Пришвин, – подземная река... Внутри самой православной церкви... возникает огромное царство хлыстов, неуловимых, неопределенных».

Так появилась идея: союз между интеллигенцией и «духовной частью» народа (сектантами) сможет воспрепятствовать надвигавшейся буре. Секты – как мост в народ... «Нам нужно по-новому, по-своему идти в народ... Несомненно, что-то везде, во всех... совершается, зреет, *и мы пойдем навстречу*. И... переход к народу будет проще, естественнее через сектантов», – размышлял Мережковский.

Впоследствии интеллигенция будет издеваться над «царями» за их веру в темного мужика. Но тогда, как это ни парадоксально, она поверила в то же самое – в темные секты.

Но для рядового обывателя «хлыст» оставался носителем мистического разврата, религиозным преступником.

Модный «старец»

Распутин продолжает жить у Лохтиных. Генеральша стала, по сути, его секретарем. В ее салоне он завоевывает себе новых и новых поклонников. Через Лохтиных с ним познакомился Георгий Петрович Сазонов – почтенный либерал, автор множества исследований по экономическим вопросам, издатель прогрессивных журналов, который стал фанатичным почитателем «отца Григория».

В 1917 году Сазонов, как и другие поклонники Распутина, был вызван в Чрезвычайную комиссию. В «Том Деле» остались его показания:

«Мы (семья Сазонова. – Э.Р.) старые знакомые семьи Лохтиных – инженера Владимира Михайловича Лохтина, его жены Ольги Владимировны и их дочери Людмилы... Ольга Владимировна позвонила к нам и сообщила, что Григорий Ефимович Распутин просит разрешения приехать к нам...»

Так началась эта дружба. Сазонов описывает Распутина: «Он производил впечатление человека нервного... не мог спокойно усидеть на месте, дергался, двигал руками... говорил отрывисто, по большей части бессвязно». Но «в глазах его светилась особая сила, которая и действовала на тех, кто... особо подвержен чужому влиянию».

В то время вокруг Распутина уже собрался кружок фанатичных почитательниц. «Женщины, окружавшие его, относились к нему с мистическим обожанием, называли «отцом», целовали руку». Но главное, что восхищало глубоко верующего Сазонова (как и его друга Лохтина), – это столь редкая в те годы «искренняя религиозность» Распутина. «Эта религиозность не была напускной, и Распутин не рисовался. Прислуга наша, когда Распутин, случалось, ночевал у нас... говорила, что по ночам Распутин не спит, а молится... Когда мы жили на даче, дети видели его в лесу, погруженного в молитву... Соседка генеральша, которая без отвращения не могла слышать его имя, не поленилась пойти за ребятишками в лес, и действительно, хотя прошел час, она увидела Распутина, погруженного в молитву».

В те годы (до 1913-го), как утверждает Сазонов, Распутин совсем не употребляет спиртного, не ест мяса, соблюдает все посты. «Этот период жизни Распутина я могу назвать периодом стяжания им известной духовной высоты, с которой он потом скатился».

Впоследствии восхищенный Сазонов пригласит «отца Григория» пожить у него – в огромной барской квартире. И мужик повторит свой опыт жизни у Лохтиных. Так будет написано в сводках секретного наблюдения: «В 1912 году он проживал... в квартире, занимаемой издателем журнала «Экономист России» Георгием Петровым Сазоновым и его женой. С последней Распутин, по-видимому, состоит в любовных отношениях».

Но, зная искреннюю религиозность Распутина, Сазонов никогда не смог бы в это поверить (как не мог в это поверить и муж Ольги Лохтиной). Ни Сазонов, ни Лохтин не понимали до конца этого загадочного человека.

И отношения Распутина с «царями» по-прежнему окружены тайной. В Петербурге он почти не рассказывает о своих встречах с Царской Семьей – он осторожен. Даже друг Сазонов мало что может об этом поведать, разве то, что мужик называет Государыню и Государя «мамой» и «папой» – ибо они и есть «родители, которых Господь поставил блюсти и заботиться о русской земле»... Распутин еще не начал пить, не стал словоохотлив. Лишь один

«сенсационный» рассказ Сазонова о нем отмечен в «Том Деле»: «С обожанием, по-видимому, относилась к нему царица... Он рассказывал мне следующий факт – он шел по петергофскому парку, а навстречу ехала царица... Завидев его, она приказала остановить лошадей, кинулась навстречу и в присутствии всех, бывших в парке, поцеловала у него руку».

История о целовании рук Распутину «царями» пошла по петербургским салонам и впоследствии не раз возникнет в допросах Чрезвычайной комиссии. Вырубова и другая подруга царицы, Юлия Ден, близко знавшие Распутина и Царскую Семью, будут это горячо отрицать... Им придется слукавить, ибо не могли они объяснить непосвященным, что смирение гордыни, которое проповедовал мужик, было близко и Алике, и Ники. Христос, омывающий ноги своим ученикам, и цари, целующие руку простого крестьянина, которая, по словам Распутина, «всех вас кормит», – все это было так понятно религиозной Царской Семье.

Впрочем, тогда, в 1910 году, у Распутина объявились поклонники еще занимательней – его преданным почитателем становится Владимир Бонч-Бруевич, «Бонч», как звали его друзья, – большой знаток русского сектантства, автор множества работ по церковному расколу и ересям. Но не этим он войдет в историю России. Исследователь ересей был активным членом подпольной партии большевиков, ближайшим сподвижником Ленина – и через каких-то семь лет станет одним из вождей советской России, управляющим делами Совнаркома.

Восторженный интерес большевика-подпольщика к Распутину понятен. В уже упомянутом докладе, который сделал Ленин на втором съезде РСДРП, был целый панегирик... секте хлыстов! Владимир Ильич объяснял: «С политической точки зрения хлысты потому заслуживают полного нашего внимания, что являются страстными ненавистниками всего, что только исходит от «начальства», т. е. правительства... Я убежден, что при тактичном сближении революционеров с хлыстами *мы можем приобрести там очень много друзей...*»

Эту часть доклада написал Ленину авторитетный специалист Бонч. И когда против Распутина начнутся гонения за хлыстовство, он тотчас заявит: «Распутин к секте хлыстов не принадлежит». Член одной тайной организации должен был защищать члена другой тайной организации. Должен был защищать возможных «друзей»...

Две семьи

В разгар увлечения мужиком среди его почитателей оказались члены некоей семьи, знакомство с которой принесет Распутину много радости и удач, но впоследствии погубит его.

В 1910 году дочь камергера Мария Головина впервые увидела Распутина. «Чистейшая девушка» (так говорил о ней ненавидевший Распутина князь Феликс Юсупов) сразу становится рабски преданной мужику. Писательница Жуковская описала «Муню» (так называли ее в «кружке» Распутина): «Молоденькая девушка... поглядывала на меня своими кроткими... бледно-голубыми глазами... В светло-сером платье, белой шапочке с фиалками она казалась такой маленькой и трогательной. В каждом взгляде и в каждом слове проглядывали беспредельная преданность и готовность полного подчинения».

Тетка Муни Ольга была героиней самого громкого скандала в Романовской семье. Она была замужем за генерал-майором Эриком Пистолькорсом, имела двоих детей, когда начался ее бурный роман с дядей царя, великим князем Павлом Александровичем. Роман окончился свадьбой, за что великий князь был отстранен от всех должностей и выслан за границу. Его сын от первого брака, малолетний Дмитрий, остался в России. Сначала он жил в семье Эллы и великого князя Сергея Александровича, а после его убийства перешел воспитываться в

Царскую Семью. В 1905 году Павел Александрович был прощен и с женой вернулся в Россию.

Так Муня и ее мать стали родственницами великого князя. Вскоре они стали и родственницами Вырубовой – ее родная сестра Александра (или Сана, как называли ее в семье) вышла замуж за сына Ольги, Александра Пистолькорса. «Сана... очень миловидная женщина с фарфоровым личиком... производила чарующее впечатление балованного ребенка-эгоиста», – вспоминала певица А. Беллинг.

И эту семью буквально расколол Распутин.

Муня, ее мать, двоюродный брат Александр Пистолькорс и его жена Сана стали фанатичными приверженцами мужика. Но тетка Ольга, ее дочь Марианна и сын Павла Александровича Дмитрий вскоре станут его злейшими врагами.

Впрочем, все это впереди... А пока шел 1910 год. И в том году, когда Муня Головина увидела Распутина, он был ей совершенно необходим. Муня была тогда на грани безумия.

В 1917 году Марию Головину вызвали на допрос в Чрезвычайную комиссию. Ее показаний ожидали там с великим нетерпением – ведь она входила в круг самых близких к Распутину людей. Кроме того, было много сплетен о ее роковой и безответной любви к убийце Распутина, князю Феликсу Юсупову, который будто бы использовал несчастную Муню при подготовке к убийству (эта версия войдет во многие книги о Распутине).

Любовь у Муни действительно была – и воистину роковая. Но... отнюдь не к Феликсу Юсупову. Однако предоставим слово самой Головиной – ее показания есть в «Том Деле»: «В 1910 году я потеряла человека, которым увлеклась, что неблагоприятно отразилось на моей нервной системе».

Этот человек и был причиной нежной дружбы, связавшей Марию с самой богатой семьей России – Юсуповыми.

До сих пор в Петербурге на набережной Мойки возвышается дворец, принадлежавший Юсуповым. В нем сейчас та же мебель, те же картины. Те же зеркала хранят отражения исчезнувшего семейства.

Родоначалником Юсуповых был племянник пророка Магомета. Их предки правили в Египте, Сирии, Антиохии. В роду Юсуповых были полководцы Тамерлана и татарские завоеватели Древней Руси. Они возглавляли распавшиеся части Великой татарской орды – правили в Казанском ханстве, в Крымской и Ногайской орде. Повелитель ногайцев хан Юсуф и дал свое имя роду. Удивительна судьба его дочери, красавицы Сумбеки. Ее мужья, ногайские ханы, гибли один за другим в междоусобной резне, но она оставалась царицей, выходя замуж за... убийцу предыдущего мужа. Именно тогда хан Юсуф, опасаясь за жизнь сыновей, отправил их в Россию. Царь Иван Грозный принял их благосклонно и наградил обширнейшими землями. Их дети приняли православие и получили титул князей Юсуповых.

С тех пор Юсуповы занимали важнейшие должности при русских Государях, порой были особо к ним приближены. Во дворце прадеда Феликса, Николая Юсупова, висели бесчисленные портреты его любовниц. И был один двойной портрет в этой амурной галерее – самого Юсупова и Екатерины Великой, изображенных в облике весьма обнаженных античных богов...

За три века Юсуповы стали богатейшей семьей России. Их поместье в Крыму соседствовало с дворцами царя и великих князей. И Царская Семья нередко гостила у Юсуповых.

Мать Феликса Зинаида, одна из красивейших женщин в России, была последней в роду Юсуповых. Отвергнув множество предложений, она вышла замуж за адъютанта великого князя Сергея Александровича, командира кавалергардов графа Феликса Сумарокова-Эль-

стона. После женитьбы он получил право именоваться – князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон.

У Зинаиды и Феликса родилось двое сыновей: старший – Николай и младший – Феликс. И оба сыграют роковую роль в судьбе русского мужика Распутина.

История любви и смерти

Свою жизнь Феликс Феликсович Юсупов описал уже в эмиграции, в Париже. Еще подростком он начал свое путешествие в порок – на самый край грешной петербургской ночи. Все началось с истории, похожей на юношеский порочный сон: некая молодая пара пригласила похожего на нимфетку мальчика участвовать в своих сексуальных играх... Далее его «воспитывал» старший брат Николай – красавец, кумир семьи, которому Феликс поклонялся и завидовал. Петербургский донжуан продолжил опасные игры с подростком – стал переодевать Феликса в женское платье и вывозить в великосветские притоны.

Петербургская ночная жизнь была похожа на пир во время чумы, где все старались дойти до самого дна. Опиум, кокаин, ночь, превращенная в день, и день, превращенный в ночь... Разгул шел под аккомпанемент цыганских хоров в отдельных кабинетах знаменитых ресторанов. Тогда юный Феликс и испытал странное чувство – радость соблазна женской одежды, восторг от похотливых взглядов мужчин... Так он познал свою природу.

«Я всегда возмущался людской несправедливости к тем, кто завязывает особые любовные связи, – писал он. – Можно осуждать эти отношения, но не тех существ, для которых нормальные отношения, противоречащие их природе, остаются запретными».

И стариком он будет вспоминать о победах «прелестной нимфетки». Как на костюмированном балу неотрывно смотрел на «нее» в лорнет английский король Эдуард VII... С каким восторгом и страхом бежала «она» из ресторана от обезумевших поклонников... Бросив роскошную шубу, в одном бальном платье, усыпанном бриллиантами, – по жестокому морозу в открытых санях спаслась тогда «красотка»...

А потом брат Николай соблазнил очередную петербургскую красавицу – графиню Гейден. Но на сей раз он влюбился – что не положено донжуану. Еще недавно в Париже он искал острых ощущений в грязной китайской курильне опиума на Монмартре, возил туда и Феликса... И все разом ушло в прошлое, безумная любовь совершенно изменила жизнь Николая.

Марина Гейден была женой кавалергарда графа Мантейфеля. Но несчастная женщина, забыв мужа и честь, приехала в Париж и проводила ночи в отеле, где жили Николай и Феликс. Мантейфель потребовал развода. Но его товарищи по службе считали по-другому: затронута честь кавалергардов, и граф обязан вызвать обидчика на дуэль.

В Историческом музее я читал последние письма героев этой истории – финал трагедии.

«Я умоляю Вас, – писала Марина Феликсу, – чтобы Николай не приехал теперь в Петербург... Полк будет подбивать на дуэль, и кончится очень плохо... ради Бога, устройте так, чтобы Ваш брат не появлялся в Петербурге... Тогда злые языки успокоятся, и к осени все уляжется».

Но Николай конечно же не согласился стать трусом – вернулся в Петербург. Если бы Феликс все рассказал властной матери, дуэлянтам не дали бы стреляться. Но Феликс... не рассказал. Сыграли роль понятия о чести? Или...

В его воспоминаниях есть странная запись: «Я... представлял себя предком... великим меценатом царствования Екатерины... Лежа на подушках, шитых золотом... я царил среди рабов... *Мысль стать одним из богатейших людей России пьянила меня...*» Но при

жизни Николая он не мог стать «великим меценатом», ибо главным наследником юсуповских богатств был старший брат. Неужели «мысль стать одним из богатейших людей России» не только «пьянила», но и опьянила? И Феликс бессознательно последовал примеру своих ногойских предков, убивавших братьев и отцов в борьбе за власть? И оттого не сказал матери о готовящейся дуэли?..

Но все это только ужасные предположения. То, что было на самом деле, навсегда исчезло во времени.

Николай не сомневался в своей гибели. Он писал Марине в ночь перед дуэлью: «Последней моею мыслью была мысль о тебе... Мы встретились с тобою на наше несчастье и погубили друг друга... Через два часа приедут секунденты... Прощай навсегда, я люблю тебя».

Наступило утро 22 июня 1908 года... Дуэлянты стрелялись с тридцати шагов. Николай выстрелил в воздух. Мантейфель промахнулся и потребовал сократить дистанцию до пятнадцати шагов. И опять Николай выстрелил в воздух – не мог он губить оскорбленного им человека. И тогда граф прицелился и хладнокровно застрелил его.

Последнее письмо Николая осталось в юсуповском архиве, Марине его не передали. Осталось там же и ее письмо к Феликсу – тщетная мольба: «Феликс, я должна приложиться к его гробу... я должна видеть его гроб, помолиться на нем. Вы должны понять это, Феликс, и помочь мне. Устройте это как-нибудь ночью, когда все будут у Вас спать! Помогите мне пробраться в церковь, сделайте это для меня, сделайте это для Вашего брата!» Но он не сделал...

Зинаида Юсупова лежала в то время в горячке, приступы безумия будут мучить ее до смерти. А Феликс уже вскоре осматривал свои будущие владения. «Я всерьез воображал себя молодым государем, объезжающим страну», – вспоминал он.

Нелюбимая

Но оказалось, была еще одна жертва дуэли, еще одна женщина – на сей раз нелюбимая, но любившая. И навсегда сохранившая любовь к Николаю, воистину безответную, о которой тот при жизни даже не подозревал. Это была Муня Головина. В своем архиве Феликс сохранил и ее письмо. Она тоже хотела «припасть к гробу»: «Мне хотелось еще раз помолиться около него. Сегодня прошло две недели этого страшного горя, но оно все растет, не уменьшается, хуже делается на душе с каждым днем».

Погибший Николай связал ее с Феликсом. Навсегда.

«Я так дорожу моей духовной связью с прошлым, что не могу смотреть на Вас, как на чужого... *Я никогда так ясно не сознавала, как сейчас, что вся радость жизни ушла навсегда, что ничто и никогда ее не вернет...*»

Она решила уйти в монастырь. Мать была в ужасе. Спасительницей выступила ее родственница «с фарфоровым личиком» – Александра Пистолькорс.

Из показаний Марии Головиной в «Том Деле»: «Жена моего двоюродного брата Александра Пистолькорс была знакома со старцем Григорием Ефимовичем Распутиным, которого в это время считали святым человеком... который может утешить в горе... В первый раз отца Григория я увидела всего на несколько минут, и он произвел на меня прекрасное впечатление. Разговор шел о том, что я хотела уйти от мира в монастырь... Распутин мне заметил на это, что Богу можно служить везде, что жизнь так круто менять не следует».

Муня сразу поверила ему – отказалась от монастыря.

Она занялась спиритизмом, пыталась говорить с убитым Николаем. «В это время я... делала опыты по вызыванию духов... Я была крайне удивлена, когда... отец Григорий спросил меня:

«Зачем ты все это?.. Ты знаешь, как готовятся пустыnnики, чтобы иметь наитие духа? Как ты среди светской жизни хочешь достичь общения с духом?»... Он посоветовал мне этим не заниматься, предостерегая, что я могу сойти с ума... Распутин понравился и моей матери. Она была благодарна ему за то, что он отговорил меня идти в монастырь... Я виделась с ним еще несколько раз в течение 10–14 дней у Пистолькорс... Вина Распутин раньше *не пил совсем*... проповедовал простоту в жизни, боролся с этикетом и убеждал, чтобы люди не осуждали друг друга... Распутин никогда не питал злобы к людям, которые причинили ему тот или иной вред».

И она решила познакомить «отца Григория» с «самым дорогим для нее после матери человеком» – с Феликсом... «Эта девушка была слишком чиста, чтобы понимать низость этого «святого», – напишет Юсупов впоследствии.

Встреча состоялась.

«Дом Головиных, – вспоминал Феликс, – находился на Зимней канавке. Когда я вошел в салон, мать и дочь сидели с торжественным видом людей, ожидающих прибытия чудотворной иконы... Распутин вошел и попытался меня обнять, но я выскользнул... Подойдя к мадемуазель Г<оловиной> и ее матери, он без церемоний обнял их и прижал к сердцу... Он был среднего роста, почти худой, его руки были непропорциональной длины... На вид ему было лет 40. Одетый в поддевку, широкие сапоги он выглядел простым крестьянином. Его лицо, обрамленное косматой бородой, было грубым – тяжелые черты, длинный нос, маленькие прозрачные серые глазки из-под густых бровей...»

Феликс уже ненавидел его, когда они впервые увиделись, ибо тогда со всех сторон вдруг понеслись слухи о похождениях Распутина. И Зинаида Юсупова, и ее близкая подруга, великая княгиня Елизавета Федоровна, с ужасом выслушивали рассказы о развратном мужике, принятом в царском дворце.

Несостоявшийся вождь антисемитов

К 1910 году вокруг Распутина сложился особый круг...

Внутри государства, где издревле существует автократия, существует и негласный союз крайне правых сил со спецслужбами. Крайне правыми в России тогда были представители самой родовитой, но, увы, вырождающейся аристократии. Они ненавидели поднимающийся капитализм, власть денег, приходившую на смену власти происхождения – их власти.

Ненавидели они и евреев, среди которых, несмотря на все их бесправие, было много «новых богачей». Впрочем, еще больше евреев было среди пламенных фанатиков революции. Нищета и унижения превратили запуганных еврейских юношей в бесстрашных бомбометателей и террористов.

Желая ослабить радикальное движение, правые пытались направить ярость голодных толп против евреев. С благословения департамента полиции по стране прокатилась волна еврейских погромов. Пух вспоротых перин, разграбленные дома, убитые старики, изнасилованные женщины... Премьер Витте, с одобрения царя, поручил полиции усмирить погромщиков. И она усмиряла... Каково же было удивление Витте, когда он узнал, что департамент полиции, который должен был бороться с погромами, тайно печатал прокламации... призывавшие к погромам!

Печатал их Михаил Комиссаров, высокий тучный 35-летний полковник, который с 1915 года станет одним из важных действующих лиц в распутинской истории. Комиссаров не был антисемитом – он был всего лишь служакой, выполнявшим чужую волю.

В то же время к уже упоминавшемуся религиозному писателю Сергею Нилусу попадают некие документы под названием «Протоколы сионских мудрецов». В них рассказывалось о зловещем заговоре евреев и масонов с целью уничтожения христианских монархий и основания «еврейского царства».

«Протоколы» были немедленно опубликованы потрясенным Нилусом. По велению царя новый премьер-министр Столыпин приказал произвести расследование. Выяснилось, что «Протоколы» – фальшивка, сфабрикованная российской тайной полицией. За образец была взята другая фальшивка, созданная уже на Западе, – «Завещание Петра Великого», тайный план захвата русскими Европы.

И после разгрома первой революции волна антисемитизма не спадает. Погромные организации – «Союз русского народа», «Союз Михаила-архангела» – набирают силу. В Думе монархисты Пуришкевич и Марков-второй постоянно произносят речи, пронизанные юдофобией. Грядущее трехсотлетие династии подогревает атмосферу...

И Распутин, простой мужик, которого полюбил царь, был будто создан для того, чтобы возглавить крестовый поход правых против евреев и интеллигенции.

Воспитатель Сталина

Именно тогда возле Распутина появляется знакомец Феофана, Саратовский епископ Гермоген. Но если Феофан – мистик, аскет и отшельник, то Гермоген – всецело погружен в церковную политику.

Во время революции 1905 года встал вопрос о восстановлении патриаршества – созыве церковного Собора для избрания патриарха. Царь передал решение на рассмотрение Святейшего Синода, и обер-прокурор Победоносцев тотчас провалил идею патриаршества, пугая царя тем, что церковь выйдет из подчинения самодержцу. Гермоген же считал, что революция доказала слабость светской власти, поэтому государству необходим второй духовный центр, который, в случае повторения беспорядков, сможет спасти державу от гибели.

Таким центром Гермоген справедливо считал патриаршество. Патриархом он видел самого себя. Ведь недаром носил он имя великого патриарха Гермогена, спасшего Русь в страшное Смутное время! Видел он в этом Божий знак, верил, что предназначен защитить страну от надвигавшегося кровавого хаоса – ибо, несмотря на усмирение революции, старцы в монастырях продолжали предекать грядущую Смуту...

Из показаний доктора Бадмаева Чрезвычайной комиссии: «Как-то я был у Гермогена и увидел, что Митя (предшественник Распутина, «гугнивый» Митя Козельский. – Э.Р.) стал выделывать руками какие-то выкрутасы. Гермоген улыбался. Я спросил, что это значит. Кто-то из присутствующих сказал: «Это он видит на голове Гермогена патриаршую митру».

Гермоген фанатично боролся с вольнодумством, разрушавшим, по его убеждению, Святую Русь, ратовал за жесткое вмешательство церкви в духовную жизнь страны. Непрестанно требовал Гермоген отлучения от церкви Льва Толстого.

В этой борьбе случился однажды эпизод, на который сам Гермоген вряд ли обратил внимание. Будучи ректором Тифлисской Духовной семинарии, он беспощадно карал вос-

питанников за «революционный дух», и в 1899 году изгнал из семинарии некоего Иосифа Джугашвили...

Именно Иосиф Сталин восстановит впоследствии столь желанное Гермогену патриаршество. История любит улыбаться.

Из показаний Гермогена: «Познакомил меня с Распутиным отец Феофан, который отзывался о нем в самых восторженных выражениях, как о выдающемся подвижнике». Мужик очень понравился епископу. Гермоген мечтал тогда при помощи «брата Григория» внушить царю желанную мысль о восстановлении патриаршества.

А пока Распутин должен был участвовать в его неустанном обличении вольнодумства. Епископ познакомил «брата Григория» и с другим неукротимым обличителем – молодым монахом, которому за неистовые речи прочили славу русского Савонаролы.

Русский Савонарола

В 22 года Сергей Труфанов, сын дьячка, принял монашество под именем Илиодора. В 1905 году, в разгар революции, окончил Петербургскую Духовную академию (кстати, именно там он впервые увидел приехавшего в столицу Распутина). В феврале 1908 года иеромонах Илиодор был назначен в Царицын миссионером-проповедником. Там он построил большой храм и начал произносить пылкие проповеди перед толпами почитателей.

Огромный, мордатый, скуластый, с маленькими глазками Илиодор напоминал скорее волжского разбойника, чем благочестивого священника. Но Гермоген любовался грубым обличьем монаха-воина. И воистину вел Илиодор в новом храме непрерывную войну. Громил «жидов и интеллигентов, богатеев и чиновников, скрывающих от царя народные нужды». Громил ненавистный русский капитализм. Губернатора Татищева оскорбил и заставил уйти в отставку. Последователи Илиодора клеили на домах его яростные листовки: «Братцы! Не сдавайте Руси врагу лютому! Мощной грудью кликните: «Прочь жидовское царство! Долой красные знамена! Долой красную жидовскую свободу! Долой красное жидовское равенство и братство! Да здравствует один на Руси батюшка-царь наш православный, царь самодержавный!»

Илиодор познакомился с Распутиным в Петербурге, когда «старец» жил на квартире у Лохтиной. Безумная генеральша пришла в бурный восторг от нового знакомца, «отца Григория». С тех пор она служила им двоим – Распутину и Илиодору.

В «Том Деле» Лохтина рассказывает о встрече двух пастырей: «С иеромонахом Илиодором я познакомилась в 1908 или 1909 году... Он, прибыв в Петроград, остановился у Феофана в Духовной академии. По поручению Распутина я зашла к Феофану и пригласила Илиодора к Распутину, который остановился в это время у меня... Илиодор мне очень понравился своей послушливостью. Отец Григорий приказал ему сказать проповедь на какую-то тему и тот беспрекословно исполнил».

Илиодор открыл Распутину новые горизонты. Мужик, привыкший к жалкой кучке почитателей, увидел тысячи фанатиков, испытал опьянение от буйных приветствий толпы. Впоследствии Распутин вспоминал: «Он меня встречал с толпами народа, говорил про меня проповедь о моей жизни. Я жил с ним дружно и делился с ним своими впечатлениями».

Добавим – самыми дорогими впечатлениями. В 1909 и в 1910 годах Илиодор гостил у Распутина в Покровском. Там он и показал монаху рубашки, подаренные царицей. И еще то,

что не показывал даже Сазонову и Филиппову, которых почитал своими друзьями, – письма царицы и великих княжон. И какие письма!.. Так отчего-то доверял Распутин Илиодору, так они были тогда удивительно близки.

Из Покровского оба возвращаются в Царицын. И опять – скопище поклонников, восторженные крики, все тот же завораживающий восторг толпы.

Илиодор рассказал в своей книге, как ночью 30 декабря две тысячи человек провожали Распутина в Петербург. «Я сообщил народу, что Григорий Ефимович хочет строить женский монастырь, где будет старцем, и просит народ съездить к нему в гости. Люди закричали: «Спаси, Господи! Поедем, поедем с батюшкой! Непременно поедем!»... На вокзале пели гимны и славили Христа. Григорий с площадки вагона начал говорить речь о своем высоком положении; но речь была такая путанная, что даже я ничего не понял».

Распутин всегда говорил отрывочно, путано, таинственно. Но прежде Илиодор его понимал, а теперь вдруг – не понял...

Именно тогда, в 1910 году, находясь в гостях у Распутина в Покровском, монах все для себя решил – и перед возвращением в Царицын выкрал у друга письма царицы и княжон, которые тот так доверчиво ему показывал... В 1914 году Распутин сказал следователю: «Был Илиодор у меня года четыре назад в Покровском, *где похитил у меня важное письмо...*»

«Важное письмо» – это письмо царицы, отнюдь не предназначенное для чужих глаз.

Тогда же Распутин спас своего друга. Терпение властей, которое Илиодор столь долго испытывал, наконец истощилось. И губернатор, и сам премьер Столыпин отлично понимали, что деятельность Илиодора закончится еврейскими погромами, а затем – яростным ответом революционеров. В воздухе снова запахло динамитом, замаячил призрак умершей революции... Столыпин принял меры. В январе 1911 года Синод решил перевести Илиодора в захудалый монастырь Тульской епархии.

Но неистовый монах отказался подчиниться – заперся с несколькими тысячами сторонников в храме и объявил голодовку. Гермоген поддержал Илиодора, но монаху это не помогло – царь распорядился немедленно убрать его из Царицына. Но у него был могущественный друг – Распутин. И Илиодор остался в Царицыне вопреки решению царя.

Распутин защищал его удивительно страстно. Илиодор описывает, как некая графиня «только заикнулась» против него – и тотчас «в разговор вмешался Распутин. Он дрожал, как в лихорадке, пальцы и губы тряслись... он приблизил свое лицо к лицу графини, и, грозя пальцем, отрывисто, с большим волнением заговорил: «Я, Григорий, тебе говорю, что он будет в Царицыне! Понимаешь? Много на себя не бери, ведь ты все же баба! Баба!»

И царица согласилась помочь Илиодору – ей понравилось, что молодой священник так почитает «отца Григория». Последовало высочайшее повеление: разрешить иеромонаху пребывать в Царицыне. «Илиодор был оставлен в Царицыне по личному ходатайству Распутина», – подтвердила в своих показаниях Вырубова.

Что-то *очень важное* связывало тогда Распутина с Илиодором. Это «важное» и определило столь доверительные отношения между ними, несмотря на разницу в возрасте. Дружба с Илиодором у Распутина была куда теснее, чем с честнейшим Феофаном, боготворившим тогда мужика, или с полюбившим его Гермогеном, который впоследствии сам отметил: «Распутин... ко мне относился с особой предупредительностью, но... предпочитал гостить в Царицыне у Илиодора». Судя по всему, из-за этого «важного» Распутин, отрицавший любую ненависть, терпел погромные речи Илиодора. И, признавая особые отношения между мужчи-

ком и монахом, Ольга Лохтина, посвященная в тайны распутинского учения, будет поклоняться обоим, называя Распутина «Саваофом», а Илиодора – «Христом».

И все же в 1910 году Илиодор решает предать своего друга и покровителя...

Таинственные слухи в разгар славы

Новый знакомец мужика, Сазонов, «угощал» Распутиным своих друзей. Журналист М. Меньшиков вспоминал: «В 1910 году в разгар его славы... ко мне его привел Сазонов... Моложавый мужичок лет за 40, почти безграмотный... некоторые изречения поразили оригинальностью, так говорили оракулы и пифии в мистическом бреде. Что-то вещее раздавалось из загадочных слов... Некоторые суждения о иерархах и высокопоставленных сановниках показались мне тонкими и верными... Но затем очень быстро и со всех сторон зазвучало... что он совращает дам из общества и молодых девушек».

Да, в 1910 году – уже *«со всех сторон зазвучало»*...

Но поползли эти темные слухи на полгода раньше. Первым заволновался преданный Распутину Феофан.

В феврале 1909 года он был возведен в сан епископа. Впоследствии Феофан вознегодует, когда пойдут разговоры о том, что епископом его сделал Распутин: «Кандидатура моя в епископы была выставлена иерархами церкви во главе с епископом Гермогеном. Протекцией Распутина я никогда не позволил бы себе воспользоваться... я был известен лично царской семье и раза 4 исповедовал Государыню и один раз Государя... и состоял уже ректором Петербургской Духовной академии».

Разумеется, у Феофана были все заслуги, чтобы стать епископом. Но и то, что он был другом Распутина, конечно же помогло – «цари» ценили преданных друзей мужика. И потому Аликс крайне изумилась, когда уже летом того же 1909 года Феофан вдруг начал сомневаться в святости того, кем так недавно восхищался.

Из показаний Феофана: «До нас в Лавру стали доходить слухи, что при обращении с женским полом Распутин держит себя вольно... гладит их рукою при разговоре. Все это порождало известный соблазн, тем более что при разговоре Распутин ссылался на знакомство со мною и как бы прикрывался моим именем».

Феофан, до которого *кто-то* донес эти слухи, пересказал их монахам в Лавре: «Обсудив все это, мы решили, что мы монахи, а он человек женатый, и потому только его поведение отличается большей свободой и кажется нам странным... Однако... слухи о Распутине стали нарастать, и о нем начали говорить, что он ходит в баню с женищинами... Подозревать в дурном... очень тяжело...»

В петербургских банях были «семейные номера», и, разумеется, посещали их не только законные супруги. Аскету Феофану было очень трудно обратиться к Григорию, которого он считал человеком святой жизни, с вопросом о банях! Но Распутин, видно, знал о слухах, распространившихся в Лавре, и начал разговор сам.

Из показаний Феофана: «Помог случай... Распутин проговорился, что бывает в бане с женщинами. Мы на это объявили ему прямо, что с точки зрения Святых Отцов это недопустимо, и он пообещал нам избегать делать это. Осудить его за разврат мы не решились, ибо знали, что он простой мужик, и читали, что в Олонецкой и Новгородской губернии мужчины моются в бане вместе с женщинами. Причем это свидетельствует не о падении нравов, а о патриархальности уклада... и особой его чистоте, ибо... ничего не допускают. Кроме того,

из жития святых Симеона и Иоанна видно, что оба они ходили в баню намеренно вместе с женщинами, и что за это их поносили и оскорбляли, а они тем не менее были великими святыми».

Вероятно, о святых Симеоне и Иоанне – юродивых, ходивших в баню с женщинами, – заговорил сам Распутин, ибо он и потом часто будет пользоваться этим примером. Ссылаясь на святых, которые испытывали свою добродетель, глядя на обнаженное женское тело, «в свое оправдание Распутин объявил, что он хочет испытать себя, не убил ли он в себе страсти».

Но Феофан предупредил Распутина: «На это способны только великие святые, а он, поступая так, находится в самообольщении и стоит на опасном пути».

Однако слухи о подозрительном хождении мужика в баню со светскими дамами продолжались. И вскоре зазвучали воистину «со всех сторон».

С изумлением услышал об этом друг Царской Семьи Саблин:

«До меня начали доходить слухи, что он цинично относится к дамам, например, водит их в баню... Сначала слухам я не верил. Казалось невозможным, чтобы какая-то светская дама, кроме, пожалуй, психопатки, могла отдаться такому неопрятному мужику».

Но поговорить с Государыней об этих слухах Саблин не решился. «Малейшее недоверие, тем более насмешка над ним, болезненно на нее действовали... Эту слепую веру ее, как и Государя, я объясняю их безграничной любовью к наследнику... они ухватились за веру... если наследник жив, то благодаря молитвам Распутина... Государю я докладывал: чтобы не дразнить общество, не лучше ли отправить Распутина обратно в Тобольск? Но Государь в силу своего характера давал уклончивые ответы или говорил: «Поговорите об этом с императрицей». Саблин не знал, что Николай в то время уже имел особое оправдание для Распутина и оттого не придавал значения никаким слухам.

Между тем те же слухи дошли и до друга Распутина – Сазонова. Прочитируем и его показания: «Ввиду дошедших до нас слухов, что Распутин ходит с дамами в баню, я как-то спросил у него... Распутин ответил утвердительно и прибавил, *что и Государю известно...* я не вдвоем хожу а... компанией... и объяснил, что величайшим грехом он считает гордыню. Светские барыни, несомненно, преисполнены этой гордыни... и для того, чтобы сбить эту гордыню, нужно их унижить... заставить их с грязным мужиком пойти в баню... Мне... человеку, глубоко знающему народную душу, это показалось понятным... но я... попросил Распутина этого более не делать. Он дал мне слово».

Через два года полиция фиксирует посещение Распутиным семейных бань... с женой Сазонова! И придут они туда вдвоем – без «компаний»...

К слухам о банях прибавились слухи о тобольском расследовании. При дворе рассказывали, как Распутин в Сибири основал хлыстовскую секту и... тоже водил своих поклонниц в пресловутую баню.

Видимо, поэтому Николай решил пока прервать посещения Распутина. Аликс попросила мужика не гневаться и молиться за них. Он молился, но гневался. Саблин в «Том Деле» рассказывает, как он был у Вырубовой, когда к ней позвонил Распутин, тщетно добиваясь приема: «И с сердцем сказал: «Молиться просят, а принимать бояться».

Аликс решает обелить «Нашего Друга». И придумывает блестящий ход...

Путешествие монахов

В 1917 году в скиту неподалеку от Верхотурского монастыря, где жил отшельником некий старец Макарий, появились следователи Чрезвычайной комиссии. Макарий, известный святой жизнью, с детских лет был пастухом при монастыре. Месяцами он постился, пас свиней и в густом лесу часами простаивал на молитве. Неграмотный, он знал о Христе только по церковным службам, а молитвы выучил с голоса. Но Макарий считался духовником Распутина, оттого в полуразвалившейся келье и состоялся его допрос. Допрашивать было нелегко – Макарий был косноязычен (впрочем, возможно, он пытался таким образом уклониться отвечать на вопросы).

60-летний монах показал: «Старца Г.Е. Распутина я узнал лет 12 тому назад, когда я был еще монастырским пастухом. Тогда Распутин приходил в наш монастырь молиться и познакомился со мной... Я рассказал ему о скорбях и невзгодах моей жизни, и он мне велел молиться Богу». После чего Макарий постригся в монахи и стал жить отшельником.

«Видимо, Распутин рассказывал обо мне бывшему царю, ибо в монастырь пришли от царя деньги на устройство для меня кельи... Кроме того... были присланы деньги для моей поездки в Петербург... и я приезжал тогда в Царское Село, разговаривал с царем и его семейством о нашем монастыре и своей жизни в нем. Каких-либо дурных поступков за Распутиным и приезжавшими к нам с ним... не заметил».

Вот и все, что смогли выпытать у него о Распутине.

Но Макарий не рассказал следователям, что его вызвали в Царское Село совсем не для того, чтобы рассказывать царям о своей монастырской жизни.

«23 июня 1909 года... После чая к нам приехали Феофан, Григорий и Макарий», – записал в дневнике Николай.

Именно тогда Аликс рассказала всем троим о своей идее. Зная «о сомнении по поводу Распутина», которое появилось у Феофана, она задумала познакомить епископа с Макарием, почитавшим Распутина, и предложить всем троим вместе съездить на родину «Нашего Друга». Она верила, что эта поездка снова сдружит Феофана с «отцом Григорием», рассеет все его сомнения, и тогда Феофан своим авторитетом сможет прекратить нараставшие (и уже пугавшие царицу) слухи.

В то время Феофан был болен. Но просьба царицы – закон. «Я пересилил себя и во второй половине июня 1909 года отправился в путь вместе с Распутиным и монахом Верхотурского монастыря Макарием, которого Распутин называл и признавал своим «старцем», – показал Феофан в «Том Деле».

Так началось это путешествие, которое будет иметь для Феофана самые драматические последствия.

Сначала они отправились в любимый монастырь Распутина – Верхотурский. Уже в дороге мужик изумил епископа. «Распутин стал вести себя не стесняясь... Я раньше думал, что он стал носить дорогие рубашки ради царского двора, но в такой же рубашке он ехал в вагоне, заливая ее едой, и снова надевал такую же дорогую рубашку...» Скорее всего, Григорий попросту решил продемонстрировать Феофану милости Аликс – царицыны рубашки. Но, видимо, кто-то очень настроил епископа против Распутина, и теперь он все воспринимал подозрительно.

Дальше – больше. Аскет Феофан был изумлен, когда, «подъезжая к Верхотурскому монастырю, мы по обычаю паломников постились, чтобы натошак приложиться к святыням. Распутин же заказывал себе пищу и щелкал орехи». Мужик, осознавший свою силу, позволил себе не притворяться. Его Бог – радостный, он разрешает отвергать унылые каноны церковных установлений.

Все оскорбляло Феофана. «Распутин уверял нас, что он почитает Симеона Верхотурского. Однако когда началась служба в монастыре, он ушел куда-то в город». Покоробил епископа и двухэтажный дом Распутина – как он отличался от жилища самого Феофана, превращенного им в монашескую келью. Нет, не таким должно быть жилище того, кого столь недавно он почитал...

Обстановку дома Распутина мы можем представить совершенно точно по описи его имущества, сделанной после смерти. Первый этаж, где жил он с семьей, – обычная крестьянская изба. Но зато второй... Тут мужик устроил все по-городскому. Второй этаж предназначался для «дамочек» и гостей, приезжавших из Петербурга. Там он и поселил Феофана. Епископ с негодованием отмечал «мирское»: пианино, граммофон, под который Распутин любил плясать, мягкие, обитые плюшем бордовые кресла, диван, письменный стол... С потолка свисали люстры, по комнатам стояли «венские» стулья, широкие кровати с пружинными матрацами, кушетка – так вчерашний полунищий крестьянин осуществил свое представление о городской роскоши. Величественно били двое часов с гириями в черных деревянных футлярах, и на стене – еще часы... Особенно возмутил Феофана «большой мягкий ковер на весь пол».

Показал Распутин епископу и своих последователей – Арсенова, Распопова и Николая Распутина, «братьев по духовной жизни». Но, как отметил Феофан, «пели они стройно... но в общем произвели неприятное впечатление». Широко образованный мистик, хорошо знакомый с ересями, видимо, почувствовал нечто подозрительное в этих песнопениях...

Вероятно, он попытался беседовать об этом с Макарием, но...

«Монах Макарий... является для меня загадкой. Большей частью он говорит что-то непонятное, но иной раз скажет такое слово, что всю жизнь осветит».

Но Макарий, могущий «всю жизнь осветить», в тот раз явно говорил «что-то непонятное»...

Обдумав все увиденное, Феофан заключил, что Распутин «находится не на высоком уровне духовной жизни». На обратном пути он «остановился в Саровском монастыре и просил у Бога и святого Серафима (покровителя Царской Семьи. – Э.Р.) помощи для верного решения вопроса: что из себя представляет Распутин». В Петроград епископ вернулся «с убеждением, что Распутин... находится на ложном пути».

В столице он держал последний совет со своим другом архимандритом Вениамином. После чего они позвали Распутина в Лавру.

«Когда затем Распутин пришел к нам, мы неожиданно для него обличили его в самонадеянной гордости, в том, что он возомнил о себе больше, чем следует, что *он находится в состоянии духовной прелести*».

Это было страшное обвинение.

«Нужна особая духовная высота, чтобы пророчествовать и исцелять... Когда этого нет, дар становится опасным, человек становится колдуном, впадает в состояние духовной прелести. Теперь он прельщен дьяволом, теперь уже силой Антихриста он творит свои чудеса», – сказал мне монах в Троице-Сергиевой Лавре.

«Самонадеянная гордость», «возомнил о себе больше, чем следует», «духовная прелесть»... Феофан и Вениамин странно повторяли все, о чем Милица предупреждала когда-то Распутина. Да, мы легко расслышим в их рассуждениях знакомый голос «черной женщины»!

«Мы объявили ему, что в последний раз требуем от него переменить образ жизни и что если он сам не сделает этого, то отношения с ним прервем и открыто все объявим и доведем до сведения императора».

Распутин никак не ожидал услышать такое от Феофана. «Он растерялся, расплакался, не стал оправдываться, признал, что делал ошибки... и согласился по нашему требованию удалиться от мира и подчиняться моим указаниям».

Но это было ни к чему не обязывающее обещание. Мужик знал, что царица никогда не позволит ему «удалиться». И дело не только в исцелении наследника – она сама зачахнет без него. Мог он предвидеть и дальнейшую судьбу простодушного Феофана, который так и не понял царицу – он жил в ином... Епископ попросил Распутина «никому не говорить о нашем с ним разговоре». Тот обещал. «Радуюсь успеху, мы отслужили молебен... Но, как оказалось, потом он поехал в Царское Село и все рассказал там в благоприятном для себя и неблагоприятном для нас освещении», – вспоминал Феофан.

Мужику не надо было ничего придумывать. Достаточно сказать царице правду – Феофан не верит в его духовную высоту и не хочет, чтобы он был рядом с «царями». И вчерашнему исповеднику Государыни навсегда закрыт путь в Царское Село.

Диспут с царицей

Но *кому-то* происшедшего показалось мало. Кто-то ждал от Феофана куда большего – и, видимо, сообщил ему новые слухи.

Из показаний Феофана: «Через некоторое время до меня дошли слухи, что Распутин ведет прежний образ жизни и *что-то против нас предпринимает*». Очевидно, все тот же *кто-то* внушает епископу мысль – опередить Распутина. И Феофан спешит, делает этот шаг: «Тогда я решил применить последнюю меру – открыто обличить и поведать все бывшему императору. Однако принял меня не император, а его супруга в присутствии фрейлины Вырубовой».

Присутствие Вырубовой в комнате у царицы все ему объяснило. Феофан уже знал про «хитрую комбинацию: Распутин выдвигал Вырубову... а Вырубова в благодарность должна была поддерживать Распутина».

Начиная свой монолог, епископ знал, что обречен. Но долг перед Богом прежде всего. Как в старину пастыри страдали за правду перед царями, так был готов пострадать и он. «Я говорил около часа и доказывал, что Распутин находится в состоянии духовной прелести... Бывшая императрица возражала мне, волновалась, говорила из книг богословских... Я разбил все ее доводы но... она... твердила: «Все это неправда и клевета»... Разговор я закончил словами, что не могу иметь общение с Распутиным... Я думаю, что Распутин, как человек хитрый, мое против него выступление объяснил царской семье тем, что я позавидовал его близости к семье... хочу его отстранить».

Бедный Феофан не понял, что даже не Распутин – сама Государыня думает так.

«После беседы с императрицей ко мне как ни в чем не бывало пришел Распутин, видимо, думавший, что недовольство императрицы меня устрасило... однако я решительно заявил ему: «Уйди, ты – обманщик».

И мужика епископ тоже не понял. Григорий враждовать не любит, он готов унижаться – только бы помириться с добрым, наивным Феофаном. «Распутин упал мне в ноги, просил простить... Но я снова заявил ему: «Уйди, ты нарушил обещание, данное перед Господом»... Распутин ушел, и больше я с ним не виделся».

Расправа

Феофан знает: Бог не велит ему успокаиваться. И продолжает действовать. В то время он получает «письменную исповедь» одной из раскаявшихся поклонниц Распутина (видимо, все тот же *кто-то* передает ее епископу). Прочтя ее, честный Феофан с ужасом понимает, что Распутин – «волк в овечьей шкуре, сектант *хлыстовского типа*, который учит своих почитательниц не открывать тайн даже своим духовникам. Ибо греха в том, что эти сектанты делают, якобы нет, но духовники не доросли до сознания этого»...

Феофан решает показать этот документ «царям». «Заручившись письменной исповедью, я написал бывшему императору второе письмо... где утверждал, что Распутин не только находится в состоянии духовной прелести, но является преступником в религиозном и нравственном смысле... ибо, как следовало из исповеди, отец Григорий *соблазнял свои жертвы*».

Но аудиенции у царя добиться не удалось. «Я чувствовал, что меня не хотят выслушать и понять... Все это настолько меня удручило, что я сильно заболел – у меня обнаружился паралич лицевого нерва».

Распутин торжествовал: «мама» могла убедиться – само небо отметило печатью паралича пошедшего против него Феофана! Несчастный епископ уехал поправлять здоровье в Крым, так и не получив ответа от «царей».

Он получит его чуть позже – в ноябре 1910 года Феофана уберут из Петербурга в Астрахань, в губительный для него климат. Но великой княгине Елизавете Федоровне, глубоко уважавшей Феофана, и черногорским принцессам удастся использовать свое влияние, и Синод отправит его туда, где он обычно лечился, – в Крым, епископом Таврическим.

Но Феофан по-прежнему неукротим. Теперь он забрасывает письмами своего друга, епископа Гермогена – хочет включить в борьбу с Распутиным одного из самых влиятельных членов Синода. Но Гермоген понимает: разрыв с Распутиным кладет конец его мечтам о патриаршестве...

Из показаний Феофана: «Когда нехорошие поступки Распутина стали раскрываться, Гермоген долго колебался, не зная как отнестись к этому. Но я... написал ему письмо, чтобы он выяснил свое отношение к Распутину. Ибо если мне придется выступить против Распутина, то тогда и против него».

Из показаний Гермогена: «В начале 1910 года я получил письмо от владыки Феофана... Владыка приводил мне целый ряд фактов, порочащих Распутина как человека развратной жизни. Полученное письмо, а также личные наблюдения послужили поводом к резкому изменению моего отношения к Распутину».

«Личные наблюдения», скорее всего, окончательно сложились в Петербурге, куда Гермоген приехал на сессию Святейшего Синода. Возможно, *кто-то* побеседовал и с ним – объяснил, что пока мужик находится при дворе, столь желанного Собора для учреждения патриаршества не будет, ибо Распутин теперь против.

Об этом пишет в своей книге и любимец Гермогена – Илиодор: «Старец»... говорил: «И без Собора хорошо, есть Божий помазанник и довольно, Бог его сердцем управляет, какой же еще нужно Собор!»

Илиодор был готов присоединиться к Гермогену. Видимо, получив доказательства могущества недоброжелателей Распутина, он решился перейти к ним. И не просто присоединиться к врагам своего вчерашнего близкого друга, но и принести им великий трофей. Именно потому в Покровском он выкрал у Распутина письма великих княжон и главное – письмо царицы, которое, как он считал, докажет ее грехопадение. А это – скандал, развод, монастырь... Вот тогда они, выступившие против Распутина, и окажутся на вершине церковной власти!

А пока Илиодор (в который раз!) использовал доверие и дружбу Григория. На деньги, собранные Распутиным, он успел снарядить судно, обвесил его излюбленными призывами против евреев и революционеров и отправил с паломниками по Волге. И ждал...

Когда же Гермоген открыто выступил против «Нашего Друга», Илиодор понял: пора. И во время проповеди в храме заявил пастве, что ошибался в Распутине, а ныне понял: Григорий – «волк в овечьей шкуре».

Война была объявлена.

Изнасилованная нянька?

Новый удар по Распутину последовал из... Царского Села! Появились слухи, будто «хлыст» (так его стали вдруг все называть в Петербурге) изнасиловал няньку наследника – Марию Вишнякову.

3 июня генеральша Богданович записала в дневнике: «Она (царица. – Э.Р.) злится на тех, кто говорит что он (Распутин. – Э.Р.) мошенник и прочее... Поэтому Тютчеву и старшую нянюшку Вишнякову отпустили на два месяца в отпуск...»

Если фрейлина Софья Тютчева была известна при дворе как яростный враг «Нашего Друга», то сообщение о «няньке Мэри» (так звали во дворце Марию Вишнякову) – удивительно. Ведь она считалась одной из самых преданных поклонниц Распутина, и во дворец он попадал, якобы навещая ее.

Сохранилось письмо Распутина к Мэри о воспитании наследника: «12 ноября 1907 года... Показывай ему маленькие примеры Божьего назидания, во всех детских игрушках ищи назидания...» И далее идут слова, свидетельствующие об их очень дружеских отношениях: «Не нашел я в тебе гордости, а нашел ко мне глубокий привет в твоей душе. И вот первый раз ты видела и поняла меня. Очень желал бы я еще увидеться».

Из показаний Вырубовой: «Нянька цесаревича... сначала очень преклонялась перед Распутиным, ездила к нему в Покровское».

И вот теперь по дворцу ползли «неопределенные шепоты»... Из показаний полковника Ломана: «О том, что Распутин оскорбил честь Вишняковой, были только неопределенные шепоты, определенных обвинений против Распутина предъявлено не было».

Согласно «шепотам», в 1910 году Мэри отправилась на три недели отдохнуть в Покровское вместе с Распутиным, Зинаидой Манчтет, Лохтиной и прочими поклонниками. Ночью Распутин пробрался в комнату Вишняковой и изнасиловал ее.

Одновременно с «шепотами» против Распутина выступила Софья Тютчева. Она заявила, что недопустимо мужику посещать детскую во дворце. Ее заявление тотчас обросло

новыми слухами – о том, что в детской развратный мужик... раздевает на ночь великих княжон!

Из показаний Вырубовой: «Вероятно, ему случалось приходить и в детскую, но в циркулировавших в то время слухах, что он раздевал великих княжон, нет ни слова правды. Эти слухи распространяла фрейлина Софья Тютчева...»

В 1917 году в Чрезвычайную комиссию была вызвана Софья Тютчева, 47 лет, бывшая фрейлина. В «Том Деле» я нашел ее показания. О «раздевании великих княжон» Тютчева, естественно, ничего не рассказала. Слухи эти запускались не ею – за ними стояли люди помогущественнее...

Распутин же действительно приходил к царским детям, беседовал с ними и прикасался к ним. Но... только когда их лечил. Тютчева же выступала против прихода мужика в детскую, так как «считала его человеком вредным, с совершенно определенным уклоном в сторону хлыстовской секты».

Но зато она рассказала о няньке царских детей Вишняковой.

«Придя на детскую половину, я застала там полнейший переполох. Вишнякова со слезами на глазах рассказала мне, что она... и другие поклонницы приняли участие в радениях. То, что она принимала за веление Святого Духа, оказалось простым развратом... Я поняла из ее рассказа, что Феофан, который был их духовником... отсылал их по своему смирению к Распутину, которого считал за Божьего старца. Распутин заставлял их делать то, что ему нужно было, выдавая себя за человека, действующего по велению Святого Духа... при этом предупреждал, чтобы не говорили Феофану, облакая это в софизмы: «Феофан – простец, и не поймет этих таинств, осудит их, тем самым осудит Святого Духа и совершит смертный грех».

И это тоже *кем-то* было тотчас сообщено Феофану – и потрясло его, вызвало новый всплеск неистового негодования и ужаса. Епископ понял, что погубил души Вишняковой и других несчастных женщин, которых отправлял к Распутину... И Феофан требует от Гермогена немедленно выступить против прежнего «брата Григория», которого отныне именует только «Распутиным». Он составляет новое послание царю и умоляет Тютчеву передать письмо. «Я ответила, что ввиду того, что при дворе известно мое отвращение к Распутину, я не считаю возможным принять подобное поручение», – показала Тютчева.

После ее отказа Феофан, видимо, и задумал отчаянное: дожидаться приезда Семьи в Крым и во время проповеди прилюдно обличить «волка в овечьей шкуре».

Между тем, согласно показаниям Тютчевой, «Вишнякова отправилась к царице... Но царица сказала, что не верит сплетням... и запретила говорить об этом».

В тот же день к Тютчевой пришел скороход (должность из средневековой сказки сохранилась при царском дворе) и «передал приказание Государя явиться в кабинет в 6.30 вечера».

В «Том Деле» Тютчева излагает свою вечернюю беседу с Николаем:

«– Вы догадываетесь, зачем я вас вызвал... Что происходит в детской? Я рассказала.

– Так вы тоже не верите в святость Распутина? Я ответила отрицательно».

И царь, этот скрытный человек, не выдержал. Он всегда прерывал выпады собеседников против Распутина, сухо говорил, что отношения с мужиком – его личное дело. Но в разговоре с Тютчевой у него впервые вырвалось:

«– А что вы скажете, если я вам скажу, что *все эти годы я прожил только благодаря его молитвам?*..

И он стал говорить, что не верит слухам, что к чистому всегда липнет нечистое, и он не понимает, что сделалось вдруг с Феофаном, который так всегда любил Распутина. При этом он указал на письмо Феофана на его столе. (Так что письма все-таки доходили до царя. – Э.Р.)

– Вы, Ваше Величество, слишком чисты душой и не замечаете, какая грязь окружает вас...

Я сказала, что меня берет страх, что такой человек может быть близок к княжнам.

– Разве я враг своим детям? – возразил Государь...

Он просил меня в разговоре никогда не упоминать имя Распутина. Для этого я попросила Государя устроить так, чтобы Распутин никогда не появлялся на детской половине. До этого царица говорила мне, что после шести я свободна, будто намекая, что мое посещение детей после этого часа нежелательно. После разговора с Государем я бывала в детской во всякое время. Но отчуждение между мною и Семейей росло...»

Загадка Мэри

Самое удивительное в показаниях Тютчевой то, что она так и не посмела рассказать царю об истории с Вишняковой. Не посмела оскорбить его слух грязными сплетнями? Или... может быть, никакой истории вообще не было, одни «неопределенные шепоты»? Рассказы об изнасиловании Вишняковой есть во многих мемуарах – но сколько в них можно прочесть легенд, связанных с Распутиным!

Нынешние создатели мифа о «святом Григории» объявили историю об изнасиловании попросту вымыслом. Но в «Том Деле» оказались показания Вишняковой. Так что «нянька Мэри» сможет все рассказать сама...

В 1917 году Мэри показала: «Я, Мария Ивановна Вишнякова, православная, живу в Зимнем дворце... комендантский подъезд...» И далее она поведала свою биографию – весьма, на наш взгляд, таинственную, напоминающую типичную историю незаконной дочери знатного отца.

Ребенком она была отдана на воспитание в крестьянскую семью, потом на чьи-то деньги обучалась на курсах детских нянь. Выучившись, безвестная «воспитанница крестьянской семьи» тотчас взята в семью герцога Лейхтенбергского, а оттуда столь же быстро приглашена няней к «царям» как раз перед рождением великой княжны Татьяны. Одна за другой рождались и вырастали царские дочери – и наконец она стала нянькой наследника. Вся жизнь Вишняковой прошла во дворце, и даже после скандала с Распутиным, когда Аликс уволит ее, из дворца няньку почему-то прогнать не посмеют.

Во время истории с Распутиным ей было 36 лет. Как и положено няньке царских детей, у этой красивой, холеной белокурой женщины не было никакой личной жизни. Она оставалась старой девой.

На допросе Мэри оставалась верна своим бывшим хозяевам:

«Государь и Государыня были примерные супруги по любви к друг другу и детям... Весь день она (царица. – Э.Р.) проводила в кругу своих детей, не позволяя без себя ни кормить их, ни купать. До 3–4 месяцев сама кормила детей грудью, хотя и совместно с кормилицей, у царицы не хватало молока... Государыня сама обучала своих детей английскому и русскому, при содействии нянь и княжны Орбелиани, и молитвам...»

Затем Мэри приступает к своей истории: «Как-то весной 1910 года Государыня предложила мне поехать в Тобольскую губернию в Верхотурский монастырь на 3 недели, для того, чтобы в мае вернуться к поездке в шхеры (на яхте. – Э.Р.). Я с удовольствием согла-

силась, так как люблю монастыри. В поездке должна была принять участие некая Зинаида Манштедт, которую я встречала в Царском Селе у своих знакомых, и она мне очень понравилась... В поездке, по словам Государыни, должны были принять участие Распутин и Лохтина... По приезде на Николаевский вокзал я встретила всех своих спутников... В Верхотурском монастыре мы пробыли два или три дня, а затем направились в гости к Распутину в село Покровское. У Распутина дом двухэтажный, большой, обставленный довольно хорошо, как у чиновника средней руки... В нижнем этаже живет жена Распутина со своими приживалками, в верхнем поселились мы по разным комнатам. Несколько дней Распутин вел себя прилично по отношению ко мне... а затем как-то ночью Распутин явился ко мне, стал меня целовать и, *доведя до истерики, лишил меня девственности*... В дороге Распутин ко мне не приставал. Но, проснувшись случайно, я увидела, что он лежит в одном белье с Зиной Манштедт. Возвратившись в Петроград, я обо всем доложила Государыне... а также рассказала при личном свидании епископу Феофану. Государыня на мои слова внимания не обратила и сказала, что все, *что делает Распутин, свято*. С этого времени я Распутина не встречала, а в 1913 году была уволена от должности няни. Причем мне было поставлено на вид, что я бываю у преосвященного Феофана...»

В конце показаний в сухую запись допроса ворвалась ее подлинная речь, точнее – почти крик: «Более ничего показать не могу. Прошу прекратить допрос, так как я не в силах рассказывать больше о своем несчастье... и считаю себя вправе уклониться от разъяснения подробностей!»

Великая княгиня Ольга вспоминала: «Когда до Ники дошли слухи, что он (Распутин. – Э.Р.) изнасиловал няньку, он немедленно назначил расследование. Девушку поймали с казачком императорской Гвардии в постели...» Так, видимо, сообщили сестре царя.

Так защищала Аликс мужика.

Впрочем, вскоре великой княгине пришлось узнать кое-что новое об «отце Григории» – уже на собственном опыте. Произошло это в доме Вырубовой. Распутин был уже своим человеком в Царском Селе, ему были известны все тайны большой Романовской семьи. Он знал, что муж Ольги, принц Ольденбургский, – гомосексуалист, и, видно, сделал из этого свой вывод...

В тот вечер «цари» пришли на свидание с «Нашим Другом».

Была приглашена и Ольга. «Распутин... казалось, был очень рад увидеть меня опять, – вспоминала великая княгиня. – И когда хозяйка с Ники и Аликс покинула гостиную на несколько мгновений, Распутин подошел и, обняв рукой мои плечи, начал поглаживать мою руку. Я тотчас отодвинулась, не проронив ни слова».

Принц Ольденбургский, которому Ольга поведала все подробности, «сказал с мрачным лицом, что я должна избегать Распутина в будущем. В первый и единственный раз я знала, что мой муж прав...»

Преображение генеральши

В том же 1910 году муж Лохтиной вдруг прозрел и заявил, что более не потерпит присутствия Распутина в доме. И услышал ответ жены: «Он святой. Ты изгоняешь Благодать». Муж перестал выдавать ей деньги, но вчерашней великолепной мотовке нужны были лишь черное платье и крестьянский белый плат.

Именно тогда Распутин рассказал «царям» о светской даме, променявшей «суету сует» на *новую жизнь*. Конечно же царица заинтересовалась, пожелала познакомиться. Парадокс: положение жены статского советника никогда не открыло бы перед Лохтиной двери самого

закрытого двора Европы, но звание верной последовательницы полуграмотного мужика тотчас свершило это чудо!

Свидетельство об этом – в показаниях ее второго кумира, Илиодора: «Она... бросила свет и занималась исключительно тем, что ходила во дворец к императрице... и толковала царям «мудрые изречения» и пророчества «отца Григория».

И не только толковала. Эта женщина, в которой, как бывает на Руси, сочетались пронзительный ум и абсолютное безумие, первая решила записывать за Распутиным (а потом и печатать) его мысли.

Из показаний Лохтиной: «Свои духовные мысли отец Григорий записывал в тетрадку... Записанное я переписала... и была издана брошюра «Благочестивые размышления» в 1911 году... Ни содержания записок, ни мыслей, в них изложенных, я не перерабатывала. Моя работа свелась к исправлению падежей, мыслей же отца Григория не поправить...»

Действительно, Распутин иногда «записывал мысли» своими чудовищными каракулями. Но долго писать малограмотный мужик не мог, так что Лохтина переносила на бумагу его устные поучения. Это было трудно, ибо речь «Нашего Друга», по всем воспоминаниям, была бессвязна, основное воздействие было не в словах, а в глазах и руках. Гипнотическое влияние его взгляда и легких прикосновений...

Но Лохтина понимала то, что он не высказывал. И, видимо, у нее училась царица нелегкому искусству записывать за «Нашим Другом».

Скоро Государыня всяя Руси в совершенстве освоит это искусство – передавать непередаваемое. Научится понимать мужика...

В середине 1910 года муж поставил Лохтиной уже ультиматум: или – или... И она выбрала. «С 1910 года я окончательно разошлась с семьей, которая... требовала, чтобы я оставила отца Григория и не пожелала, чтобы я жила с нею».

Лохтину попросту изгнали из дома, отобрали принадлежавшее ей имение. И хозяйка петербургского салона, оставив любимую дочь, с котомкой за плечами направляется в Царыцын к главному другу Распутина («Саваофа») – к Илиодору («Христу»). По дороге генеральша просила подаяние.

Какой интересный выдался 1910 год... В разгар славы мужика нарастает опасная атака против него. И идет она по широкому фронту: Гермоген – Феофан – Тютчева – Вишнякова – изгнание из дома Лохтиной.

В том же году против Распутина развязывается бурная кампания в прессе. Крупнейшие газеты начинают печатать бесчисленные статьи о «малограмотном и развратном мужикехлысте, имеющем большую популярность в некоторых придворных кругах». Материалы о Распутине становятся сенсацией, на них теперь буквально набрасывается читающая публика. Оппозиционная правительству кадетская газета «Речь» публикует целый ряд таких статей. В довершение всего – мощный залп по Распутину из Москвы, из кругов, близких к великой княгине Елизавете Федоровне. Входивший в ее окружение Михаил Новоселов, ассистент профессора Московской Духовной академии и издатель «Религиозно-философской библиотеки», напечатал серию сенсационных материалов: «Прошлое Григория Распутина», «Духовный гастролер Григорий Распутин», «Еще нечто о Григории Распутине»... В них была опубликована исповедь некоей соблазненной Распутиным девицы, упоминалось о расследованиях Тобольской консистории, обвинявшей его в хлыстовстве...

В 1910 году фамилия мужика начинает приобретать зловеющий смысл. «Распутный Распутин» становится нарицательной фигурой.

Мужик и Европа

Все эти события совпали не случайно. Их причиной был не столько сам Распутин, сколько его новая роль. Ибо весьма могущественные и влиятельные лица заговорили в то время о невероятном: Распутин не только лечит наследника, не только молится с «царями» – он уже вмешивается в высокую политику, чуть ли не диктует императору! Полуграмотный мужик смеет решать судьбы Европы!

В октябре 1908 года телеграф принес в Россию весть: Австро-Венгрия аннексировала балканские территории – Боснию и Герцеговину, где жило множество сербов. И в России, считавшей себя вождем православного мира, тотчас начинается мощное движение в защиту «братьев-славян».

С начала 1909 года – шквал статей в газетах, бурные демонстрации на улицах. Общество требует войны, думские депутаты произносят речи об исторической миссии России – опекать балканских славян, которых «объединяет с русскими общая вера и общая кровь». В Праге собирается многолюдный Всеславянский конгресс, в котором участвуют депутаты российской Думы.

Волнуются православные Балканы. Здесь опасаются, что Босния и Герцеговина – лишь первый шаг немецкого марша на Восток. Сербия заявляет решительный протест. И повелитель Черногории, отец «черных принцесс», просит решительного вмешательства России. Его поддерживает могущественный родственник, великий князь Николай Николаевич – «главный военный» в Романовской семье. В бой рвутся и генералы, жаждущие заглавить позор в японской кампании. Требуется войны и молодая русская буржуазия, опьяненная мечтами о новых сферах влияния, о завоевании черноморских проливов. В России складывается весьма пестрая и, главное, – многочисленная «партия войны».

Но война с Австро-Венгрией не может быть локальной – Германия не собирается оставаться в стороне. 8 марта 1909 года кайзер Вильгельм предъявил России ультиматум: признание аннексии Боснии и Герцеговины или вторжение австрийской армии в Сербию при поддержке Германии.

Мировая война становилась реальностью. И люди трезвые, опытные, понимавшие слабость плохо вооруженной русской армии, этой войны боялись.

Генеральша Богданович писала в дневнике: «13 марта... Не дай Бог нам войны... *Тогда снова у нас будет революция*».

Понимал опасность войны и Столыпин. Премьер не желал идти на риск, мечтал о «двадцати годах покоя для России» после всех потрясений и трудного умирения страны. Он помнил слова Александра III: «За все Балканы я не отдам жизни и одного русского солдата».

Аликс тоже смертельно боялась войны. Она не забыла: японская война кончилась революцией. И еще она знала: в случае столкновения с Германией ее родное маленькое Дармштадтское герцогство станет врагом России.

Но царь колебался – он с удовольствием выслушивал воинственные речи «Грозного дяди». И дело было не только в том, что, по словам Вырубовой, «Государь до последней минуты страшно любил Николая Николаевича». Просто Ники был истинным Романовым – обожал все военное. Как и его предки, он получил военное образование, прошел подготовку в знаменитом Преображенском полку и до самой смерти сохранил гвардейскую выправку... Российская империя – страна традиционно воинственных царей. Как сказал еще в XVIII

веке граф Никита Панин: «До тех пор, пока у нас не родится царь-калека, мы не дождемся перемены во взглядах». Так что в глубине души Николай хотел войны.

И тогда пришел черед Распутина. *Он умел читать тайные желания царицы. Он знал свою роль. И он ее исполнил.* Произошло невероятное – мужик из сибирского села появился на политической арене.

Распутин решительно выступил против войны! Как и положено «Божьему человеку», он пророчествовал – грозил России поражениями и революцией. Впоследствии царица, вспоминая его тогдашние предсказания, напишет Николаю: «Наш Друг был всегда против войны и говорил, что Балканы не стоят того, чтобы весь мир из-за них воевал...»

Она была ему благодарна. И счастлива: оказалось, ее желания удивительно совпали с велениями небес и «Нашего Друга».

Итак, Столыпин, царица, и, наконец, небеса и «отец Григорий» – все были против войны. И царь дрогнул. Вскоре Совет министров согласился признать аннексию Боснии и Герцеговины. Пресса изливалась в ярости и поношениях, вспоминала о крупнейшей военной катастрофе при Цусиме в недавней войне с Японией. «Дипломатическая Цусима» – так называли это решение в обществе.

В то, что царский отказ воевать был продиктован желанием Распутина, верили тогда даже самые проницательные люди. В «Том Деле» издатель Распутина Филиппов цитирует умнейшего Сергея Юльевича Витте: «Несомненно, тем, что балканская война не разгорелась, мы обязаны влиянию Распутина».

Так что в 1909 году черногорки и великий князь Николай Николаевич имели право негодовать. Мало того, что Распутин выжил их из царского дворца – этот малограмотный мужик посмел вмешаться в высокую политику! Он не дал помочь православным на Балканах, не дал помочь родной Черногории!

Негодовал на Распутина и могущественный премьер. Хотя их позиции по «Балканскому вопросу» во многом совпадали, вмешательство «отца Григория» в политику было невыносимо для Столыпина. Газетные статьи о мужике во дворце подрывали престиж Царской Семьи, плодили опасные слухи. Да и сам Столыпин неоднократно подвергался унижениям. А. Богданович писала в дневнике: «Недели три назад приехал с докладом Столыпин и прождал полчаса... потому что царь находился у жены, у которой в спальне сидел этот «блажка».

С мужиком, а не с ним, премьером, обсуждали судьбу войны на Балканах! Узнал Столыпин и еще одну вест, которая не могла его не встревожить. Оказалось, его политический соперник Витте уже налаживает контакт с Распутиным: мужик приходил ко вчерашнему, ныне опальному премьеру.

«Я сказал ему тогда: «Послушай, зачем ты, собственно, ко мне пришел? Если об этом узнают, то скажут, что я через тебя ищу сближения с влиятельными салонами, а тебе скажут, что ты поддерживаешь сношения с вредным человеком»... Распутин предложил мне в беседе очень оригинальные и интересные взгляды», – вспоминал впоследствии граф.

Встреча царского любимца с либералом Витте, который в 1905 году заставил царя даровать стране Конституцию, вызвала панику среди монархистов. Богданович отмечала в дневнике: «Большой опасностью является то обстоятельство, что «блажка» спелся с Витте... Витте хочется снова получить власть».

Столыпину доложили, что мужик встречался не только с Витте. Он уже участвует в обсуждении кандидатур на высшие государственные посты – устраивает смотрины будущему обер-прокурору Синода!

И это было правдой. После всех неприятностей – с расследованием Тобольской консистории, с обвинениями Феофана, с деятельностью сестры Эллы и ее окружения – Аликс

боялась, что ее враги используют Синод, чтобы опять обвинить «Нашего Друга» в хлыстовстве. И она решила найти лояльного к Распутину обер-прокурора.

На этот пост начала обсуждаться кандидатура Владимира Саблера. Именно тогда Аликс впервые решила применить удивительный метод «проверки» кандидата на должность: его должен был проэкзаменовать «Божий человек». Учитывая особые отношения «Нашего Друга» с небом, его встреча с будущим главой Синода была для Государыни вполне логична.

Встреча состоялась, и Распутин смог убедиться в полном послушании кандидата «папе и маме». И вскоре Саблера, человека с нерусской фамилией (он был из семьи обрусевших немцев), ко всеобщему изумлению поставят во главе управления русской церковью...

Премьер против мужика

Столыпин оценил свое ожидание в царской приемной. Это было не просто унижение, но некий сигнал: у царя сидел «тайный премьер».

К тому времени позиции великого реформатора ослабли. (Это характерно для всех реформаторов в России. Впоследствии одного из вождей монархистов, умнейшего Шульгина, спросят, кому мешал Столыпин, и его ответ будет лаконичен: «Всем».) Премьера ненавидели левые, ибо он не раз беспощадно подавлял оппозицию в Думе – чего стоит лишь одна его бессмертная фраза: «Вам, господа, нужны великие потрясения, а мне нужна великая Россия». Премьера ненавидели правые, ибо его реформы предвещали победу капитализма в России – древний Царьград должен был стать Манчестером. Его презрение к антисемитам из «Союза русского народа», предложения отменить «черту оседлости» для евреев (на что царь не согласился) вызывали ненависть у церковных «ястребов» типа Илиодора и Гермона. Была и еще одна мощная фигура, подогревавшая недовольство – великий князь Николай Николаевич, ибо Столыпин был категорически против участия России в балканском конфликте. И тем не менее премьер держался, потому что его поддерживал царь. Столыпин грозил Николаю социальными катастрофами и голодом, если не осуществляются его реформы. Огромным ростом и зычным голосом он успокоительно напоминал Николаю гиганта-отца, внушал ему уверенность.

Но Столыпин сделал ход, который вначале казался очень удачным. Ход этот мог вернуть ему популярность, но... оказался фатальным. Премьер выступил против Распутина, заговорил с царем об отношении общества к «Нашему Другу».

Николай от разговора уклонился. Но он помнил, какое впечатление оказал Распутин на Столыпина всего несколько лет назад. И попросил премьера вновь встретиться с мужиком.

Об этой странной встрече Столыпин рассказал будущему председателю Государственной Думы Родзянко. С первой минуты премьер явственно ощутил «большую силу гипноза, которая была в этом человеке и которая произвела на него довольно сильное, хотя и отталкивающее, но все же моральное впечатление». Но, видимо, «моральное впечатление» было столь сильным, что Столыпин, «преодолев его», вдруг начал кричать на Распутина, называть его хлыстом и грозить ему высылкой «на основании соответствующего закона о сектантах». Это была ошибка (как покажет будущее – роковая для премьера).

Распутин имел право быть обиженным. И... спокойным. Он знал: никаких весомых доказательств его хлыстовства Тобольской консистории получить не удалось. Знал это и царь, который в год всеобщей травли «Нашего Друга» ознакомился с его «делом»...

К 1910 году Распутин стал вызывать уже всеобщее недовольство: левых, которые видели в нем союзника Илиодора и антисемитов; правых и монархистов, которым он грозил приходом к власти Витте; «партии войны» и «Грозного дяди»; двора, ненавидев-

шего мужика-фаворита; церковников, уверенных в его хлыстовстве; сестры царицы, премьер-министра...

Он надоел всем.

Первой конечно же начала действовать самая обиженная и самая страстная – «черная женщина», Милица, близкая знакомая епископа Феофана. Скорее всего, она и была таинственным «кем-то», постоянно открывавшим глаза Феофану, ознакомившим его с ходом тобольского расследования и исповедями дам, «обиженных Распутиным».

Активизировалась и великая княгиня Елизавета Федоровна. Настоятельница Марфо-Мариинской обители уже поняла, что второй «Наш Друг» куда опаснее первого. И то, что против Распутина выступила Софья Тютчева, бывшая в тесной дружбе с сестрой царицы, – не случайно. С Эллой была очень близка и семья Юсуповых. Так в Москве сформировался фронт недругов «старца», который Аликс будет называть «московской кликой».

Элла помогла высланному из столицы Феофану получить назначение в Крым. Она верила, что во время пребывания Семьи в Ливадии неукротимый Феофан продолжит свои обличения.

Наступление на мужика продолжил и Столыпин. В октябре 1910 года он приказал департаменту полиции установить за Распутиным наружное наблюдение. С помощью донесений секретных агентов он надеялся наконец убедить царя в распутстве «Нашего Друга».

Но Аликс тотчас ответила. Как сказано в полицейских документах, Распутин «наблюдался лишь несколько дней, после чего наблюдение было прекращено».

Наблюдение отменил сам царь. Он не мог объяснить своему премьеру, что те факты, которые тот намеревался ему сообщить, *ничего для него не значат*. И что ни Столыпину, ни его агентам не дано понять поведение «отца Григория». Загадку его поведения...

Загадку, которую «цари» уже постигли и о которой речь впереди.

Путь в Иерусалим

Наступил 1911 год. Чтобы успокоить поднявшуюся волну неприязни к мужику, Семье вновь пришлось перестать звать его во дворец. Снова видется с ним тайно – у Ани...

Из дневника Николая: «12 февраля... поехали к Ане, где долго беседовали с Григорием».

Секрет Полишинеля! При дворе об этих встречах знали все.

«Этот мужик Распутин... во дворце не бывает, но у Вырубовой в Царском бывает, и царица часто к этой Вырубовой заезжает... Вырубову продолжают ругать все за глаза, а в глаза за ней ухаживают все... Все эти господа бояться только одного: чтобы не потерять своих тепленьких местечек, а до России им горя мало», – записала в дневнике А. Богданович.

В феврале 1911 года Аликс завела особую тетрадь.

После расстрела в Ипатьевском доме убийца Царской Семьи Юровский привез в Москву их бумаги. Среди них была тетрадь, которую царица взяла с собой в свой последний дом... И поныне хранится в архиве эта тетрадь в темно-синем переплете, где рядом с каллиграфическими строками Аликс расположились смешные каракули мужика: «Подарок моей сердечной маме. Г. Распутин, 1911, 3 февраля».

Подарок – это его изречения, сказанные во время встреч в доме Ани, которые царица потом старательно заносила своим изящным почерком в эту тетрадь. Лохтина ее многому научила, и она уже сама могла переводить его отрывочные заклинания в нормальную речь.

Большинство записанных царицей поучений – о несправедливых гонениях праведника и о пользе этих гонений для души: «Господи, как умножились враги мои!.. Многие восстанут

на меня... В гоненьях Твой путь. Ты нам показал крест Твой за радость... Дай терпение и загради уста врагам...» И опять, как заклинание: «Душа моя, радуйся гонениям... рай построен для изгнанников правды...»

«В гоненьях Твой путь», – уже через несколько лет Аликс будет повторять это в Ипатьевском доме... А пока ей все чаще кажется, что она воочию видит евангельские сцены. Видит поношение пророка...

Она спасет! Она заградит! Она умеет бороться!

И нянька Вишнякова, и фрейлина Тютчева, несмотря на благожелательность Николая, расстались с должностями. Детская вновь стала безраздельным царством Аликс. Теперь она могла хоть изредка тайно приводить туда «Нашего Друга», чтобы он лечил ее бедного мальчика и помогал ее дочерям, когда они хворали.

И, может быть, тогда Распутин понял удивительный закон – чем сильнее наступают его гонители, тем жестче будет отпор царицы, тем быстрее они исчезнут из дворца.

И тем прочнее будет его положение...

Но Аликс видела: Ники нервничает, ибо все время недовольны его мать и большая Романовская семья. Великий князь Константин Константинович писал в дневнике: «Она (вдовствующая императрица. – Э.Р.) в отчаянии, что они продолжают тайно принимать юродивого Гришу».

«Нашему Другу» необходимо было на время покинуть Петербург. Но отослать его в Покровское означало – уступить врагам. Аликс не умела уступать... И было решено: Распутин, как и должно «Божьему человеку», уедет в странствие, повидать самые дорогие для всякого христианина места – Святую землю. Это – награда за все, что он сделал для Семьи. За все гонения, которые он претерпел.

И Распутин в группе русских паломников отправляется в Иерусалим.

Пусть пока улягутся страсти...

Глава 5 «Второе Я» Императрицы

Загадочный соавтор

Из дневника Николая: «4 июня... после обеда мы имели удовольствие видеть Григория после того, как... он вернулся из Иерусалима».

Его впечатления от паломничества в Иерусалим были изданы под названием «Мои мысли и размышления». Филиппов показал в «Том Деле»: «Брошюра издана мною... я не исправлял и не сглаживал афоризмов Распутина и передал их дословно». Однако это не значит, что Распутин сам написал эту книгу – полуграмотному мужику было физически невозможно осилить такой объем текста. В будущем он с трудом будет царапать чудовищными каракулями свои знаменитые записки к министрам – записки всего в несколько слов.

Так что Филиппов «дословно» издал текст, который *кто-то записал со слов Распутина*. Но прежде чем выяснять, кто это был, послушаем голос мужика – восторженную распутинскую речь:

«Безо всякого усилия утешает море. Когда утром встанешь, и волны говорят, и плещут, и радуют. И солнце на море блистает, тихо-тихо поднимается, и душа человека забывает

все... и смотрит на блеск солнца... Море пробуждает от сна сует, очень много думается, само по себе... Боже, дай тишину душевную... На море временная болезнь, на берегу же всегда такая волна... На море всем видна болезнь, а на берегу никому неизвестна – бес душу смущает. Совесть – волна, но какие бы ни были на море волны, они утихнут, а совесть только от доброго дела погаснет...»

Сбылась мечта мужика, казавшаяся неосуществимой: он увидел Его город и Его гроб.

«Что реку́ о той минуте, когда подходил ко Гробу Христа... И такое чувство в себе имел, что всех готов обласкать, и такая любовь к людям, что все кажутся святыми, потому что любовь не видит за людьми никаких недостатков. Тут у Гроба видишь духовным сердцем всех людей...»

Но он знает: далее – молчание, далее – Тайна, и должны закрыться уста, охраняя великую минуту встречи с Гробом Господним: «Боже, что я могу сказать о Гробе! Только скажу в душе моей: «Господи, Ты сам воскреси меня из глубины греховной...» Представим себе его магнетические глаза, наполнившиеся слезами, когда он рассказывал о Святой земле (ибо, как истинный актер, он видел то, о чем говорил), и внимавших ему потрясенных «царей»...

«О, какое впечатление производит Голгофа!.. С этого места Матерь Божия смотрела на высоту Голгофы и плакала, когда Господа распинали на кресте. Как взглянешь на это место, где Матерь Божия стояла, поневоле слезы потекут, и видишь перед собой, как это было. Боже, какое деяние свершилось! И сняли тело, положили вниз. Какая тут грусть и какой плач на месте, где тело лежало! Боже, Боже, за что это? Боже, не будем более грешить. Спаси нас своим страданием...»

Ники и Аликс, так никогда и не побывавшие на Святой земле, увидели ее глазами Распутина. И через несколько лет, готовясь к своей Голгофе, будут вспоминать его рассказы.

Итак, вернемся к тому, что сам Распутин эту книгу написать не мог. И Лохтина ни слова не говорит о своей работе над этим произведением – впрочем, когда-то записанные ей дидактические строки слишком отличаются от вдохновенного текста, который так похож на удивительное «Житие опытного странника»... Видимо, в обоих случаях у Распутина был один и тот же соавтор, способный запечатлеть на бумаге гипнотическую силу его речи.

Об этом соавторе говорит Филиппов: *«Корректурa книги сделана Государыней»*.

Конечно! Та, которая записывала, – и правила корректуру!

Только царица с ее блестящим литературным даром (перечитаем ее письма) смогла в полной мере передать то, что он рассказывал. И думаю, она работала не одна, а вместе с неразлучной Подругой, так же обожавшей писать. Для царицы эта работа – прикосновение к мистическому, сокровенному. Для Подруги – еще большее единение с Аликс.

Падение великого премьера

Но и по возвращении Распутин не мог жить спокойно. Поток поношений против него не прекращался. И опять он диктовал «маме» в тетрадь свои поучения о претерпевших за правду...

Аликс была в ярости. И в конце 1910 года царь пишет резкую записку премьер-министру с требованием пресечь газетную кампанию против Распутина. Но Столыпин попросту проигнорировал царское распоряжение, и травля продолжалась.

Премьер сам готовил решительную атаку. Хотя его попытка устроить официальную слежку за Распутиным и не удалась, секретная агентура Столыпина работала исправно – сведения о Распутине собирались. И в начале осени 1911 года премьер отправился с докладом к царю.

Об этом эпизоде в «Том Деле» есть важнейшие показания Сазонова: «Интересна его (Распутин. – Э.Р.) борьба со Столыпиным, о которой я в дальнейшем рассказываю со слов самого Распутина. Столыпин требовал от царя удаления Распутина. Он принес на доклад дело департамента полиции о Распутине и доложил все, что ему известно компрометирующего... и о том, что он, к великому соблазну общества, ходит в баню с женщинами. На что Государь ответил: «Я знаю, он и там проповедует Священное Писание»... И после доклада приказал Столыпину выйти вон, а доклад бросил в камин... Вот почему за месяц до смерти Столыпина я знал... что его участь решена. Сопоставьте с этим такие мелочи, как то, что на киевских торжествах Столыпину не была предоставлена более или менее приличная и удобная квартира, не был дан автомобиль и т. п.»

Столыпина свалила не Дума, не правые и левые, а собственная атака на мужика. Могущественный премьер начал «политически умирать». Аликс пошла в беспощадный поход против врага «Нашего Друга». И уже вскоре Распутин озвучил ее мысль по поводу премьера: «Распутин говорил о Столыпине... что он слишком много захватывает власти», – показала Вырубова.

Мужик знал: слабый царь не прощает обвинений в собственной слабости. Грозный премьер еще оставался на посту, но уже пополз слух о переводе его наместником на Кавказ, что не преминул с удовольствием отметить в мемуарах его вечный соперник граф Витте.

За десять дней до убийства

Вскоре в Нижний Новгород выехала удивительная экспедиция – мужик и его друг журналист Сазонов. А незадолго до того между ними состоялся весьма примечательный разговор...

Пост министра внутренних дел – ключевой в правительстве. Один из царских министров скажет впоследствии: «Премьер без этого поста, как кот без яиц». Неудивительно, что любой глава кабинета (и Столыпин – не исключение) старался забрать его себе.

Каковы же были изумление и испуг Сазонова, когда мужик сообщил ему, что получил задание от «царей» подыскать... нового министра внутренних дел вместо Столыпина! Более того – Распутин предложил своему другу подумать, кого лучше назначить! И журналист, преодолев страх, видимо, подумал, потому что вскоре предложенная им кандидатура уже обсуждалась в Царском Селе. Это был Нижегородский губернатор Хвостов, с отцом которого Сазонов был в большой дружбе. Потому-то Распутин и Сазонов отправились в Нижний Новгород – «на смотрины».

Алексей Николаевич Хвостов – огромный, тучный (впоследствии Распутин даст ему прозвище «Толстопузый»), был еще молод – 39 лет. Племянник министра юстиции, он происходил из семьи богатых землевладельцев и был известен крайне правыми взглядами.

Приехавших он встретил весьма неожиданно...

Из показаний Сазонова: «Меня как старого друга семьи принял любезно, а Распутин... очень холодно и, по-видимому, был удивлен нашим визитом... он даже не пригласил... обедать. Мы пробыли у него от поезда до поезда...»

Хвостов в «Том Деле» описал это событие красочней: «За 10 дней до убийства Столыпина в Нижний Новгород, где я был губернатором, неожиданно приехали... знакомый еще

моего отца Георгий Петрович Сазонов и вместе с ним Григорий Распутин, которого я ранее никогда не видел... Сазонов, очевидно, чтобы не мешать нашей беседе, оставался в гостиной. Распутин был со мной в кабинете... Распутин говорил о своей близости к царю... и что он прислан царем, чтобы «посмотреть мою душу», и, наконец, предложил мне пост министра внутренних дел».

Естественно, Хвостов сказал, что «это место уже занято».

«Распутин же ответил, что *Столыпин все равно уйдет*... Все это показалось мне настолько странным и необычным, что я не придавал значения беседе со мной Распутина, говорил с ним в полушутливом тоне... и он ушел от меня рассерженным. Я не пригласил его отобедать и отказался познакомить с семьей, о чем он просил...»

Еще бы не странно! Вдруг приезжает непонятная пара: Сазонов – знакомый его отца, всего лишь журналист и издатель, каких много, и мужик – корявый, полуграмотный, о котором ходят какие-то невозможные сплетни, и они всерьез начинают обсуждать с ним... удаление с поста министра внутренних дел могущественнейшего Столыпина!

Хвостов, как и иные «серьезные люди», не знал тогда реального положения мужика при дворе и, естественно, не поверил, что судьбу ключевого поста в правительстве царь мог поручить этой нелепой паре. Все это выглядело абсолютно фантастическим. Заподозрив, что его попросту втягивают в какие-то придворные игры, губернатор предпочел вежливо выставить за дверь странных посланцев, но все-таки попросил полицейских агентов проследить за ними. После чего, как показал Хвостов, он «получил из местной конторы копию телеграммы, которую Распутин послал на имя Вырубовой, приблизительно такую: «Хотя Бог на нем и почиет, но чего-то не достает», и, видимо, окончательно успокоился, решив, что это интрига Подруги царицы.

Как же был поражен (если не сказать – напуган) Хвостов, когда через десять дней Столыпин был убит! И слова Распутина «Столыпин все равно уйдет» показались ему зловещими...

Гибель премьера

Из дневника К.Р.: «3 сентября... С ужасом узнали, что позавчера вечером в Киеве... Столыпин был ранен несколькими револьверными выстрелами».

Покушение произошло при весьма странных оплошностях секретной полиции.

В Киеве по случаю полувекового юбилея отмены крепостного права открывали памятник деду Николаю, освободителю крестьян Александру II. На торжества приехали царь с великими княжнами, а также премьер Столыпин.

Накануне в Киевское охранное отделение явился некий Дмитрий Богров – революционер-террорист, завербованный полицией, но уже несколько лет как прервавший с ней всякие связи. И вдруг он вновь объявился и сообщил, что готовится покушение на Столыпина – в Оперном театре, во время парадного спектакля – и он, Богров, берется его предотвратить.

Глава корпуса жандармов Курлов, глава дворцовой охраны Спиридович и глава Киевской охранки Кулябко – все вдруг оказались необычайно доверчивы. Даже не установив за Богровым наблюдения, они не только пустили его в театр, но... пустили с револьвером!

Во время второго антракта царь вышел из ложи. Столыпин стоял у сцены спиной к оркестру, беседуя с министром двора Фредериксом. К нему подошел молодой человек в черном фраке, выделявшемся среди блестящих мундиров. Это и был Богров. Он преспокойно вынул револьвер и дважды выстрелил.

Столыпин успел повернуться к пустой царской ложе и перекрестить ее. Его вынесли в фойе. 5 сентября он умер.

Учитывая опыт предыдущих убийств, когда правые и тайная полиция руками агентов-provокаторов убивали неугодных царских чиновников, в Думе тотчас заговорили об очередной «кровавой расправе». В своей речи монархист В. Шульгин прямо обвинил охранку: «За последнее время мы имели целый ряд аналогичных убийств русских сановников при содействии чинов политической полиции... Столыпин, который, по словам князя Мещерского, говорил «охранник убьет меня»... погиб от руки охранника *при содействии высших чинов охраны*».

Было назначено сенатское расследование действий Курлова и Спиридовича. Но кто-то, видимо, очень заволновался... По повелению Николая дело было прекращено.

Распутин в день убийства был в Киеве и впоследствии написал о торжествах. Это была почти ода, но выпренные славословия мужика мало кто заметил. А вот его предсказание о «скором уходе» Столыпина и известие о встрече с Хвостовым накануне убийства распространились быстро. Более того, пошли слухи, что он прямо предсказывал скорую гибель премьера. Илиодор в своей книге цитирует будто бы слова Распутина: «Ведь я за семь дней предсказал смерть Столыпина»...

Об этом заговорили в петербургских гостиных. Имя Распутина начали связывать с убийством Столыпина, и эти слухи, видимо, произвели сильное впечатление на Сазонова. Журналист испугался: Распутин и, следовательно, он сам были втянуты в опасную игру, а смерть Столыпина показала, чем кончаются такие игры. «Я стал отходить от него, когда стал замечать, что он приобретает влияние на вопросы верховного управления», – показал Сазонов в «Том Деле».

Слухи о том, что Распутин как-то связан с убийством премьера, вызвали особый интерес у Чрезвычайной комиссии. По этому поводу допрашивали начальника охраны Распутина полковника Комиссарова, но улик не нашли...

Действительно ли Распутин предсказал не просто уход с поста (что было для него просто – он хорошо знал о намерениях Царского Села), но уход из жизни Столыпина? Если так, то и для этого ему не надо было быть пророком. Ибо уже тогда в его окружении появилась крайне загадочная личность – доктор тибетской медицины Бадмаев.

«Хитрый китаец»

Петр Бадмаев происходил из знатного бурятского рода, вырос в сибирских степях, кочевал с огромными стадами, затем отправился в столицу. Там он практиковал тибетские методы лечения и держал аптеку. Вскоре перешел в православие, причем его крестным отцом стал сам император Александр III.

В Чрезвычайной комиссии Бадмаев показал: «Я окончил курс Военно-медицинской академии... добровольно не взял диплом, чтобы иметь право лечить по принципам тибетской медицины... затем я стал практиковать в высшем кругу общества». Тибетскими травами он лечил от всех болезней – неврастении, туберкулеза, сифилиса, а главное – возвращал стареющим мужчинам потенцию.

Впоследствии монархист Пуришкевич цитировал то, что Распутин будто бы говорил о Бадмаеве: «У него есть две настойки. Выпьешь маленькую рюмочку одной – хуй делается большим, а есть еще другая: выпьешь совсем маленькую и сделаешься глупеньким, добреньким... и делается тебе все равно».

И в Петербурге в это верили. Впоследствии будет пущен слух, что бадмаевскими травами Распутин опоил царя, чтобы стал он «добреньким и глупеньким»...

У Бадмаева лечились «сливки общества»: бывший премьер Витте, митрополиты Киевский и Московский, товарищ председателя Государственной Думы Протопопов... «Хитрый китаец» – так звал Распутин Бадмаева. Ибо, кроме тибетской медицины, у него было еще одно захватывающее занятие – предпринимательство.

Он основал торговый дом «Бадмаев и К^о» – арендовал территории у монголов, основал огромное скотоводческое хозяйство, закупил множество верблюдов. Он предлагал сделать эти земли плацдармом для российского проникновения в Монголию и далее – в Тибет. Он заваливал царскую канцелярию проектами, просил субсидии на реализацию своих невероятных планов. Но тщетно... Постепенно он разорился, вынужден был ликвидировать свое хозяйство.

И тогда появился новый план. В семье Бадмаева из поколения в поколение передавались сведения о забайкальских золотых месторождениях. В 1909 году он основал «Первое Забайкальское горно-промышленное товарищество». Однако Столыпин, к его негодованию, остался холоден и к этим начинаниям. Бадмаев вовлек в дело одного из своих тайных пациентов – великого князя Бориса Владимировича, но... после истории с браком Кирилла клан Владимировичей был в немилости у Царской Семьи. И опять государственные субсидии не были выделены, а Бадмаеву нужны были очень большие деньги. Тогда он сам попытался наладить отношения с Царским Селом и, как отмечено в «Том Деле», послал для лечения наследника «лекарство из трав». Но порошки «были возвращены с благодарностью» – Бадмаеву попросту показали на дверь.

Оставался только один человек, который мог ему помочь, – Распутин. И Бадмаев начинает искать сближения с ним...

Одним из пациентов Бадмаева был глава корпуса жандармов генерал-лейтенант Курлов – тот самый, на которого впоследствии легло главное подозрение в организации убийства Столыпина. И коли убийство воистину затевалось, «Хитрый китаец» мог получить от благодарного больного намек на то, что скоро столь не любимый Бадмаевым Столыпин будет устранен. Так что, завязывая знакомство с Распутиным, великий интриган, как доказательство своих больших возможностей, мог, в свою очередь, намекнуть о близком конце Столыпина, который был смертельным врагом «отца Григория».

И Распутин мог предсказать царице (всегда жаждавшей его предсказаний) скорую гибель ненавидимого ею премьера. Как Божью кару...

Месть мертвеца

Гибель Столыпина – водораздел в биографии Распутина. До нее он был тайной, предметом неясных слухов и выдумок, темой для туманных газетных статей. «Серьезные люди» попросту не верили в громадное влияние во дворце какого-то мужика...

Не верил и Московский губернатор Владимир Джунковский. Его родная сестра Евдокия была фрейлиной, подругой Тютчевой и ненавистницей Распутина. Естественно, она рассказывала брату о ситуации во дворце, но... он не поверил. Сам Джунковский, имея придворный чин флигель-адъютанта, приезжал в столицу на дежурство во дворец, приглашался на чаепития с Государем, встречался с придворными, однако, как он писал в воспоминаниях, «считал все слухи выдумкой газет, не придавал им никакого значения... и возмущался, когда его (Распутина. – Э.Р.) имя связывали с именами Государя и Государыни».

Но после убийства премьера Джунковский начинает весьма интересоваться деятельностью Распутина. Так что гибель Столыпина, побежденного безвестным мужиком, заставила «серьезных людей» присмотреться к «победителю»...

Новым премьером был назначен сенатор Владимир Николаевич Коковцов, выходец из старого дворянского рода, человек не блестящий, но исполнительный и честный («всего лишь», как написал о нем Джунковский).

«Столыпин умер, чтобы уступить место вам», – сказала ему Аликс. Она имела в виду – тому, кто будет слушать «Божьего человека», а не преследовать его...

Казалось, со смертью Столыпина миновала самая серьезная угроза Распутину. Но скоро Аликс поймет: произошел парадокс.

Гибель могущественного премьера не только не принесла избавления, напротив, после нее случилось непоправимое: из авторитарической системы ушел страх, без которого она работать не может!

Нет, не зря умиравший Столыпин перекрестил царскую ложу.

Теперь слабый Ники и его жалкие министры остались один на один с Думой. И мужик, которого уже стало модно ненавидеть, оказался беззащитен в отсутствии страха... Убиенный премьер отомстил всем после смерти!

Первыми в отсутствие Столыпина осмелели церковные иерархи.

Драка провидцев

Феофан был далек от мира. Он умел лишь писать тщетные обращения к царю и просить своих друзей обличить Распутина.

А Гермоген умел действовать. Приехав в Петроград на сессию Синода, он понял – пришло время покончить с Распутиным. Нового премьера он не боялся, и обер-прокурора Саблера, скомпрометированного слухами о связях с Распутиным, – тоже.

Хорошо понимая, кто правит в Царской Семье, Гермоген знал, что обращаться к царю бессмысленно. И он решил сломать самого Распутина: обличить его и заставить добровольно уйти из дворца. На тот случай, если тот не согласится, Илиодор приготовил памфлет «Гришка» – где полностью приводил украденное у Распутина письмо царицы, доказывавшее, как считали монах и епископ, ее прелюбодеяние с мужиком. Так что Илиодор и Гермоген были уверены: со вчерашним другом будет покончено.

И наступило 16 декабря – день обличения.

Участники собрались в Ярославском подворье, где жил Гермоген. Пришел Митя Козельский, которому до Распутина так верила царица, – длинный, худющий, с высохшей рукой, в убогой, но чистой мужицкой одежде. Пришел Иван Родионов – публицист, близкий к «Союзу русского народа», почитатель Илиодора, помогавший ему писать памфлет «Гришка». Сам Илиодор, которого Распутин продолжал считать своим другом, должен был к 11 утра привезти Григория.

«Распутин встретил меня очень ласково. Я его пригласил поехать к Гермогену: «Ждет тебя. Так и сказал мне: поезжай и привези... да скорее, хочу с ним повидаться», – вспоминал Илиодор. Сели на извозчика, поехали. Удивительно, но у Распутина, этого интуитивного человека, не было никаких дурных предчувствий (как впоследствии их не будет, когда повезут его убивать). Видимо, он бесконечно доверял Илиодору, и это доверие усыпило его звериную чуткость... По дороге Григорий с наивным изумлением рассказывал о роскоши

нового царского дворца в Ливадии, «как «папа» сам меня водил по дворцу... потом вышли мы с ним на крыльцо, и долго на небо смотрели...»

Наконец приехали. Участники действия ждали их с нетерпением... Когда Распутин раздевался в передней, Илиодор саркастически сказал Родионову: «Посмотрите, Иван Александрович, на старческое рубище!» «Ого! Шапка стоит по меньшей мере 300 рублей, а за шубу здесь надо отдать тысячи две. Вполне подвижническая одежда!» – ответил Родионов. И только тут Распутин заподозрил неладное. Но было поздно...

«Исторический час наступил. Гермоген, я и все свидетели собрались в парадную комнату. «Старец» сел на большой диван. Митя, прихрамывая и помахивая отсохшею рукою, ходил взад и вперед около Григория... Все молчали... А потом произошло... нечто невероятное, смешное, но в то же время и ужасное. Митя с диким криком: «А-а-а! Ты – безбожник, ты много мамок обидел! Ты много нянек обидел! Ты с царицею живешь! Подлец ты!» – начал хватать «старца»... Распутин попятился назад к дверям... а Митя... тыкая ему пальцем в грудь, еще громче, еще неистовее кричал: «Ты с царицею живешь! Ты – антихрист!» И тогда Гермоген в облачении епископа взял в руку крест и сказал: «Григорий, пойдись сюда!..» Распутин приблизился к столу... трясаясь всем телом, бледный, согнувшийся, испуганный».

И наступил финал, описанный Илиодором:

«Гермоген, схватив «старца» кистью левой руки за череп, правую начал бить его крестом по голове, и страшным голосом... кричать: «Дьявол! Именем Божиим запрещаю тебе прикасаться к женскому полу. Запрещаю тебе входить в царский дом и иметь дело с царицей, разбойник! Как мать в колыбели вынашивает своего ребенка, так и Святая церковь своими молитвами, благословениями, подвигами вынянчила великую святыню народную – самодержавие царей. А теперь ты, гад, губишь, разбиваешь наши священные сосуды – носителей самодержавной власти... Побойся Бога, побойся этого животворящего креста!»

Родионов, обнажив принесенную с собой саблю, поволок вконец растерявшегося Распутина к кресту. От него потребовали дать клятву, что он немедленно уйдет из дворца. Распутин поклялся – и на том целовал крест.

Задуманное окончилось успехом. Распутин вышел (точнее – бежал) из епископских покоев жалким мужичонкой, каким когда-то был в Покровском. Он был счастлив, что уцелел, ибо верил, что барин Родионов мог и вправду зарубить его. Вечный мужицкий страх...

Впрочем, никакой цены для Распутина та клятва не имела. У него были свои отношения с Богом, недоступные этим сытым князьям церкви. И его Бог мог простить вырванное угрозой смерти крестное целование. Но мог ли Бог простить предательство вчерашнего друга?

К тому же Распутин знал, что Илиодор обманывал не только его, но и иерархов, ибо было тайное – то, что Илиодор тайл от Гермогена и Феофана и что крепко связывало его с Распутиным...

Предательство Илиодора и насилие Гермогена заставили Распутина тотчас дать телеграмму «маме». «Выйдя из Ярославского подворья, – писал Илиодор, – Распутин отправился на телеграф и послал царям телеграмму... полную невероятной клеветы... Он писал, что будто бы я и Гермоген хотели его у себя в покоях лишить жизни, задушить».

Но клеветы особой тут не было: ведь и саблей грозили, и по голове крестом медным били...

Так закончилось 16 декабря – особый день в жизни Распутина.

Через пять лет в ночь с 16 на 17 декабря его убьют.

Велики были изумление и гнев царицы, когда она получила телеграмму и узнала от Ани подробности о том, как вчерашние друзья попытались лишить жизни «отца Григория», лишить ее и наследника помощи «Божьего человека».

Но Гермоген пошел дальше – на сессии Синода он произнес обличительную речь против хлыстовства. Сначала епископ обрушился на писателей, описывающих хлыстовство (эта тема уже питала бульварную литературу, Арцыбашев и Каменский описывали сцены «радений» и «свального греха»), обличил соблазн этих произведений, и, наконец, перешел к главному – обвинил Распутина «в хлыстовских тенденциях». Синод слушал испуганно – иерархи догадывались, какова будет ярость царицы, и лишь жалкое меньшинство осмелилось поддержать Гермогена. Большинство же вместе с обер-прокурором Саблером выразило недовольство вмешательством пастыря в «вещи, которые его не касаются».

Но Гермоген не успокоился. Более того, в частных разговорах он осмелился говорить о том, что Распутин прелюбодействовал с царицей!

Аликс узнала обо всем от Вырубовой. Теперь Гермоген и Илиодор стали для нее лжецами, прикинувшимися из выгоды друзьями и почитателями «отца Григория». Как посмели они обвинять его – друга Царской Семьи, «Нашего Друга»? И – что чудовищнее всего – как посмели, зная ее, распространять гнусные слухи! Легко представить, что она говорила Ники. И легко представить себе его гнев – гнев царя.

И грянул гром.

Очередное предсказание о гибели «царей»

Из показаний Виктора Яцкевича, директора канцелярии обер-прокурора Синода: «Среди сессии в Рождественские святки (это небывалый случай в жизни Синода) Гермоген получил приказание вернуться в епархию... Он не подчинился этому приказу, и, как я слышал, по телеграфу просил приема у Государя, указывая, что имеет сообщить о важном деле, но ему отказали».

Именно так все описывает и Илиодор, приехавший в Петербург на подмогу Гермогену. В Ярославском подворье монах писал под диктовку потрясенного епископа телеграмму царю. «Гермоген сидел около меня и горько, горько плакал, а я выводил: «Царь-батюшка! Всю свою жизнь я посвятил служению Церкви и Престолу. Служил усердно, не щадя сил. Солнце жизни моей уже зашло далеко за полдень, голова моя побелела. И вот на склоне лет моих с позором, как преступник, изгоняюсь тобою, Государь, из столицы. Готов ехать, куда угодно, но прежде прими меня, я открою тебе одну тайну»

Через Синод от Николая был получен скорый ответ: царь не желал знать ни о какой тайне. «Гермоген, прочитав ответ, опять заплакал. И вдруг сказал: «Убьют царя, убьют царя, непременно убьют».

Саблер, желая избежать скандала, пытался смягчить гнев императора. Однако вскоре обер-прокурор был вынужден печально сообщить премьеру Коковцову, что все симпатии Царского Села отданы Распутину, на которого, по словам царя, «напали, как нападают разбойники в лесу, заманивши предварительно свою жертву в западню».

Наступила развязка. В отсутствие Гермогена Синод официально отправил его «на покой» с проживанием в Жировицком монастыре. Илиодора ссылали во Флорищеву пустынь около города Горбатова с запрещением появляться в Царицыне и Петербурге.

Но случилось небывалое – Гермоген и Илиодор не подчинились царю и не уехали из столицы. Более того, они посмели заговорить публично. Мятежные пастыри согласились на газетные интервью, где клеймили Распутина, Синод и обер-прокурора Саблера.

Тогда же Илиодор решил воспользоваться своим главным, секретным оружием...

Секретное оружие

Вскоре Вырубова получила от бывшего друга Распутина послание, точнее, предупреждение о возможном начале войны: «Сестра во Христе! Доколе же вы будете держаться Григория?.. Если не бросите его, то *разразится грандиозный всероссийский скандал*. Тогда будет беда! Послушайте меня. Побойтесь Бога. Покайтесь. Илиодор».

Вырубова знала, о каком скандале говорилось в послании монаха. Она уже прослышала: Илиодор обещал напечатать свое сочинение против Распутина и предать гласности письма царицы и великих княжон.

По приглашению Вырубовой Илиодор пришел в ее маленький домик в Царском Селе. Его поджидал весь кружок почитателей «старца» – сама Вырубова, ее сестра Сана с мужем Александром Пистолькорсом... В своей книге монах описал, как отважно пришел он на опасную встречу: «В гостиную сидел Пистолькорс... храбрый и жестокий... по его собственным словам, во время революции он своими руками повесил 85 латышей в Прибалтийском крае». (Правда, автор не описал себя – огромного детину с пудовыми кулаками.)

Разговор начал Пистолькорс: «Отец Илиодор! Каким это вы скандалом угрожаете в письме Аннушке? И кто этот скандал собирается устроить, уж не вы ли? Это можно сделать, ведь и Французская революция была устроена тогда, когда королеву оклеветали в краже каких-то бриллиантов».

Муж Саны напомнил о знаменитом деле с «ожерельем королевы» – прологе Французской революции. Там тоже фигурировали письма – подложные письма Марии Антуанетты. Пистолькорс намекал, что документы, которыми грозил Илиодор, сфабрикованы, и напомнил монаху, чем закончился подобный скандал во Франции – падением престижа династии, а потом и гибелью короля и королевы, и многих из тех, кто затеяли это дело...

Но на сей раз письма царицы были подлинными.

Разговора не получилось. Илиодор, видимо, пришел к Вырубовой в надежде, что та попросит отдать письма, а он взамен выторгует для себя и Гермогена право остаться на прежних местах. Но она не могла предложить такого, даже если бы захотела – царица никогда не согласилась бы уступить шантажу. Поэтому, выслушав монаха, Вырубова промолчала – и угрожающим было ее молчание... Илиодор понял: торга не будет. Но не испугался, ибо за ним стояли очень могущественные люди.

Между тем содержание этих писем царицы и великих княжон к Распутину стало распространяться по Петербургу. Из «Того Дела» впервые становится ясным, кому была этим обязана Аликс.

Из показаний Бадмаева: «Около двух лет я лечил юродивого Митю Козельского от катара легких... Митя произвел впечатление умного религиозного мужика».

Когда разразился скандал, Бадмаев тотчас понял, сколь много можно из него извлечь, и через Митю связался с Илиодором и Гермогеном.

Они по-прежнему не уезжали из столицы. Министерству внутренних дел было велено под конвоем доставить в места ссылки упирающихся пастырей. Но министр Макаров понимал, что этого делать нельзя – арест тотчас сделает мятежников героями в глазах общества.

Да и ближайшая сессия Думы сулила большой скандал... Но Аликс не хотела думать об обществе. Она требовала справедливости – как Мария Антуанетта когда-то...

И вдруг, к радости и облегчению министра внутренних дел, исчез Илиодор. Теперь монаха можно было разыскивать и докладывать царице о ходе трудных поисков.

На самом же деле, как показал Бадмаев, это он предложил Илиодору спрятаться у него на даче. Одновременно он «выдал Гермогену медицинское свидетельство... что Гермоген страдает катаром кишок, почему ему необходимо некоторое время пробыть в Петербурге».

Теперь оба мятежных пастыря бесконечно доверяли тибетскому врачу. И ему удалось ознакомиться с рукописью, о которой ходили слухи по всему Петербургу.

Из показаний Бадмаева: «Гермоген прочел мне записку Илиодора под названием «Гришка» (где были письма царицы и великих княжон. – Э.Р.) и рассказал следующее: «На основании писем царицы, лично переданных Распутиным Илиодору, они пришли к убеждению, что Распутин живет с царицей».

«Хитрый китаец» понял: пробил его час. И начал действовать.

В своих показаниях в «Том Деле» Бадмаев раскрыл всю интригу. Он предложил правительству спасти положение – обещал уговорить Илиодора и Гермогена «без эксцессов отправиться в места ссылки». Но взял обещание у министра внутренних дел Макарова, «что произойдет отъезд Гермогена в ссылку почетно, без стражи, в особом вагоне». Счастливый Макаров немедленно согласился, «и я привез Гермогена на вокзал на своем моторе».

Благодарный епископ написал Илиодору: «Поезжай во Флорищеву пустынь, послушай Петра Алексеевича (Бадмаева. – Э.Р.), он тебе худого не сделает...» И Илиодор, которому Бадмаев организовал отдельное купе, также согласился мирно отбыть в ссылку – к не меньшему восторгу Макарова.

Теперь правительство ходило у Бадмаева в должниках. Но он не успокоился – решил сделать своим должником и царицу. Перед отъездом Илиодора он попросил отдать подлинники писем, объяснив монаху: «Я намереваюсь ходатайствовать о возвращении вас из ссылок и прошу препроводить мне подлинники письма... чтобы я мог убедиться в справедливости ваших слов (об отношениях царицы с Распутиным. – Э.Р.)... Илиодор согласился, сказал, чтобы я прислал за ними человека во Флорищеву пустынь». Через две недели бадмаевский посланец появился у Илиодора, но тот уже передумал и на глазах гонца подлинники «заменял копиями».

Итак, писем у Бадмаева не было, но рукопись Илиодора с их копиями была. Можно продолжать игру...

И Бадмаев начинает сближаться с Распутиным, благо, есть повод – он оказал «Нашему Другу» великую услугу, без скандала удалил в ссылку обоих его врагов. Но встречаться с Распутиным приходилось крайне осторожно: от своих пациентов, связанных с тайной полицией, Бадмаев узнал новость – за Распутиным теперь неотступно следуют агенты охранного отделения.

Полицейская летопись

То, что не удалось Столыпину, сделал Макаров. Судя по документам департамента полиции, «вторичное наблюдение за Распутиным... установлено по распоряжению министра внутренних дел Макарова с 23 января 1912 г.».

Царь вынужден был пойти на это. После истории с Гермогеном и Илиодором Распутина действительно надо было охранять. Ему объяснили: враги могут попросту подстеречь его, избить, изувечить, убить, наконец, – потому-то его и охраняют. «Избить, изувечить, убить» – это мужик хорошо понимал... В агентурных донесениях он получил кличку «Русский», которая будто отражала милый сердцу «царей» его облик – простого русского мужика.

Так начинается удивительная летопись его жизни. Теперь мы будем знать о нем все. Буквально каждый его шаг отразят в своих донесениях агенты наружного наблюдения, неотступно следующие за бородатым невзрачным человеком в крестьянской поддевке. «24.01.12. Русский, проживает Кирочная, 12 (у Сазонова. – Э.Р.) в 10 ч. 15 мин. из дома отправился в магазин. Через 4–5 минут вышел, имея при себе бутылку, видимо, с вином, и отправился на набережную реки Мойки... В 4 часа пополудни передан наблюдению второй смены». И уже другие агенты пристально следят за ним...

«Почти ежедневное посещение Распутиным квартиры Головиных... К Головиным он являлся обыкновенно в 2–3 часа». В это время туда приезжали Зинаида Манчтет и Лили Ден. «Весь день он провел в обществе поименованных женщин...»

«Квартира Головиных» – типичный петербургский дом обедневшей аристократии.

«Я любила бывать в этом темноватом, таинственном, старом доме, любила прохладу его больших комнат с чопорной старинной мебелью, – вспоминала Жуковская. – Муня... в своей неизменной серой вязаной кофточке... светлые пряди ее волос, выбиваясь из небрежной прически, падали на выпуклый лоб. Она, как всегда, улыбнулась мне своей приветливой улыбкой... Отношение ее к Распутину – это не поклонение перед святостью, это какая-то слепая вера... Как могло такое чопорное, в строгих правилах прежней узкой морали воспитанное семейство, как Головины, не только мириться с разнузданностью поведения Распутина, но даже делать вид или на самом деле ничего не замечать из того, что его окружало?»

Такой вопрос задавала себе Жуковская. Об этом, но думая уже о Царской Семье, спрашивали себя и великие князья.

День за днем полиция фиксирует события его жизни, описывает людей из его окружения. Некоторые из них нам уже попадались, например, Зинаида Манчтет, 39 лет, жена коллежского секретаря. Пять лет назад она жила у Распутина в Покровском и была допрошена Тобольской консисторией. Через три года маленькая блондинка вновь отправится в Покровское с нянькой царских детей Вишняковой, и та увидит Манчтет в поезде «лежащей вместе со старцем в нижнем белье»...

А вот «Юлия Александровна Фон-Ден, жена капитана I ранга Карла Ден» познакомилась с Распутиным совсем недавно. Эта молодая, очень хорошенькая женщина, состоящая в дальнем родстве с Вырубовой, стала теперь второй близкой подругой царицы. Муж Лили (так ее звала Аликс) был против знакомства жены со «старцем», но дружить с царицей и не познакомиться с «Нашим Другом» конечно же невозможно. И когда у Лили заболел сын, она позвала Распутина...

В 1917 году Лили Ден была вызвана в Чрезвычайную комиссию и дала показания, оставшиеся в «Том Деле»: «Он приехал вместе с Лохтиной... Поражали его глаза. Не только их взгляд был пронизывающим, но строение их было особенным – они глубоко лежали в глазной впадине и на белке их было какое-то возвышение. Первое чувство, которое я испытала, когда он вошел, это было чувство страха... оно прошло, когда он очень просто заговорил со мной. Я его провела в детскую, где спал мой больной мальчик. Распутин помолился над спящим и затем стал тормошить его, желая разбудить. Я испугалась, потому что... боялась, что вид незнакомого мужчины его испугает. Но к моему удивлению он... проснувшись,

со словами «дядя» потянулся к Распутину... Распутин довольно долго держал его на руках, гладил, ласкал, говорил так, как говорят с детьми, и затем опять уложил в кровать... На другой день после этого визита мальчику стало лучше. Это произвело на меня впечатление... Я стала бывать у него 2–3 раза в неделю – то у него, то у Головиных, то у Сазоновых...»

В агентурных сводках 1912 года все время мелькает имя одной из главных героинь распутинской истории – крестьянки Городецкого уезда Могилевской губернии Акилины Лаптинской. Эта еще молодая, очень полная, с высокой грудью женщина в 1907 году жила среди других «дамочек» в Покровском и вместе с Лохтиной и Манчтет была допрошена в ходе расследования Тобольской консистории. На допросе Лаптинская сказала, что познакомилась с Распутиным в 1905 году, когда она, будучи сестрой милосердия, жила в Петербурге и «помогала Лохтиной в период болезни». Но, скорее всего, Распутин знал ее и раньше...

В «Том Деле» Мария Головина показала, что «Акилина Никитична Лаптинская... жила ранее в Верхотурском монастыре... но затем произошла какая-то неприятная история, и она ушла, поступив на японскую войну сестрой милосердия».

Верхотурский монастырь – особое место для Распутина, там началось его преображение. И весьма вероятно, что женщина, которой впоследствии он станет доверять всецело, почти слепо, появилась в его жизни, когда он посещал обитель... В период распутинского пьянства Лаптинская поможет ему «укрощать плоть», и агенты полиции через незанавешенные окна кухни будут наблюдать любопытные сцены между дородной Акилиной и Распутиным...

В 1912 году Лаптинская, как сказано в отчете департамента полиции, «служит экономкой у Николая Шеповальникова, доктора медицины и директора частной гимназии» и становится одной из главных фигур в окружении Распутина – в иерархии его поклонниц она идет сразу после Вырубовой (безумную, постаревшую Лохтину мужик избегает).

Акилине вскоре предстоит удивительная карьера...

«Поездки по городу Русский совершал в карете Головиных, или в таксомоторах, или реже на извозчиках, нанимаемых поклонницами... Весь день появлялся с какой-нибудь из упомянутых женщин (Ден, Манчтет, Лаптинской, Головиной или Сазоновой. – Э.Р.)», – доносят агенты.

Но наконец он оставался один...

Тайная жизнь

Из показаний агентов наружного наблюдения: «Один на улице он появляется редко... Когда же это было, он отправлялся на улицу, где ходят проститутки, брал одну из них и отправлялся в гостиницу или в бани...»

«Проводя время с высокопоставленными дамами, не прекращает посещение проституток...»

«На Сенной площади... взял проститутку...»

«Заходил с женщиной в квартиру Анохиной... Анохина Федосья сдает свою квартиру для временных свиданий...»

«Распутин, гуляя по разным улицам, приставал к женщинам с гнусными предложениями, на что женщины отвечали угрозами, а некоторые даже плевали на него...»

«Отправился на Невский, взял проститутку Петрову и пошел с ней в бани...»

Очень часто фигурируют бани в этой бесконечной погоне за женским телом. Бани в Покровском, куда он водил «дамочек», бани в Петербурге, куда он водит теперь и «дамочек», и проституток...

«Семейные бани Русский посещал с женой Сазонова (43 лет)...»

«В семейные бани на Конюшенной заходил с проституткой, взятой у Полицейского моста...»

«С проституткой Анной Петровой – туда же...»

Причем проститутки Распутин берет иногда несколько раз в течение дня! Эта неутомимость заботливо подчеркивается агентами.

«Заходил 2 раза в бани с невыясненной проституткой...»

«От проститутки Ботвининой и Козловой... поехал к Головиным, вышел от них через 2 часа, снова взял проститутку и пошел с ней в бани...»

Отмечается при этом и странная стремительность Распутина:

«Вместе с женой коллежского секретаря Зинаидой Манчтет был в Ивановском монастыре, затем пошел на Гончарную, встретил проститутку и отправился с ней в гостиницу, где пробыл 20 минут...» В другой раз, опять же от Манчтет, у которой пробыл полтора часа, «Русский с неизвестной женщиной, возможно проституткой, заходил в дом... и через 20 минут вышел...»

«В течение 2 часов у него оставалась Мария Сазонова... после чего он взял проститутку и пошел с ней на ее квартиру... оттуда скоро вышел...»

Таковы приметы странного распутинского секса, которые зафиксировало наружное наблюдение. Но однажды неутомимым агентам удалось выяснить, что же происходило *внутри* – за дверью квартиры «веселой женщины». Тоже нечто странное: «Распутин купил ей две бутылки пива, сам не пил... *попросил раздеться, осмотрел тело и ушел*».

Мы запомним это наблюдение, как и еще одно: «Русский, когда идет один, разговаривает сам с собой, размахивает руками и хлопает себя по туловищу, чем обращает внимание прохожих».

Выйдя от очередной проститутки, он сам с собой ведет этот странный разговор...

«Истина, которая нам непонятна»

Мария Головина переписывалась со своим «возлюбленным братом» Феликсом Юсуповым, жившим тогда на берегах Альбиона – сей юный англоман получал образование в Оксфордском университете. Однако, как справедливо писал сам Юсупов, «учеба никогда не была моей сильной стороной». Он много развлекался, блестящую компанию ему составляли тогдашние оксфордские студенты – Александр Карагеоргиевич, будущий регент Югославии, будущий португальский король Мануэль и прочие титулованные джентльмены. И вся веселая компания с изумлением читала в английских газетах про скабрзные похождения «средневекового старца», столь любимого при русском дворе. Так что вскоре Головина получила насмешливое письмо от Феликса, где он вспоминал встречу с Распутиным и интересовался, почему все газеты так часто пишут о непотребстве «святого Григория».

Загадочный и возвышенный ответ Марии Феликс сохранил в своем архиве.

«14 февраля 1912... В каком бы веке ни появлялись люди, открывающие другую жизнь, их всегда будут преследовать и гнать, как всех, кто шел по стопам Христа. Вы слишком мало его знаете и видели, чтобы понять его личность и ту силу, которая им руководит, но я знаю его теперь 2 года и уверена, что он несет Крест Божий и страдает за *истину, которая нам непонятна*... И если Вы немного знакомы с оккультизмом, то знаете, что все великое скрывается под известной оболочкой, которая для профанов закрывает путь к истине...»

«Истина, которая нам непонятна... великое скрывается...» – так она пыталась намекнуть ему на нечто, доступное лишь посвященным.

В то время в светском обществе распространились слухи о скором возвращении молодого князя Юсупова и о предстоящем блестящем браке. И Мария начинает мечтать о скорой встрече «брата Феликса» с «отцом Григорием».

Крым... На этом райском полуострове было последнее могучее татарское ханство, здесь правили когда-то предки Юсуповых. Теперь над морем стояли дворцы великих князей, а также белый Ливадийский, принадлежавший Царской Семье, и крымский дворец Юсуповых.

В 1911 – в начале 1912 года Феликс получал в Оксфорде письма от матери, не покидавшей целебный для нее Крым. «Соседи» – так называлась в этих письмах Царская Семья – не забывали Юсуповых...

«31 мая 1911... Соседи наши переехали в Петербург. В день отъезда я получила трогательное письмо и букет лилий на прощанье...»

В день именин мать Феликса получила неожиданный подарок от «Соседей».

«14 октября 1911... Вдруг Алексей (слуга. – Э.Р.) торжественно входит и докладывает: «Государь Император!» Я думала, что с моими гостями сделается «родимчик»... Я ужасно тронута этим вниманием и не ожидала такого именинного подарка... Императрица чувствует себя все неважно и не выезжает...»

Да, Аликс к ней не приехала. И дело было, видимо, не в болезни, но в тесной дружбе Зинаиды Юсуповой с Елизаветой Федоровной и в ее неприязни к «Нашему Другу». Но царь, великие княжны и наследник приезжали, и не раз, о чем радостно писала мать Феликсу, ибо эти посещения доказывали, что скоро свершится задуманное – тот самый «блестящий брак», в результате которого Юсуповы должны были породниться с Царской Семьей. Ирина (дочь великого князя Александра Михайловича и родной сестры царя Ксении) влюбилась в Феликса. И теперь Зинаида в отсутствие сына прилагала немало усилий, чтобы брак состоялся.

Впрочем, отец Ирины весьма благоволил к матери Феликса.

«Зинаида, – как писал Александр Михайлович в своих воспоминаниях, – была безумным увлечением моей ранней молодости». Великий князь никогда не забывал, как «ныло мое сердце... на Исторических балах, когда в золотом боярском кафтане я танцевал все танцы с красавицей». И Зинаида знала свою власть над ним.

«15 ноября... Еду пить чай в Ай-Тудор (имение Александра Михайловича. – Э.Р.)... Ирина была поразительно красива (дорогой комплимент в ее устах! – Э.Р.)... Родители спросили про тебя, когда ты кончаешь Оксфорд...»

Это был призыв. И Феликс стал готовиться к возвращению в Россию.

Было ли письмо царицы?

Но вернемся к тибетскому врачу. Предупрежденный о наблюдении за мужиком, Бадмаев постарался «не светиться» в полицейских донесениях. Он встречался с Распутиным на квартирах третьих лиц, что было нетрудно – ведь Бадмаев лечил «весь Петербург».

«Он произвел на меня хорошее впечатление умного, хотя и простого мужика, – показывал Бадмаев в «Том Деле». – Этот малограмотный мужик имел хорошее знание Священного Писания».

«Умный и интересный... простой мужик, необразованный, а понимает вещи лучше, чем образованные», – восторженно отзывался Бадмаев о «Нашем Друге». Но недаром впоследствии, когда Бадмаев уже сам станет его близким другом, Распутин с усмешкой скажет о нем: «Этот китаец обманет хоть самого черта».

Именно тогда, в начале дружбы с Распутиным, Бадмаев передал в Думу... антираспутинское сочинение Илиодора «Гришка»! В этом памфлете (который лег впоследствии в основу знаменитой книги Илиодора «Святой черт») настоящей «бомбой» были похищенные у Распутина письма великих княжон и царицы. Послания девочек особого интереса не представляли, но письмо Аликс...

«Возлюбленный мой и незабвенный учитель, спаситель и наставник, – писала Государыня всея Руси, – как томительно мне без тебя... Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову свою склоняю на твои блаженные плечи. О, как легко мне тогда бывает! Тогда я желаю одного: заснуть, заснуть навеки на твоих плечах, в твоих объятиях. О, какое счастье даже чувствовать одно твое присутствие около меня... Где ты есть? Куда ты улетел? А мне так тяжело, такая тоска на сердце... Только ты, наставник мой возлюбленный, не говори Ане о моих страданиях. Без тебя Аня добрая, она хорошая, она меня любит, но ты не открывай ей моего горя. Скоро ли ты будешь опять около меня? Скорей приезжай. Я жду тебя и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благословения и целую твои блаженные руки. Вовеки любящая тебя М<ама>».

Это письмо, размноженное на гектографе, Гучков в самом начале 1912 года раздавал думским депутатам. Нетрудно представить их потрясение... По мнению многих читавших, письмо доказывало ужасное: мужик жил с царицей!

Впоследствии историки избегали его цитировать – не верили, что царица могла написать подобное. Да и сам Бадмаев, передавший «Гришку» в Думу, подлинника письма не имел. Так что, может быть, никакого письма царицы вообще не было?

Но подлинник вскоре нашелся. Полиция (и это было отмечено в протоколах Чрезвычайной комиссии) выследила некую госпожу Карбович, почитательницу Илиодора. У нее был произведен обыск и изъяты подлинные письма царицы и великих княжон, которые монах передал ей на хранение.

Коковцов пишет в своих воспоминаниях: «Макаров дал мне прочитать эти письма... Одно, сравнительно длинное, было от императрицы, *совершенно точно воспроизведенное в распространенной Гучковым копии*».

Итак, письмо, напечатанное в памфлете Илиодора и распространявшееся Гучковым, было написано царицей!

«Макаров не знал, что с ним делать, и высказал намерение передать их Государю... я возразил, что этим он поставит Государя в щекотливое положение, наживет в императрице непримиримого врага... я советовал передать письма императрице – из рук в руки...»

Но министр внутренних дел, видимо, тоже превратно понял содержание письма и подумал, что если царь прочтет *такое* письмо, оно станет концом царицы... И он вручил конверт с письмами Николаю. Как рассказывал впоследствии сам Макаров Коковцову, «Государь побледнел, вынул письмо императрицы из конверта и, взглянув на почерк, сказал: «Да, это не поддельное...» и открыв ящик стола резким, непривычным ему жестом, бросил туда письмо».

«Ваша отставка обеспечена», – сказал Макарову Коковцов после его рассказа.

Все это подтверждает в своих показаниях и Вырубова: «Министр внутренних дел лично привез подлинники этих писем Государю. Я сама видела привезенные Макаровым письма и утверждаю – это были подлинники, а не копии». И добавляет, что Макаров «вызвал гнев царицы, не отдав ей ее письмо к Распутину».

Впрочем, оказалось, что царица... *сама удостоверила подлинность своего письма!* 17 сентября 1915 года она писала мужу о своих врагах: «Они не лучше Макарова, который показывал посторонним мое письмо к Нашему Другу».

Царь не мог не понять причину, по которой Макаров передал письмо ему. И это должно было его разгневать... Министр был обязан уничтожить письмо и объявить всем негодьям, лезшим в личную жизнь Семьи, что ничего подобного попросту не существовало! Но Макаров посмел этого не сделать.

«Обманет хоть самого черта»

После того, как с письмом ознакомился царь, ни на какую благодарность Аликс Бадмаеву уже нечего было рассчитывать. Вот почему «Хитрый китаец» решил получить благодарность от ее врагов.

Но он-то отлично знал, что царица – невиновна. «Прочитав копии писем, я убедился в том, что в них не заключается никаких доказательств, что царица живет с Распутиным», – показал Бадмаев в «Том Деле».

Опытный врач, он понял, что это было лишь письмо женщины, измученной болезнью сына и ужасными предчувствиями, женщины, молившей облегчить ее страдания. Это было ее горе. И только Распутин умел снимать у нее приступы острой неврастении. При этом она старалась писать понятно для «старца» – на его возвышенном, полном любви языке.

Но справедливо писал Коковцов: «Отдельные места и выражения из письма императрицы, состоявшие в сущности в проявлении ее мистического настроения, *давали повод к самым возмутительным пересудам*». И Бадмаев понимал, как будут читать эти письма ее враги. И как они будут благодарны... Он решил оказать Думе незабываемую услугу – и тайно ознакомил с сочинением Илиодора товарища председателя Государственной Думы Протопопова.

Из показаний Бадмаева: «Я показал «Записку» моему старому пациенту Протопопову... Он попросил у меня разрешения ознакомить с ней Гучкова и Родзянко. Обязался не использовать ее, но нарушил...»

Вот тогда-то, как вспоминал Коковцов, и «стали распространяться по городу отпечатанные на гектографе копии... писем – одно императрицы Александры Федоровны, остальные от великих княжон к Распутину».

Так «использовал» письмо Гучков. Легко впадавший в гнев, он кипел от ярости, прочтя «Гришку». Убийство Столыпина, рукопись Илиодора, газетные публикации о влиянии полуграмотного мужика-хлыста – все сплелось для него в единую картину падения власти.

«Последней каплей» для Гучкова стала обличительная статья богослова и журналиста Новоселова. В ней автор клеймил Распутина: «Негодующие слова невольно вырываются из груди православных русских людей по адресу... гнусного растлителя душ и телес человеческих, Григория Распутина...» Он задавал вопрос Святейшему Синоду: как долго можно терпеть «эротомана... хлыста... шарлатана... эту уголовную комедию, жертвами которой стали многие, чьи письма находятся в моих руках...»

Мистическое распутство

Как бы в приложение к статье, Новоселов переслал Гучкову и свою брошюру «Распутин и мистическое распутство». В ней были напечатаны его прежние статьи против Распутина, а также некая «Исповедь N».

Драма этой несчастной женщины началась, когда она узнала об измене мужа. Она тотчас ушла от него, забрала детей и «затеяла дело о разводе». Муж покончил с собой. Она обвиняла себя в его смерти, не хотела жить... Но вскоре «одна знакомая в разговоре предложила мне познакомиться с одним мужичком, который очень успокаивает душу и говорит сокровенное».

Распутин помог ей выйти из депрессии, познакомил со своими «ученицами». Они «укрепили убеждение в его святости... Я старалась подчиняться во всем, и когда в душе восставало: «не надо», «не хочется», или тяжесть была «к исполнению послушаний»: душа во многом не шла, — то я боролась все это, настаивая, что не понимаю, что все это ново, и что слова его — святой закон, и не мне рассуждать»...

А потом начались его ласки... «Ласки его меня иногда тяготили — бесконечные прижимания и поцелуи, с желанием поцелуя в губы. Я скорее в них видела опыт терпения и радовалась концу их».

Она поехала в Покровское с маленьким сыном. «Ехали: Григорий, одна сестра, я и сын. Вечером, когда все легли... (Господи, что Вы должны услышать!), он слез с своего места и лег со мною рядом, начиная сильно ласкать, целовать и говорить самые влюбленные слова и спрашивать: «Пойдешь за меня замуж?» Я отвечала: «Если это надо». Я была вся в его власти, верила в спасение души только через него, в чем бы это ни выразилось. На все на это: поцелуи, слова, страстные взгляды, на все я смотрела, как на испытание чистоты моей любви к нему, и вспоминала слова его ученицы о смутном испытании, очень тяжком. (Господи, помоги!) Вдруг он предлагает мне соблазниться в грешной любви... Я была уверена, что это он испытывает, а сам чист... (Господи, помоги написать все!) Он заставил меня приготовиться... и начал совершать, что мужу возможно... имея надо мною насилие, лаская, целуя, и тому подобное... заставляя меня лежать и не сопротивляться. О, святой владыко!»

После чего Берладская излагает удивительные взгляды Распутина на «грех», которые он пытался ей объяснить. О них мы поговорим далее, когда наконец перейдем к его главной тайне — к его учению...

Получив статью и брошюру, Гучков разыграл все, как по нотам. Статья Новоселова была напечатана в газете «Голос Москвы». А поскольку премьер Коковцов и министр Макаров уже не раз выслушивали недовольные речи царя по поводу статей о Распутине, в редакции газеты устроили обыск. Тираж номера со статьей Новоселова и найденные экземпляры его брошюры были конфискованы.

Теперь Гучков мог начать действовать. Он обратился к Думе.

Восстание думцев

Узнав о конфискованных изданиях, обличавших в разврате фаворита-мужика, Дума дружно возмутилась. И тогда к восторгу депутатов Гучков предложил внести «спешный запрос в правительство о незаконности требований к прессе не печатать статьи по поводу Распутина». Предложение было принято невиданным большинством (против подан всего один голос — Распутин впервые объединил Думу, ненавидящих друг друга правых и левых).

В принятом запросе цитировалась... вся запрещенная статья!

И теперь царь должен был получить в виде думского документа самые ужасные обвинения против человека, любимого его Семейей.

Как отнеслась царица к этой публикации? Это был уже второй рассказ бывшей верной последовательницы Распутина о грешных подвигах «Божьего человека». Сначала Вишнякова, теперь Берладская... Неужели она по-прежнему не верила? Или... знала нечто такое, что объясняло ей происшедшее совсем иначе?

Материалы Новоселова, несмотря на конфискацию, разошлись по обеим столицам в рукописных копиях и в уцелевших экземплярах – как всегда в России. Как вспоминал потом Родзянко, их продавали за баснословные деньги.

После запроса Гучкова начался поистине девятый вал газетных публикаций о «старце». В виде протеста против «незаконного удушения» вся российская пресса стала описывать похождения «Нашего Друга» – часто вымышленные. Цензура конфисковывала номера, издатели с удовольствием платили штрафы, читатели охотились за запрещенными газетами, тиражи росли.

Имя Распутина стало нарицательным.

Из дневника великой княгини Ксении: «25 января... Чем все это кончится? Ужас...»

Из дневника генеральши Богданович: «18 февраля 1912 г. Более позорного времени не приходилось переживать. Управляет теперь Россией не царь, а проходимец Распутин... Распутин жаловался, что пресса на него нападает, что он готов уехать, но нужен тут «своим». Под «своими» он подразумевает царскую семью...»

«22 февраля... *Весь Петербург взбудоражен тем, что творит в Царском Селе этот Распутин. У царицы, увы, этот человек может все!!!!*»

«Не делайте ему слишком больно...»

Вновь избранный председателем Государственной Думы Родзянко верил, что запрос Гучкова поставил царя перед необходимостью решить вопрос о Распутине. И начал заранее готовиться к высочайшей аудиенции. Однако прежде ему пришлось побеседовать с вдовствующей императрицей. Прочитав газеты, она пришла в ужас – и позвала Родзянко...

Его ввели в маленький кабинет Марии Федоровны, и она сразу спросила о запросе Гучкова. Родзянко описывает в своих воспоминаниях, как он объяснял, что запрос должен «успокоить умы... так как толки о Распутине зашли в обществе слишком далеко»... Но вдова Александра III уже поняла: Распутин – это опаснейший рычаг, при помощи которого можно опрокинуть великую империю... (Впоследствии Керенский сформулирует: «Без Распутина не было бы Ленина».)

Родзянко долго рассказывал о беспутствах «Нашего Друга»... Она слушала молча и только в самом конце вдруг сказала: «Я слышала, вы намерены говорить об этом с Государем. Не делайте этого. Он слишком чист душой, чтобы поверить во зло».

Она знала характер сына. Когда на Николая давили, он становился бесконечно упрям и вспоминал, что он самодержец – он, у которого уже не было возможности им быть. Ибо единственный, кто мог защитить его от безумных говорунов из Думы – Столыпин – был мертв...

Прощаясь, вдовствующая императрица попросила «этого славного толстяка», так мало понимавшего ее сына: «Не делайте ему слишком больно...»

13 февраля Мария Федоровна вызвала к себе премьера. «Разговор, который длился полтора часа, – записал Коковцов, – был целиком посвящен Распутину». После чего она отправилась к Ники и Аликс.

Из дневника Николая: «15 февраля... К чаю приехала мамá имели с ней разговор о Григории».

Из дневника Ксении: «16 февраля... Мама́ так довольна, что *все сказала*... Аликс защищала Распутина, говоря, что это удивительный человек, и что мама́ следует с ним познакомиться... Мама́ только советовала его отпустить теперь, когда в Думе ждут ответа... Аликс объявила, что нельзя уступать... Тем не менее, они были очень благодарны мама́ за то, что она так откровенно говорила... И она даже поцеловала мама́ руку...»

Вдовствующая императрица могла повторить то, что накануне сказала Коковцову: «Моя несчастная невестка неспособна осознать, что она навлекает гибель на себя и на династию. Она глубоко верит в святость этой сомнительной личности».

Но совету матери царь все же последовал. Как и всегда во время разгоравшегося вокруг мужика скандала, он решил, что «Нашему Другу» лучше пока побыть в Покровском.

«18.02.1912... Русский уезжал с Николаевского вокзала, – записали агенты. – Провожали: Зимняя, Птица, Ворона, Голубка, Сова и человек 15 неизвестных обоего пола...»

Теперь в агентурных сводках все постоянные поклонницы Распутина получили клички, присвоенные с полицейской образностью. Лаптинская именуется за степенность и домовитость «Совой», Зинаида Манчтет, похожая на девочку, несмотря на свои 37 лет, нежно зовется «Голубкой», Головина-мать – «Зимняя», ибо весьма немолода и живет на Зимней канавке, Муня с ее чистыми глазами – «Птица», черноволосая и черноглазая жена Сазонова – «Ворона»... Избежала прозвища лишь Вырубова – не посмели из-за близости к «особам».

Агенты следуют вместе с ним в поезде и сообщают: «22-го прибыл в Тюмень, встречали жена и дочь и очень были обрадованы его приездом».

О запросе Гучкова мужик написал «царям» уже из Покровского (письмо сохранилось в дневнике Лохтиной): «Миленькие папа и мама! Вот бес-то силу берет окаанный. А Дума ему служит там много люцинеров (революционеров. – Э.Р.) и жидов. А им что? Скорее бы прочь Божьего помазанника долой. И Гучков господин их... клеветет, смуту делает, запросы. Папа, Дума твоя, что хошь, то и делай. Никаких запросов не надо...»

28 февраля, «вооружившись документами» (все той же брошюрой Новоселова), Родзянко отправился с докладом к царю. Сначала он заговорил о вечно дурном управлении Кавказом и наконец перешел к главному: к «всеобщему негодованию, когда все узнали, что Распутин – хлыст».

– Но отчего вы думаете, что он хлыст? – спросил царь.

Родзянко заявил: полиция проследила, что он ходит в баню с женщинами.

– Так что ж тут такого? У простолюдинов это принято.

И тогда Родзянко рассказал о брошюре Новоселова, о «Тобольском деле», о письмах и исповедях распутинских жертв, о Лохтиной, которую Распутин довел до сумасшествия, о «радениях» на квартире Сазонова, где Распутин жил, и, наконец, о пагубном влиянии, которое «старец» может оказать на душу наследника.

– Читали ли вы доклад Столыпина? – спросил царь.

– Нет. Я знал о нем, но не читал.

– Я ему отказал.

Наивному Родзянко в царских словах послышалось сожаление. Он не понял, что Николай хотел сказать: ничего нового вы мне не сообщили, я уже все это слышал. Царь усмехался про себя: он знал, что никаких «радений» у Сазонова не происходило, что Лохтина многим кажется сумасшедшей только потому, что она оставила суетный свет и избрала новую жизнь, и что никаких точных данных о хлыстовстве Распутина в «Тобольском деле» нет...

Царь предложил Родзянко взять «дело» из Синода и изучить его. Председатель Думы был счастлив – ему показалось, что он выиграл... Потом Николай познакомил его с наслед-

ником. Родзянко игриво представился мальчику: «Самый большой и толстый человек в России». И Алексей, «удивительно симпатичный ребенок», рассказал ему, как он собирал деньги на благотворительные цели – «целый день простоял с кружкой и собрал один целых 50 рублей».

Толстяк решил, что знакомство с наследником – знак высочайшего доверия. Но, скорее всего, Николай показал ему сына с иной целью. Родзянко должен был понять: душа ребенка чиста, ибо «Наш Друг» учит его любви и служению ближним.

Уже на следующий день Родзянко с энтузиазмом начал расследование. «Мне... было указано взять дело из Святейшего Синода, рассмотреть его и доложить, каково мое мнение о Распутине. Дело мне привез товарищ обер-прокурора Даманский».

Даманский – еще один назначенец Распутина в Синоде. Сыну сибирского священника, жалкому синодскому канцеляристу, посчастливилось стать другом «старца» – Распутин останавливался в его доме во время своих визитов в Петербург. И обер-прокурора Саблера заставили взять Даманского в заместители.

Аликс тотчас узнала от Даманского о передаче «Тобольского дела» – и заволновалась. Прямых улик в «деле» не было никаких, но она знала, как враги «Нашего Друга» умеют использовать косвенные улики...

Из воспоминаний Родзянко: «Уже на следующий день он (Даманский. – Э.Р.) звонит мне по телефону и просит принять...

– Я приехал просить, чтобы вы отдали мне секретное дело о Распутине.

– А высочайшее повеление у вас есть?

– Нет... Но это очень высокопоставленное лицо, вас просит... Государыня...

– Передайте Государыне, что она такая же подданная Государя, своего супруга, как и я.

– Ваше превосходительство, я с собою привез законоучителя детей императора...

Оказалось, это протоиерей Васильев... Он начал мне говорить:

«Вы не знаете, какой прекрасный человек Распутин...»

Я взбесился:

– Вы приехали хвалить негодяя, развратника и хлыста! Вон из моего кабинета!»

Пошли часы революции

Но запрос в Думе был лишь началом гучковской игры. 9 марта 1912 года во время обсуждения государственного бюджета последовало острое продолжение. Когда очередь дошла до бюджета Синода, Гучков встал и произнес знаменитую речь против Распутина, с которой и надо начать отсчет падения династии.

Он заговорил о драме, которую переживает вся страна. «В центре ее – загадочная трагикомическая фигура, точно выходец с того света или пережиток темноты веков».

Столыпин, монолит, поддерживавший династию, исчез. Оттого-то и прозвучала эта речь, а в ней – дерзкий вопрос Гучкова, немыслимый еще год назад, когда был жив могущественный премьер: «Какими путями достиг этот человек центральной позиции, захватил такое влияние, перед которым склоняются высшие носители государственной и церковной власти?... Вдумайтесь только, кто хозяйничает на верхах!...»

Царь был взбешен – его унизили! Он написал на докладе: «Поведение Думы глубоко возмутительно» и высказался еще определенной. Впоследствии Гучков рассказал в Чрезвычайной комиссии:

«Мне передал один из министров, что высочайше было заявлено: «Гучкова мало повесить!» Я ответил: «Моя жизнь принадлежит моему Государю, но моя совесть ему не принадлежит, и я буду продолжать бороться».

Уже после выступления Гучкова Зинаида Юсупова по просьбе своей подруги, великой княгини Елизаветы Федоровны, попыталась впервые заговорить с царицей о Распутине. В ответ она получила реплику от «соседки по крымскому поместью»: «Гучкова и Родзянко надо повесить».

В это время Родзянко подготовил доклад царю по «Тобольскому делу», где, естественно, торжествующе сообщал о доказанной вине Распутина. Просьбу Родзянко об аудиенции Николай вернул Коковцову с резолюцией: «Поведение Думы возмутительно... я не желаю принимать Родзянко» и сказал: «Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен, выдумок и злобы... Постараюсь вернуться из Крыма как можно позже».

Из дневника А. Богданович: «14 марта... Завтра вся царская семья уезжает в Крым, и Распутин тоже... Печально писать, какие вкусы у царицы, если она терпит этого хлыста...»

Их ждал поезд. Впереди – белый дворец в Ливадии. Императрица прошла по перрону, не попрощавшись с провожавшими. Царь был мрачен. Он очень устал от всей этой истории.

А Распутин действительно приедет в Крым. Он будет вызван туда из Покровского шифрованной телеграммой без подписи, которую отправит Вырубова. Так Аликс еще раз докажет всем: воля императрицы превыше суждений общества.

Благословение на безумие

В то время мужик жил в Покровском неторопливой сельской жизнью. Но идиллию нарушила безумная генеральша. Лохтина пришла в Покровское босиком, питаясь по дороге подаванием. Одета вчерашняя законодательница петербургской моды была пугающе – в странный белый балахон, увешанный лентами и маленькими иконками. Провожаемая изумленными взглядами крестьян, она шла по деревне, выкрикивая «Христос Воскресе!», хотя до Пасхи еще было далеко...

История ее безумия осталась в «Том Деле». В 1911 году, когда Распутин еще дружил с Илиодором, изгнанная из семьи Лохтина приехала в Царицын...

Из показаний Марии Головиной: «Из Царицына она... возвратилась в белом монашеском одеянии и босиком... Тогда я познакомилась с Илиодором, который высказался, что в духовной жизни Лохтина дошла до такой степени высоты, что ее можно благословить на «юродство»... Илиодор даже хотел отслужить по этому поводу молебен в нашем доме и благословить Лохтину на «юродство», но мать моя категорически этому воспротивилась. Тем не менее Лохтина, слыша такое мнение Илиодора, *резко изменила свое поведение и стала юродствовать*... Лохтину перестали пускать не только в ее квартиру в Петрограде, но и в ее собственное имение в Казанской губернии, которое она путем дарственной перевела на свою дочь... жила она исключительно подаванием...»

Теперь она стала таким русским королем Лиром в юбке, точнее – в безумном белом балахоне. Газеты много писали о том, что Распутин свел с ума несчастную генеральшу. И Головина на следствии показывала: «Поведение Лохтиной вызывало опасение, что это может повредить отцу Григорию».

Распутин запретил ей юродствовать. Лохтина вроде бы послушалась, но продолжала постоянно кричать «Христос Воскресе!» Он так гневался при этом крике, будто чего-то боялся, и нещадно бил генеральшу.

Но при всем этом безумная Лохтина сохраняла над мужиком какую-то странную власть. И не только над ним – над Вырубовой и даже над «царями», которым осмеливалась посылать порой резкие и гневные телеграммы. Да и Муня Головина почтительно целовала у ней руку...

В начале марта 1912 года Лохтина прибыла в Покровское и явилась в дом Распутина, очередной раз взбесив хозяина криком «Христос Воскресе!» Но на этот раз генеральшу ждал жесточайший удар: она узнала о непоправимом – разрыве между Илиодором и Распутиным. «Христос» и «Саваоф» стали врагами. Мироздание рушилось. «Лохтина, обожавшая и Илиодора, и Распутина, стремилась примирить их между собой, но это ей не удалось и тяжело отразилось на ее душевном равновесии», – показала Муня в «Том Деле».

Изгнание из рая

Это случилось посреди дня. На глазах изумленных односельчан разыгрался дикий эпизод. Они увидели, как жена Распутина выволокла из дома за волосы «петербургскую дамочку» и прямо на улице стала ее избивать.

Отсюда и пошли знаменитые легенды о ревливой жене, которая вытаскивала женщин из постели мужа, выволакивала их за волосы из собственного дома... Так и должны были пересказать это газетчикам простодушные крестьяне, не посвященные в таинственный мир, который начинался за распутинскими воротами. Поверил в эту версию и следователь Чрезвычайной комиссии, пристрастно допросивший Лохтину о ее драке с женой Распутина «на почве ревности».

«Что касается ревности, то жена Распутина действительно ревновала меня (если это можно назвать ревностью), но не к мужу, а к Илиодору, которого я почитала... Что же касается драки, то драка была», – признает Лохтина в «Том Деле» и объясняет: «Как-то раз, когда Распутин находился с семьей в гостях у односельчанина, я зашла в избу к другому и, узнав здесь о большой нужде хозяев... стала настойчиво просить отца Григория подарить мне корову. Нужно сказать, что если я что задумаю... не отстану, пока не будет исполнено, что я желаю. Это было в присутствии какого-то приезжего гостя, причем я упрекнула жену Распутина в скаредности (заметим: не самого Распутина, а его жену. Он выше обыденной жизни, с ним можно говорить лишь о вечном. – Э.Р.)... По уходе гостя Распутина, упрекая меня, что я ее обличила при постороннем, схватила меня за волосы... и побила меня».

Но простодушный следователь не понял «особых отношений» жены Распутина с его поклонницами – отношений, исключавших ревность... О них рассказывает в своих показаниях чиновник Б. Алексеев – один из поклонников Распутина. Во время посещения Покровского «моя жена и жена Распутина шли по дому... и наткнулась на пикантную сцену с участием отца Григория. Моя жена ахнула и отвернулась. И тогда жена Распутина ей пояснила: «У каждого свой крест. У него – этот...»

Так что Лохтина говорила правду: ревности не было места в его доме. Но причину поведения распутинской жены она так и не поняла. Конечно, отдать свою корову русская крестьянка не могла, и обвинения в жадности по этому поводу были для нее просто смешны. Но избивала она генеральшу совсем по другой причине. Идея, о которой расскажет впоследствии следователю Лохтина, – «Я решила быть верной обоим, Распутину и Илиодору» – пугала «Нашего Друга». Распутин, видимо, боялся, что хитрый Илиодор использует безумную генеральшу как лазутчицу. Ее надо было убрать из Покровского, потому-то и пришлось жене найти повод придрататься и изгнать Лохтину из дома, что она и сделала.

Из показаний Лохтиной: «Я уехала от них во Флорищеву пустынь (туда был выслан Илиодор. – Э.Р.). К Илиодору меня не допускали, и я только в его передней прокричала,

что приехала... Затем меня выслали, и был составлен протокол, что я нахожусь в припадке безумия».

Но она не унималась. Дома Лохтину не принимали, путь к Распутину и Илиодору был закрыт. И она решила поселиться хоть в какой-то близости к прежнему раю – рядом с монахом Макарием, духовным отцом «Саваофа», в любимом распутинском монастыре. «Я поехала в Верхотурье к отцу Макарию... Келья старца ремонтировалась, и я помещалась в небольшом чулане, дверь которого старец припер доской, положив на нее камень... Питалась я раз в сутки, получая оставшуюся от отца Макария пищу». Однако монахи не поняли ее порыва и потребовали удалить женщину из мужского скита.

Но, как справедливо отмечала сама Лохтина, если она что-то решала, переубедить ее было невозможно. «Тогда приехала полиция и предъявила требование о моем отъезде. Я ответила, что добровольно не уйду... Но мне пришлось удалиться, так как монахи... напали на него (Макария. – Э.Р.) и побии. Об этом я телеграфировала Государю: «Прошу защитить старца Макария... которого Вы сами знаете».

И Государь защитил: монахов наказали, духовнику Распутина быстро отремонтировали келью и сделали к ней пристрочку, чтобы безумная генеральша могла жить при Макарии...

Но следователя Чрезвычайной комиссии, видимо, не удовлетворили показания Лохтиной. Он по-прежнему не верил в невинные причины ее драки с женой мужика. И он возвращается к ее отношениям с Распутиным. Но о них Лохтина говорит глухо и уклончиво, как и положено говорить с непосвященными в учение «Саваофа»: «Страсти были далеки от меня, когда я находилась около отца Григория...» И добавляет: «Дерево плохое не может приносить хорошего плода. А если так, то чем объяснить, что поклонники или поклонницы Распутина бросали роскошь и жизнь не по Евангелию и на прежний путь больше не возвращались? Я говорю об истинных поклонниках, которые следовали его указаниям».

Истинные поклонники – те, «которые следовали его указаниям», а точнее – его учению. Только они понимали смысл происходившего в доме.

Лето с «царями»

Получив зашифрованную телеграмму от Вырубовой, «Наш Друг» тотчас отбыл из Покровского.

Из донесений агентов: «10 марта Распутин сел на обратный поезд в Петербург». И уже из столицы он вслед за «царями» отправился в Крым.

Вместе с Семей в Крым поехали сестры царя Ольга и Ксения. В пути великие княгини заговорили о Распутине (впрочем, тогда уже вся Россия говорила о нем).

Из дневника Ксении: «10 марта... В вагоне Ольга нам рассказала про свой разговор с ней (Аликс. – Э.Р.). Она первый раз сказала, что у бедного Маленького эта ужасная болезнь, и *оттого она сама больна и никогда окончательно не поправится*. (Так тетка впервые в открытую услышала о смертельной болезни племянника. – Э.Р.)... Про Григория она сказала, что как ей не верить в него, когда она видит, что Маленькому лучше, как только тот около него или за него молится... Боже мой, как это ужасно и как их жалко!»

Когда Распутин приехал в Крым, Аликс объявила, что «ничего об этом не знала». Но, как записала в дневнике Ксения, «была обрадована и, говорят, сказала: *«Он всегда чувствует, когда он мне нужен»*».

Ники пришлось, как всегда, смириться.

Распутин жил в Ялте, откуда его возили в Ливадию на автомобиле. Во дворец он проходил тайно, без записи в камер-фурьерском журнале. Но когда царский автомобиль проезжал по городу, вся Ялта знала: Распутина повезли к царице. И охрана во дворце, пропуская авто, видела, кого провезли во дворец. Тем более что «Наш Друг» гордо выглядывал из окна машины, не желая прятаться.

Все это время газеты по-прежнему трубили о Распутине. Только в апреле 1912 года гибель «Титаника» и несчастных пассажиров, беспомощно утонувших в ледяной воде под ясным звездным небом, на некоторое время вытеснила с газетных полос сообщения о мужике. Но в мае на первых страницах вновь замелькало знакомое имя.

8 мая Илиодор подал Синоду прошение, больше похожее на ультиматум: «Предайте суду Распутина за его ужасные злодеяния, совершенные им на религиозной почве, или снимите с меня сан. Я не могу помириться с тем, чтобы Синод, носитель благодати Святого Духа, прикрывал «святого черта», ругающегося над Церковью Христовою... С осквернением достояния Господня не помирюсь!»

Тогда же Даманский издал рукопись, которую «Наш Друг» когда-то подготовил с помощью Лохтиной. И Аликс могла опять прочесть в ней множество слов о гонениях – вечной судьбе праведников. «Тяжелые переживаю напраслины. Ужас что пишут, Боже! Дай терпения и загради уста врагам!.. Утешь, Боже, своих! Дай Твоего примера...»

Распутин вернулся из Крыма в Петербург в начале мая. Жил, прячась от журналистов. «Опять появился на сцене Распутин», – записала в дневнике Богданович.

Вскоре он выехал в Москву. На Николаевском вокзале агенты зарегистрировали обычных провожавших – «Сову», «Зимнюю» с дочкой, «Ворону»...

В московском поезде и состоялась эта встреча.

«Единственный, осмелившийся выступить в защиту его»

Через пару недель произошла сенсация – среди моря антираспутинских публикаций вдруг появилась большая статья в его защиту.

Автор статьи Алексей Филиппов был богат, имел собственный банк, редактировал успешную газету. При этом у него была заслуженная репутация либерала – он провел год в крепости за «непозволительные слова» о власти, в точности исполнив насмешливое пожелание модного поэта: «Это что – *стоять* за правду, ты за правду *посиди*». Филиппов был другом пострадавшей из-за Распутина фрейлины Тютчевой и с гадливостью относился к «старцу» – до того дня, когда встретился с ним в поезде...

В 1917 году Алексей Фролович Филиппов, 48 лет, был вызван в Чрезвычайную комиссию, где показал: «В 1912 г. я поехал в Троице-Сергиеву Лавру. Когда... я сел в поезд, то увидел в вагоне какого-то мужика в поддевке с... поражающей внешностью – с глубоко лежащими в глазных впадинах мистическими глазами, с орбитами, окруженными коричневыми пятнами. Его провожала... дородная женщина в черном (оказалась потом, его секретарша Акилина Лаптинская). В вагоне... он с детской наивной любовью рассматривал новый огромный кожаный кошелек, очевидно, только что кем-то подаренный. Я спросил: «Откуда у вас этот кошелек?» Этим вопросом началось мое знакомство с Распутиным... *По какому-то чутью мне показалось, что мой новый знакомый – сектант... принадлежит к секте хлыстов...* Он говорил образно, афоризмами на самые разные темы... в особенности меня поразили в нем глубокая вера в русский народ и разумное, не холопское отношение к самодержавной власти... *причем он стоял за единение царя с народом без посредства бюрократии...* Я особенно чутко отнесся к нему, потому что еще недавно был... приговорен к году крепости за то, что осмелился указать представителю верховной власти на то, что он не понимает

сущность самодержавия... Невольно поэтому у меня вырвалось: «Вот если бы такой человек, как ты, попал к царю...» Тогда он вышел в коридор, поманил меня таинственно за собой и сказал: «Ты не говори им... я ведь Распутин, которого ругают в газетах...»

Беседа продолжилась. «Его интерес к живописи побудил меня предложить ему поехать в Москву. На это он согласился с юношеской восторженностью, не свойственной его возрасту... В Москве Распутина никто не встречал, и он поехал к Николаю Ивановичу Решетникову, бывшему нотариусу, а потом его секретарю. Но уже в тот же день аккуратно явился в Кремлевское подворье... Необыкновенным было внимание, с которым он слушал мои часовые лекции, например, о Василии Блаженном... Мы пробыли в Москве двое суток, наполнив свое время посещением церквей. Вот в это время я сблизился с Распутиным до степени дружбы, и по возвращении в Петроград, где я редактировал газету «Дым Отечества», стал я его посещать... Виделись мы тогда ежедневно, и меня поразило... что Распутин занимал маленькую, очень убогую комнатку, не соответствовавшую представлениям о нем... властном фаворите императорской семьи... *Распутин сам не пил вина и других удерживал*... Пришедший в восторг от моих разговоров на тему об управлении государством, воскликнул: «Хочешь быть губернатором? Я смогу это сделать...» Жил он просто и даже бедно, о дворе и своих отношениях ко двору говорил скупно и неохотно. На мой однажды заданный вопрос, неужели ему Государыня ничего не дает, он ответил: «Скупа... страсть как скупа»... Распутин в это время... нуждался... видно из того, что он брал у меня по 25 копеек на извозчика и однажды прислал за 25 рублями, которые ему не хватало на дорогу в Сибирь, хотя впоследствии... каждый день швырял сотни и тысячи случайным людям, у него просившим».

Распутин знакомит своего нового приятеля с Вырубовой, открывая вчерашнему либералу мир «царей». Филиппов становится свидетелем обычной сцены преклонения Подруги перед мужиком. Но вырубовские восторги не помешали ему понять главное:

«Вырубова произвела на меня впечатление женщины, восторженно относящейся к Распутину... но... *применяющей его как средство для того, чтобы оказать определенное влияние на императрицу*».

В ответ Филиппов решает представить Распутина своим либеральным друзьям.

«Вскоре в редакции «Дым Отечества» я застал беседу издателя этой газеты Александра Львовича Гарязина... с юрисконсультантом Морского министерства Иваном Баженовым, который рассказывал со слов какого-то придворного о половых безобразиях Распутина с Государыней и говорил, что *нужно составить заговор, чтобы убить «такую собаку»*. Я возразил, что я только что с ним познакомился, совершенно им очарован и поделился своим впечатлением... Я предложил Гарязину прокатить Распутина куда-нибудь на автомобиле».

Гарязин, владелец столь редкого тогда автомобиля, с охотой согласился повидать скандальную знаменитость. «От посещения музея... Распутин отказался... находя, что картины – чепуха... жизнь гораздо лучше... Гарязин предложил Воспитательный дом, Распутин, к величайшему удивлению, согласился... В Доме он преобразился... брал на руки каждого ребенка, взвешивал, расспрашивал, чем его кормят... В автомобиле он сказал, что следовало бы деревенских девушек возить сюда со всей России, тогда они научились бы крепко рожать и крепко младенца держать... Впечатления... он передал Государыне, которая... неожиданно приехала в Воспитательный дом, бегло осмотрела его и занялась мыслями об устройстве института охраны материнства... Я воспользовался удобным случаем и поместил в «Дыме Отечества» защитительную статью по поводу личности Распутина... которая вызвала в печати, травившей Распутина, одинаково, как слева так и справа... удивление... Распутин пришел в неистовый восторг от того, что я был единственный человек, осмелившийся печатно, в пору величайшей его травли и выступлений против него Гучкова в Думе,

выступить в защиту его... С этого момента он исполнял все просьбы мои и желания беспрекословно, в большинстве случаев являлся ко мне за советом и интимно посвящал меня в детали своих переживаний. Причем никогда... не сказал ни одного слова о своих каких бы то ни было интимных отношениях не только к Государыне, которую всегда характеризовал одним словом «умница», но и вообще к какой-нибудь женщине...»

Как не похож этот образ на одержимого похотью жутковатого мужика, охотившегося на женщин по петербургским улицам! Кто же он? Хитрый оборотень и половой психопат? Или?... Или мы его по-прежнему не понимаем, мы – только на пути к его тайне...

Два джентльмена с «грамматическими ошибками»

В июне 1912 года в петербургском свете распространилась волнующая новость.

«7 июня... Вчера вечером Ольга Николаевна (старшая дочь царя. – Э.Р.) помолвлена с Дмитрием Павловичем», – записала в дневнике генеральша Богданович.

Государь любил Дмитрия. Сохранились его письма к Николаю – забавные письма юного насмешника. Высокий и стройный, как большинство Романовых, красавец – в нем было все, чего не было у Ники.

После возвращения отца из-за границы он по-прежнему жил в Царской Семье. Но Аликс его не любила, ибо Дмитрий никогда не скрывал яростного презрения к мужику. И царицу совсем не радовал брак Дмитрия с дочерью... Именно тогда в Петербург из Англии прибыл блестящий повеса, который, к счастью Аликс, все изменил, – Феликс Юсупов.

Как потом вспоминал Феликс, они часто виделись с Дмитрием в 1912–1913 годах: «Он жил тогда с Царской Семьей в Александровском дворце, но все свободное время... проводили вместе».

Юсупов, который был на несколько лет старше Дмитрия, совершенно очаровал великого князя. После затворнической, монотонной жизни Александровского дворца с княжнами и императрицей, вечно хлопочущими над несчастным наследником, Феликс открыл Дмитрию иной мир. Он сделал то, что когда-то сотворил с ним самим его старший брат: вовлек Дмитрия в воспаленную жизнь ночного Петербурга. Теперь по ночам авто поджидало двух плейбоев. «Почти каждую ночь мы ездили в Петербург и вели веселую жизнь в ресторанах, ночных кафе и у цыган. Мы приглашали артистов ужинать вместе с нами в отдельном кабинете. И Павлова была часто с нами».

Но с ними была не только великая балерина. Нетрадиционные пристрастия Феликса, о которых он сам пишет в воспоминаниях, привлекали в кабинет и некоторых знаменитых балетных артистов...

Царская Семья была в ужасе. «Их Величества, знавшие о моих скандальных похождениях, косо смотрели на нашу дружбу», – вспоминал Феликс. Точнее – «цари», знавшие о гомосексуальных наклонностях Феликса, которые карались тогда законами империи, испуганно следили за пылкой привязанностью Дмитрия.

И вскоре будущему царскому зятю было запрещено встречаться с Юсуповым. «За этим теперь следила тайная полиция», – вспоминал Феликс.

В августе состоялся столетний юбилей Бородинской битвы. В Москве от Брестского вокзала по всей Тверской стояли выстроенные шпалерами войска, толпы народа. Гудели колокола бесчисленных церквей. Под крики «ура» царь, Аликс, наследник и Ольга заняли места в первом экипаже. Дмитрий сидел в последней коляске. Все искали его глазами – жениха царской дочери.

Но Феликс оказался для Дмитрия притягательнее, важнее и царских запретов, и царской дочери. Их встречи продолжались. Молва объясняла это просто: Дмитрий был бисексуален. Будущий любовник знаменитой Коко Шанель был тогда безумно влюблен в Феликса (на жаргоне тогдашних великосветских салонов – «делал грамматические ошибки»).

Дмитрий предпочел покинуть Александровский дворец и поселился в собственном доме в Петербурге. Феликс помогал ему меблировать дом – с той утонченной роскошью, которой славился дворец Юсуповых на Мойке.

Итак, Дмитрий сделал свой выбор. Теперь Аликс с чистым сердцем могла (вернее, была обязана) расстроить помолвку – жених царской дочери скомпрометировал себя скандальной привязанностью... Однако Николай продолжал испытывать слабость к Дмитрию и предложил осторожно относиться к сплетням в его адрес.

Распутин понял, что от него требуется. Он не подвел благодетельницу и тотчас предсказал, что Дмитрий от развратной жизни вскоре заболеет кожной болезнью. И уже Аликс по его просьбе приказывает дочерям «мыть руки особым раствором после встреч и рукопожатий великого князя». И царь сдается...

Возможно, именно в то время состоялась еще одна встреча Феликса с Распутиным, о которой Юсупов не упоминает в своих воспоминаниях. Встреча эта обросла легендами. О ней рассказывала мне актриса Вера Леонидовна Юренева: Феликс, взбешенный вмешательством «Нашего Друга» в дела Дмитрия, повторил то, что успешно проделывал уже много раз – переодетый в девушку, он где-то встретился с Распутиным. Когда тот начал приставать, Юсупов поднял Распутина на смех, оскорбил его. И за это получил пощечину от мужика...

Однако эта история кажется весьма сомнительной. Почему Феликс тут же не пристрелил Распутина? Убить развратного мужика, посмеявшегося поднять руку на князя, – такой поступок одобрили бы многие. Правда, сама ситуация была уж очень двусмысленна... Может быть, поэтому Феликсу пришлось стерпеть?

Слухи о пощечине казались мне совершенно фантастическими, пока в «Том Деле» я не нашел удивительные показания подруги царицы Юлии Ден.

«Что касается князя Феликса Феликсовича Юсупова... то этот женственный и изящно одетый молодой человек бывал у Распутина до моего знакомства с ним и в год этого знакомства (то есть в 1912 году. – Э.Р.)... Знаю, что во время какого-то спора князя с Распутиным, которому не понравилось поведение князя, *Распутин ударил его*, после чего князь перестал у него бывать...»

Значит, пощечина была? Если так, тогда многое становится ясно. Не здесь ли кроется причина страстной ненависти, которую потомок татарских ханов питал к Распутину? И которую именно тогда начинает демонстрировать мать Феликса – гордая красавица Зинаида Юсупова?

Реабилитация распутина

Царь не принял Родзянко, и обвинения Распутина в хлыстовстве продолжали появляться на страницах газет. Какова же была радость царицы, когда новый Тобольский епископ провел новое расследование, и Тобольская консистория приняла совсем другое заключение по делу Распутина!

«Преосвященный Алексей, епископ Тобольский... основательно изучил следственное дело о Григории Новом. Проезжая по Тюменскому уезду... он останавливался в слободе Покровской и подолгу здесь беседовал с крестьянином Григорием Новым о предметах его

веры и упования, разговаривал о нем с людьми, его хорошо знавшими... Из всего вышеуказанного преосвященный Алексей вынес впечатление, что дело о принадлежности крестьянина Григория Распутина-Нового к секте хлыстов возбуждено в свое время без достаточных к тому оснований, и со своей стороны считает крестьянина Григория Нового православным христианином, человеком очень умным, духовно настроенным, ищущим правды Христовой, могущим подавать при случае добрый совет тому, кто в нем нуждается». На основании доклада епископа и «в связи с новыми данными» Консистория протокольным определением от 29 ноября 1912 года постановила: «Дело о крестьянине слободы Покровской Григории Распутине-Новом дальнейшим производством прекратить и причислить к оконченным».

Прочитав это заключение, царь попросил немедленно разослать его в Синод, министрам и в Думу – чтобы толстяк Родзянко мог успокоиться...

Причины появления нового заключения, ныне находящегося в Тобольском архиве, были для меня загадочными, пока я не нашел в «Том Деле» показания сына Тобольского епископа, Леонида Алексеевича Молчанова, которые и объяснили всю эту историю.

Молчанов впервые увидел Распутина в 1912 году. Было ему тогда 23 года, и служил он секретарем при прокуроре Псковского окружного суда. Отца его в том году перевели из Пскова епископом в Тобольск, и Молчанов поехал навестить его в свой отпуск. «7 июля я выезжал на пароходе из Тюмени в Тобольск... Когда стало известно, что пароходом поедет Распутин... это произвело в толпе известного рода сенсацию». И хотя «после газетных статей... отношение к нему было оппозиционное», Молчанов решил познакомиться со «старцем».

«Я провел с ним весь день до пристани Покровской, где ему надо было сходить... Распутин говорил, что про него пишут много неправды, что Гермоген и Илиодор вместо исполнения пастырского долга, занялись политикой... и что Государь не любит «синодских», которые вместо исполнения пастырского долга любят лишь пышные одежды, ленты и ордена и являются в Царское как сановники, а не как пастыри». Выслушав рассказ о гонениях на Распутина, Молчанов тотчас ответил рассказом о гонениях членов Синода на его отца. Дело в том, что Алексей был раньше епископом Таврическим и, как объяснил сын, его оклеветали с целью убрать из Крыма – «чтобы очистить кафедру для Феофана, которого выпирали из Петрограда. Распутин стал жалеть моего отца... заявил, что, как только представится случай, он расскажет «папе» и «маме».

История эта, естественно, очень заинтересовала Распутина. Особенно когда он узнал, в чем именно «оклеветали» Алексея.

Об этом рассказывает в «Том Деле» директор канцелярии обер-прокурора Синода Виктор Яцкевич. Оказалось, что Алексей потерял епископство в Крыму отнюдь не из-за Феофана, но из-за молодой учительницы Елизаветы Кошевой, с которой иерарх был в связи. Сначала его перевели в Псков, но в тамошней епархии, как показал Яцкевич, «находился печально известный своей ересью Воронцовский монастырь, ставший гнездом секты иоаннитов». Это были поклонники Иоанна Кронштадтского, почитавшие своего кумира земным воплощением Христа. Была у них и своя «богородица» – Порфирия Киселева. «Таким образом, – поясняет Яцкевич, – они были обычной сектой хлыстовского типа». И Алексей не только не боролся с ними, но начал покровительствовать этому «кораблю», за что епископа и перевели еще дальше – в Тобольск.

Алексей страдал нефритом и тяжело переносил холодный климат Тобольска. Но у епископа не было друзей в Синоде, которые могли бы помочь ему снова перебраться на юг. Так Распутин узнал: в Тобольской епархии, куда входило и его родное село, теперь сидел нуж-

ный ему епископ – обиженный, без связей, нуждавшийся в поддержке и, главное, – лояльно относившийся к хлыстам.

Уже 10 июля Алексей, как показал его сын, «получил телеграмму из слободы Покровской, в которой Распутин просил благословения приехать к нему в Тобольск... Распутин прогостил 3 дня». И вскоре последовало первое поощрение Алексея – провинциального епископа позвали в Царское Село, в маленький Анин домик, который при дворе насмешливо называли «папертью власти». На паперти в церкви нищие просили денег – здесь выпрашивали высшие должности...

Из показаний Молчанова: «Отец познакомился с Вырубовой и... служил всенощную и обедню в Федоровском соборе... после чего завтракал у Вырубовой... За завтраком была послана телеграмма на яхту (где находилась Царская Семья. – Э.Р.)... на которую... был получен милостивый ответ».

Епископ отблагодарил Распутина. Расследование Тобольской консистории о его хлыстовстве было закрыто.

Чудо! Чудо!

Осенью 1912 года Распутин воистину совершил чудо – спас жизнь наследнику. Даже недруги мужика будут вынуждены признать это.

Трагедия началась в октябре в Спале – охотничьем замке в заповедной Беловежской Пуще, где шла царская охота. В замок съехалось множество гостей. Шли веселые празднества, но то, что творилось в одной из дальних комнат, оставалось тайной для всех.

Однажды во время бала швейцарец Жильяр (он преподавал цесаревичу французский язык, а впоследствии станет его воспитателем) вышел из залы во внутренний коридор и очутился перед дверью, из-за которой слышались отчаянные стоны. Вдруг в конце коридора он увидел императрицу – она бежала, придерживая руками мешавшее ей бальное платье. Ей пришлось покинуть бал в самом разгаре – у мальчика начался очередной приступ нестерпимых болей. От волнения она даже не заметила Жильяра...

Из дневника Николая: «5 октября... Невеселые именины провели мы сегодня, бедный Алексей уже несколько дней страдает от вторичного кровоизлияния».

Началось заражение крови. Врачи готовили Аликс к неизбежному концу. Пришлось официально объявить о болезни наследника.

Из дневника К.Р.: «9 октября... Появился бюллетень о болезни Цесаревича. Он единственный сын Государя! Сохрани его Бог!»

Годом раньше у Алексея случилось кровотечение в почках. И тогда, как писала в дневнике Ксения, «послали за Григорием. Все прекратилось с его приездом».

Теперь же Распутин был далеко. Но Аликс верила – его молитва победит любое расстояние.

Из показаний Вырубовой: «Распутину была послана телеграмма с просьбой помолиться, и Распутин успокоил телеграммой, что наследник будет жить... «Бог воззри на твои слезы и внял твоим молитвам... твой сын будет жить».

Когда Аликс с измученным от бессонных ночей лицом торжествующе показала врачам эту телеграмму, те только печально покачали головами. И с изумлением отметили: хотя мальчик по-прежнему умирал, царица... сразу успокоилась! Так она верила в силу Распутина. Врачам казалось тогда, что в замок вернулось Средневековье, однако... наследник выздоровел!

Аликс была счастлива: она воочию узрела чудо. Одной молитвой, даже не приехав в Спалу, «Божий человек» спас ее сына!

21 октября министр двора Фредерикс объявил: «Острый и тяжелый период болезни Его Императорского Высочества... миновал». «Разве этого было недостаточно, чтобы снискать любовь родителей!» – вспоминала Вырубова.

А по приезде Распутина в Петербург «цари» еще раз слышали обнадеживающее...

Из показаний Вырубовой: «Врачи говорили, что у наследника кровоотечение наследственное и он никогда из него не выйдет вследствие тонкости сосудов. Распутин успокоил их, утверждая, что он *вырастет из него*...»

Именно тогда Распутин впервые заявил, что сразу же после окончательного выздоровления наследника он покинет двор.

И Аликс верила и *боготворила* мужика. К сожалению, мы употребляем верное слово...

Слухи о возможной смерти цесаревича заставили действовать брата царя – Михаила. В случае печального исхода он становился наследником престола. Но он знал – в этом случае царь и Семья уже ни за что не позволят ему жениться на его любовнице Наташе Вульферт, разведенной жене ротмистра.

Пепельные волосы и бархатистые глаза самой элегантной женщины Петербурга победили – Михаил поторопился. 31 октября вдовствующая императрица получила письмо из Канн: «Моя дорогая мама... как мне тяжело и больно огорчать тебя... но две недели назад я женился на Наталье Сергеевне... я, может быть, никогда не решился бы на это, если бы не болезнь маленького Алексея...»

Теперь будущее трона для Семьи было связано только с больным мальчиком.

Теперь оно находилось в руках «странного божества» – так назвал Распутина кто-то из газетчиков.

А «странное божество» продолжало свою удивительную жизнь. И агенты продолжали отсылать донесения в департамент полиции: «03.12.1912... посетил редакцию духовных газет «Колокол» и «Голос истины» с Любовью и Марией Головиной... После чего на Невском взял проститутку и пошел с ней в гостиницу».

«9 января. С Сазоновой хотел посетить семейные бани, но они были закрыты. Он расстался с ней и взял проститутку».

«10 января... К проститутке...»

«12 января. Побывав у Головиных, взял проститутку».

Все то же четкое чередование: из чопорного дома Головиных – к проститутке, потом встреча с Вырубовой, посещение бань с одной из поклонниц, опять проститутка... Иногда по вечерам – на автомобиле в Царское Село.

Теперь этот гон за телом стал для него обычным – он отчего-то совсем не боится доносов «царям». «Если в первые приезды перед свиданиями с проститутками он проявлял некоторую осторожность, оглядывался и ходил по глухим улицам, то в последний приезд эти свидания проходили совершенно открыто», – говорится в отчете о наружном наблюдении.

И вот этот субъект в крестьянской поддевке, с растрепанной бородой, шныряющий по подозрительным улицам, забегающий в квартиры проституток, опять посмел вмешаться в мировую политику! По крайней мере, так полагали многие.

Зимой 1912–1913 гг. Распутин сделал еще один шаг к смерти.

Кто миротворец?

После убийства Столыпина – непримиримого противника участия России в войнах – отец Милицы и Станы, король Николай Черногорский, почувствовал себя уверенней и начал действовать. Был заключен тайный союз балканских православных государств против Турции. Момент выбран удачный – в политической жизни Турции царил хаос...

В ночь на 26 сентября в Зимний дворец принесли сенсационную телеграмму: черногорские войска осадили турецкую крепость Скутари. Царь понимал, какой взрыв негодования великих держав вызовет дерзкое нарушение «статус кво» на Балканах. Министру иностранных дел Сазонову было приказано уговорить Черногорию прекратить осаду крепости.

Но черногорский король знает о воинственных настроениях в Петербурге, о том, что «Грозный дядя» на его стороне. И хладнокровно продолжает боевые действия.

И уже новые известия приходят с Балкан. 5 октября в войну против Турции вступили Сербия и Болгария, на следующий день – Греция. Турецкая армия терпит поражение за поражением. Весть об успехах братьев по вере в борьбе против мусульман вызвала взрыв радости в России.

В Петербурге идут бесконечные манифестации под лозунгом: «Крест на Святую Софию!» Ожили старые грезы панславизма: Великая федерация православных славян во главе с Россией и столицей в отвоеванном Константинополе – сердце древней Византии, откуда когда-то Русь восприняла христианство... Прекрасный мираж, волшебные мечты.

Тотчас последовал ответ. Австрийцы и немцы пригрозили войной. Снова заработал «балканский котел», готовый взорвать европейский мир.

10, 29 ноября и 5 декабря 1912 года в Петербурге проходят заседания Совета министров. Повторялась недавняя ситуация: русское общество хочет воевать – единодушно требования военной помощи «братьям-славянам», вовсю идет запись добровольцев. Но нет Столыпина, способного противостоять общественному мнению (точнее – общественному безумию). Война вновь на пороге – мировая война.

С часу на час ждут объявления всеобщей мобилизации. Глава Государственной думы Родзянко советует царю воевать. И вдруг царь проявляет характер – решительно идет против общественного мнения. Он требует от Сазонова «нажать» на Черногорию, остановить войну.

21 апреля 1913 года после долгих уговоров черногорский король согласился очистить Скутари за денежную компенсацию.

Сазонов заявил: «Король Николай собирался зажечь мировой пожар, чтобы на огне его изжарить себе яичницу». Так министр ответил на бесконечные попреки, что Россия вновь предала «балканских братьев».

И тогда по Петербургу пронесся слух: за решимостью царя стояло... желание Распутина! Это он в очередной раз не дал защитить «братьев-славян»!

И это была правда.

Из показаний Филиппова: «В 1912–1913 гг., в самый разгар разрешения балканского вопроса, когда мы были накануне войны с Австрией, Распутин, отвечая мне на мои резкие требования, чтобы Россия активно вступила в войну против немцев в защиту славянства, заметил: «Немцы – это сила, а братушки (балканские славяне. – Э.Р.) просто свиньи, из-за которых не стоит потерять ни одного русского человека»... *Распутин находил, что мы не готовы воевать с немцами...* пока не окрепнем от потрясений японской войны».

Из показаний Вырубовой: «Распутин был решительным противником какой бы то ни было войны... Во время балканской войны он был против вмешательства России».

Из показаний Бадмаева: «Он мне сказал, что он просил царя не воевать в балканскую войну, когда вся печать требовала выступления России, и ему удалось убедить Государя не воевать».

Итак, произошло невероятное: полуграмотный мужик один победил все партии, заставил царя презреть общественное мнение! Так говорил тогда и двор, и весь Петербург.

На самом деле это было так... и совсем не так! Просто с самого начала, с появления во дворце, умный мужик четко усвоил свою главную задачу: понять, чего в тайниках души хочет Аликс, и высказать это, как свое предсказание – Божью весть. Он хорошо знал, что царицу преследует ужас при одной мысли о войне с Германией. И сумел озвучить ее тайные желания. «Нашему Другу» опять удалось напугать царя апокалиптическими предсказаниями об исходе войны.

Аликс с восторгом приняла их как Божье веление, высказанное «Божьим человеком». Она стала на сторону Распутина, и царю пришлось смириться.

Воспитатель наследника Жильяр, долгие годы живший в Семье и хорошо понимавший Александру Федоровну, написал в воспоминаниях о Распутине: «Его пророческие слова всего чаще *подтверждали лишь заветные желания самой Императрицы...* Сама того не подозревая, она *вдохновляла «вдохновителя»*. Ее личные желания, проходя через Распутина, принимали в ее глазах силу и авторитет откровения».

Но в обществе этого не понимали и в очередной раз поверили: полуграмотный, развратный мужик отменил справедливую войну. И великий князь Николай Николаевич, потерпевший поражение уже во второй «балканской истории», никогда не простит этого Распутину. Прямолинейный «Грозный дядя» тоже верил – мужик виноват в унижении России.

В «Том Деле» Константин Чихачев, председатель Орловского окружного суда, рассказывает следователю слова, слышанные им от самого Распутина: «Прежде он (Николай Николаевич. – Э.Р.) меня ужасно любил... Дружбу вел до самой балканской войны. Он хотел, чтоб россияне вступили в войну. *А я не хотел, сунпротив говорил*. С тех пор он на меня и сердит»...

Так не состоялась европейская бойня. Так великий князь и «ястребы» поверили окончательно – пока мужик во дворце, войны не будет. Но они знали, что во дворце он навсегда – царица его не отдаст.

Оставалось только – убить его.

Великие торжества с мужиком

Наступил 1913 год – торжественный год трехсотлетия династии Романовых.

Накануне юбилейных торжеств отправили в отставку министра внутренних дел Макарова – как и предрекал ему Коковцов. Нового министра, Василия Маклакова, взяли из провинциальных губернаторов. Он был дальним родственником Льва Толстого и братом известного либерала из партии кадетов, но в отличие от них – ярый монархистом. Во время своего губернаторства он прославился выселением евреев из губернии. Учитывая его молодость (Маклакову было едва за 40), ему в помощники назначили опытного Владимира Джунковского, Московского губернатора, сподвижника убиенного великого князя Сергея, мужа Эллы.

Джунковский стал Главноуправляющим корпусом жандармов, ему был подчинен и департамент полиции. На нем лежала вся ответственность за организацию безопасности Царской Семьи во время будущих торжеств.

На допросе в Чрезвычайной комиссии Джунковский показал, что был известен царю давно, «с самого молодого офицерства, потому что служил в Преображенском полку в первом батальоне» (где, будучи наследником престола, проходил подготовку и Николай). Для обожавшего все военное царя это значило многое. Кроме того, Николай встречался с Джунковским во время его дежурств в Зимнем дворце и знал о его монархических взглядах. Радовала царя и великолепная выправка бывшего гвардейца. Вид у нового шефа тайной полиции был воистину грозный. Блок описывал Джунковского: «Лицо значительное, пики жестких усов. Лоб навис над глазами». Но грозный Джунковский был человеком вполне светским. Когда его приглашали к завтраку, он мог повеселить царских детей – хорошо изображал голоса птиц...

Так что при назначении все это учли, запомнили только... его московское прошлое и огромное влияние Елизаветы Федоровны на бывшего ближайшего помощника ее мужа.

А пока Джунковский готовил столицу к торжествам. Впоследствии, уже после гибели и царя и монархии, он все опишет в своих воспоминаниях.

И настал великий день 21 февраля. Ровно 300 лет назад Собор избрал на царство боярина Михаила Романова. По всей России зазвонили колокола, с зажженными свечами пошли крестные ходы.

В 8 утра Петербург был разбужен пушками Петропавловской крепости. Джунковский начал объезжать столицу. Улицы уже заполнены народом, множество людей теснилось у Казанского собора, куда должна была прибыть Царская Семья.

В полдень – громовое «ура» войск, стоявших цепью от Зимнего дворца до собора. Промчалась сотня конвоя в алых черкесах, за ней в открытой коляске – царь и наследник, следом – карета с обеими императрицами и гигантами-казаками на запятках, и еще карета – с великими князьями.

Начинается торжественное молебствие. И тут приглашенные – первые люди империи – увидели в соборе... ненавистного мужика! Не увидеть его было невозможно – он стоял среди самых почетных гостей.

Его «народный костюм» поражал своим великолепием. «Он был одет роскошно: в темно-малиновой шелковой косоворотке, в высоких лаковых сапогах, в черных шароварах и черной поддевке», – вспоминал Родзянко, пораженный и возмущенный тем, что Распутин стоит впереди членов Государственной Думы.

И председатель Думы вскипел. Огромный, грузный Родзянко подошел к Распутину и велел ему немедленно убираться из собора: «Если не уйдешь, велю приставам вынести тебя на руках». Мужик испугался скандала и пошел к дверям, сказав на прощание: «О, Господи! Прости его грех...» Родзянко с торжеством проводил его до выхода, где казак подал Распутину шубу и посадил его в автомобиль.

Нетрудно представить, что испытала Аликс, когда узнала, как «Нашего Друга» изгнали из собора, куда его позвали они – «цари»...

Затем центр торжеств переместился в Кострому, где 300 лет назад жил юный боярин Романов. Сюда, в *Ипатьевский* монастырь (где началась династия), всего за четыре года до екатеринбургского *Ипатьевского* дома (где она закончится) должна была прибыть Царская Семья... Но накануне Джунковскому сообщили, что в городе объявился Распутин и просит билет на костромские торжества. Джунковский не без удовольствия велел отказать.

19 мая толпы людей заполнили весь берег Волги, царская флотилия под грохот салюта, звон колоколов и пенье гимна «Боже, Царя храни!» причалила к особой «царской» пристани у Ипатьевского монастыря. Оттуда Семья направилась в древний Успенский собор.

Вслед за «царями» вошел в собор и Джунковский. Каково же было его изумление, когда в алтаре он увидел... Распутина, который, как оказалось, «был проведен туда... по приказанию императрицы».

Пришлось удивляться Джунковскому и на следующий день, при закладке памятника дому Романовых.

Золотисто-розовая парча певчих, древние облачения духовенства, мундиры, фраки... Государь в форме Эриванского полка, шефом которого он был... А поодаль... все тот же мужик в шелковой рубашке и шароварах – Распутин.

Перед закладкой памятника в соборе был отслужен особый молебен. И там тоже оказался мужик!

Из показаний Яцкевича: «Во время костромских торжеств... Распутин шел вслед за царской семьей, причем меня... удивило и возмутило то обстоятельство, что Распутин был допущен в собор, где была лишь царская семья и обер-прокурор Саблер!»

А потом торжества перешли в Первопрестольную. И опять шпалеры войск, и море народу, и колокольный звон... Государь на лошади золотистой масти, конвой, императрица и наследник в коляске, великие княгини в каретах, и в отдельном экипаже – Элла и царские дочери...

Из дневника Ксении: «24 мая... Все, слава Богу, отлично прошло. У Спасских ворот все слезли с лошадей и пошли крестным ходом в Архангельский собор... Ники зажег лампаду над могилой Михаила Федоровича».

Над могилой первого Романова загорелась лампада из золота в виде шапки Мономаха – древней короны московских царей. Но многие смотрели не на нее... «Распутин стоял у входа, все его видели, кроме меня... такое недовольство и протест среди духовенства...» – продолжала Ксения.

«Все это оставило во мне осадок», – вспоминал Джунковский. Он не понял, что совершил в те дни большую ошибку. Теперь Аликс уже не верила Джунковскому, боялась его агентов. И 12 июня 1913 года министр внутренних дел Маклаков приказал «снять наблюдение за Распутиным и отозвать агентов, находившихся в Тобольской губернии». Полиции запретили следить за ним.

На короткое время мужик остался без постоянных летописцев.

«Московская клика»

Элла не обольщалась народным ликованием в дни торжеств. Она понимала, что династии уже нанесены тяжелые удары – русско-японской войной и революцией. Тем опаснее для престола становился сейчас мужик, о распутстве которого трубили все газеты.

Из показаний великой княгини Елизаветы Федоровны: «Когда до меня стали долетать слухи о том, что Распутин в частной жизни ведет себя совершенно иначе, чем в императорском дворце, я предостерегла мою сестру. Но она не верила этим слухам, считала их клеветой, которая всегда преследует людей святой жизни».

Все активней действует собравшийся вокруг Эллы кружок распутинских врагов – «московская клика», как называет его Аликс. И все чаще наезжает в Москву Зинаида Юсупова, ставшая одним из самых непримиримых членов этого кружка. И Элла теперь частая гостья в подмосковном ее имении – прославленном Архангельском, не уступавшем в роскоши романовским дворцам.

«Наблюдать их вдвоем – одно удовольствие. Они обе невозможно как хороши», – вспоминал журналист Д. Регинин.

«Великая княгиня... будет у нас в Архангельском», – не раз напишет Зинаида сыну летом 1912 года.

Союз с Эллой очень пригодился матери Феликса. Тотчас после юбилейных торжеств случилось непредвиденное: уже заканчивались бесконечные переговоры Зинаиды с родителями Ирины – великим князем Александром Михайловичем и сестрой царя Ксенией, как вмешался Дмитрий. Узнав о готовившемся браке, он вдруг... влюбился в Ирину! В невесту своего ближайшего друга, которого он так боготворил, из-за которого разрушил свой брак с дочерью царя! И не просто влюбился – сам захотел жениться на Ирине!

В эту версию в Петербурге не поверили. Светское общество полагало, что за внезапной любовью великого князя стояло совсем иное... По словам Веры Леонидовны Юреновой, «это была месть Дмитрия Павловича. Великий князь пришел в бешенство, узнав, что Феликс, ради которого он пожертвовал женитьбой на царской дочери, оказывается... преспокойно женится на племяннице царя. Конец их отношениям! И Дмитрий начал сам ухаживать за Ириной. Он попросту решил разбить этот союз!»

Впрочем, вполне возможно, Дмитрий, которому нравились и кавалеры, и дамы, действительно влюбился в болезненную красавицу... Так или иначе, он попросил руки Ирины. И симпатии Романовской семьи раскололись...

«28 мая 1913 года... Милый мой мальчик... Родители (Ирины. – Э.Р.) объяснились... Мать не отрицает, что бабушка (вдовствующая императрица Мария Федоровна. – Э.Р.) за Дмитрия. Но говорит, что она и против тебя ничего иметь не будет, если Ирина о другом слышать не хочет. Мы расстались очень трогательно... Чего я тоже очень боюсь, это того, что будет с твоими отношениями с Дмитрием, так как уверена в его двуличности. Он делает все возможное, чтобы заинтересовать Ирину и от нее не отходит... Боюсь его и *рокового мундира*. Прямо страшно...», – писала Зинаида Юсупова Феликсу.

Она уже потеряла старшего сына. Из-за женщины его застрелил офицер – «роковой мундир»...

Но Феликс спокоен. Он знает свою силу.

«Пришлось княжне Ирине выбирать между нами. Мы приняли молчаливое решение не делать и не говорить ничего, что могло бы повлиять на ее выбор, – вспоминал Феликс. – Она ответила, что решила выйти за меня, и никто не заставит ее переменить решение. Дмитрий смирился перед ее выбором... Но это сказалось на наших отношениях... тень, которую женитьба отбросила на нашу дружбу, никогда не смогла рассеяться».

Дмитрий не просто покорно отступился – он очень помог Феликсу. Перед самой свадьбой родители Ирины получили некоторые сведения о будущем зяте, весьма их испугавшие. Александр Михайлович написал жене из Парижа: «9 октября... Я очень опечален все это время слухами о репутации Феликса... Не надо спешить с объявлением свадьбы... если мы услышим снова *эти вещи*, мы отменим свадьбу».

Но Феликс тотчас примчался во дворец к Ксении и убедил ее в ложности слухов. И Дмитрий благородно встал на защиту друга.

«12 ноября... Я знала, что речь идет о старых историях, – писала Зинаида из Москвы Феликсу. – Поведение Дмитрия Павловича самое похвальное, я никогда не ожидала поддержки с этой стороны... Но я смотрю на его вмешательство несколько иначе, чем ты. Я думаю, он сам не безупречен и действует по-товарищески, защищая этим и самого себя...»

Остается вопрос: кто позаботился снабдить сей информацией о «старых историях» семью Ирины? Не потрудились ли тут... сама царица, чтобы сестра мужа узнала все о человеке, которого впускала в большую Романовскую семью? Аликс умела страстно ненавидеть врагов «Божьего человека»... Так что Дмитрию пришлось как-то оправдывать «грамматические ошибки» Феликса, что он и сделал. Как справедливо отметила Зинаида Юсупова – «защищая этим и самого себя».

Эта история вновь объединила будущих убийц Распутина.

В то нелегкое время на стороне Феликса была и подруга матери, великая княгиня Елизавета Федоровна. И теперь, готовясь к браку, решив переменить жизнь, Юсупов исповедовался Элле.

«Когда я поведал ей то, что... она не знала из моей частной жизни, она выслушала меня и сказала: «Я знаю о тебе больше, чем ты представляешь... Тот, кто способен на дурное, может сделать много добра, если он выбрал правильный путь». Вдова гомосексуалиста великого князя Сергея понимала, любила и жалела своего «маленького Феликса».

Предсказание феофана

Осенью 1913 года Распутин опять жил в Ялте, откуда его, как и в прошлом году, возили в Ливадию – в царский дворец.

В то время прокурором Одесской судебной палаты состоял некто Р. Г. Моллов. По должности он продолжительное время жил в Ялте, и его показания остались в «Том Деле». В них он поведал о жалобах ялтинского градоначальника генерала Думбадзе: «За Распутиным часто присылали придворный автомобиль везти его в Ливадию. Думбадзе доложил императору, что население Ялты сильно возбуждено против Распутина. Император ответил, что он имеет право жить, как он хочет, и принимать кого хочет и просит всех не вмешиваться в его семейное дело».

И тогда Думбадзе решил сам спасти престиж Семьи. Он отправил в Петербург телеграмму директору департамента полиции Степану Белецкому с предложением «убить Распутина во время его переезда на катере в Ялту».

Простодушный Думбадзе не понимал, сколько глаз прочтут эту телеграмму, прежде чем она попадет на стол к начальнику. Но Белецкий понимал... И ему пришлось поспешить. Он сам показал: «Я переслал телеграмму в собственные руки Маклакову». В результате переезд Распутина «состоялся без осложнений».

В августе 1913 года умер экзарх Грузии. Распутин наконец-то мог выполнить свое обещание и отблагодарить Тобольского епископа Алексея.

Из показаний Молчанова: «Осенью 13 г. Распутин... ездил в Ливадию и обещал хлопотать о переводе отца на юг. Вожделения моего отца не простирались далее какого-нибудь города на юге... как вдруг неожиданно умер экзарх Грузии... Я поехал провожать Распутина и на вокзале... просил о назначении моего отца экзархом Грузии. Распутин определенно обещал просить...» Еще бы! Для Распутина было необычайно важно заполучить своего человека в Синоде, да еще экзарха Грузии – главы четвертой по важности церковной кафедры России. И мужик постарался, хотя это и было непросто – ведь речь шла о назначении на важнейший пост скомпрометированного епископа. Но Аликс верила «Нашему Другу». Кому как не «Божьему человеку» быть главным авторитетом в церковных делах... к ужасу обер-прокурора Саблера.

Из показаний Саблера: «Когда я пришел для доклада царю, Николай сказал: «А ваши кандидаты все провалились, выбор остановился на Тобольском епископе Алексии»... Я поз-

волил себе решительно возра-зить, заявив, что он не обладает... нравственными качествами, что он живет с учительницей Елизаветой Кошевой, которая повсюду ездит с ним и последует за ним в Тифлис, и скомпрометирует его... Но назначение состоялось».

Опального Алексея сделали экзархом Грузии, одновременно возведя в сан архиепископа. Один из «наших» – так называла царица друзей Распутина – возглавил грузинскую церковь.

В то время Феофана уже не было в Крыму. Получивший кафедру благодаря Элле, он еще прошлым летом был изгнан в губительную для его здоровья Астрахань. К негодованию Эллы, ему было даже запрещено приезжать в Крым лечиться, если там находилась Царская Семья. Уезжая, неукротимый, но наивный Феофан рассказал все, что знал о мужике... другу Распутина, Даманскому.

Как показал Феофан в «Том Деле», разговор он заключил предсказанием: «Распутин – сосуд дьявола, настанет время, Господь покарает его и его защитников». После чего перекрестился и ушел.

Тогда Даманский, должно быть, только улыбнулся. Но через год, когда у него обнаружат рак, он вспомнит предсказание Феофана...

В Астрахани Феофан получил малярию и болезнь легких. Элла все-таки смогла хоть как-то помочь – его перевели доживать епископом в Полтаву. И Элла продолжала сердить сестру – доказывать Аликс, что бесчеловечно запрещать Феофану лечиться в Крыму. Она напоминала, что Феофан был исповедником царицы, что он ничем перед ней не провинился и что если любить Распутина – ее частное дело, то не любить его – частное дело Феофана. Но Аликс боялась неукротимого нрава епископа и знала, что он будет пытаться пробиться к Государю...

И Распутин помогал ей – искал вину Феофана, чтобы навсегда закрыть для него дорогу в Крым.

Дама под вуалью

В «Том Деле» осталась эта удивительная история.

В 1917 году следователь Чрезвычайной комиссии отправился в Ялту, где уже не первый год в параличе неподвижно лежала вдова священника Ольга Аполлоновна Попова, 60 лет. И она показала: «С епископом Феофаном я знакома 6 лет. Посетив меня однажды как больную, он посещал меня обыкновенно раза 2 в год... Он никогда не упоминал о Григории Распутине и ничего не говорил о своей петербургской жизни... Григория Распутина я совершенно не знала... В первый раз Распутин явился ко мне 3 октября 1913 года около полудня... Распутин повел беседу о моей жизни – о болезни, о бедности... Потом прямо сказал: «Если желаешь, завтра же можешь иметь 1000 рублей, уйти из этой квартиры и видеть детей своих счастливыми...»

«Ну, долго не будем разговаривать, – продолжал Распутин. – Тебе известно, что Феофан говорил, будто имел с Государыней половую связь? – При этом выражался Распутин вульгарным языком. – Тебе известно, не скрывай, не скрывай и 1000 рублей – твои». Я возразила, что мне ничего не известно, и что этого быть не может. Распутин сильно рассердился... бегал по комнате и ломал руки. И начал опять меня уговаривать, чтобы я оклеветала епископа. Это меня так возмутило, что я плюнула ему в лицо. Распутин отошел к двери и сказал: «Ты и твои дети будут меня помнить!» Потом переменял тон. Произнес несколько раз: «Никто никогда так не смел со мной дерзко говорить... я знаю, ты опомнишься и возьмешь свои слова назад. Возьмешь, возьмешь, возьмешь», – он повторял слова и пристально смотрел на

меня... Видимо, внушение подействовало. Он подвинул стул совсем близко и сказал: «Ну, мы сегодня придем с ней, разрешаешь?» Я поняла, что он говорит об императрице. «Ты при ней скажешь правду, ты опомнишься... Ты подумай, твои дети будут счастливыми, и дорога твоему сыну будет широкая...» Видимо, Распутин решил, что подавил больную старуху. У меня же явилась мысль сказать все Государыне... Распутин сообщил, что придут они часов в 12 ночи...

В первом часу ночи к нашей квартире подъехал автомобиль. Когда мой сын открыл дверь, вошел Распутин *в сопровождении высокой дамы, одетой в черное платье, с лицом, закрытым густой вуалью*. Она села около меня, расспросила о моей болезни, попробовала пульс и осмотрела пролежни на моей спине. Потом Распутин подошел к кровати, дотронулся до плеча Государыни и сказал: «Ну вот, ей ты скажешь правду?» Я ответила: «Я всегда всем говорю правду, тем более что жить мне осталось немного».

Когда Распутин отошел в сторону, Государыня сказала: «Скажите, он (Феофан. – Э.Р.) говорил вам о связи своей *с тем лицом?*...»

«Это совершенная ложь, гнуснейшая ложь! Ничего подобного он не говорил и говорить не мог... Верю, что Господь покарает того, кто возвел на него такую клевету».

В это время Распутин что-то сказал Государыне, но я не разобрала слов... Распутин завертелся по комнате и сказал: «Испугалась! Испугалась она!» Я ответила: «Не испугалась! Твою тысячу не возьму и епископа не продам».

Распутин опять уговаривал меня сказать правду, прибавляя: «Твоим детям за это ничего не будет»... Перед самым уходом Государыня наклонилась ко мне и сказала: «Значит, вы говорите, что этого не было?»

«Не было и быть не могло... Он предлагал мне 1000 рублей, если я соглашусь оклеветать епископа»... Государыня еще раз спросила: «Значит, это ваше последнее слово?» Я опять ответила: «Ничего говорено не было и быть не могло!»

Государыня сидела нервная – снимала и надевала перчатку, а Распутин часто-часто приговаривал: «Испугалась, испугалась»... Затем Распутин взял ее под руку и, бросив на меня злобный взгляд, вышел из комнаты».

Было в этом что-то жуткое: Государыня и уводящий ее в ночь мужик...

Что означала эта сцена? Он был настолько уверен в своем безграничном влиянии, что позволял себе бессовестно лгать в присутствии императрицы? Или... «Наш Друг» попросту знал, что она сама мечтает навсегда изгнать Феофана из Крыма и ей нужен повод?

Он хорошо читал и хорошо выполнял ее тайные желания. Он уже стал ее «вторым я». И становится ясным, почему после всего происшедшего царица написала Поповой письмо.

Из показаний Поповой: «Вскоре я получила письмо, написанное тонким женским почерком, без подписи... В письме предлагалось мне опомниться и рассказать правду».

Заканчивалась предпоследняя встреча Семьи с любимым Ливадийским дворцом. Ипатьевская ночь приблизилась еще на день.

Портрет «святого семейства»

До осени 1913 года Распутин не имел собственного жилья в Петербурге. Он жил из милости то у Лохтиных, то у Сазонова, снимал жалкие углы – в делах департамента полиции остались адреса «Русского»: Литейный проспект, 37; Николаевская улица, 70...

«На Николаевской улице Распутин занимал в квартире одну комнату... В этой комнате была простая постель и крашеный деревянный стол-буфет», – рассказывает в «Том Деле» Молчанов.

Но вот к нему приехали дочери из Покровского. Мужик решил дать им образование в Петербурге – пусть станут «дамочками»... А еще ему надоела безбытность – не хотел он больше болтаться по баням и грязным квартирам проституток. И Акилина Лаптинская взяла дело в свои руки.

В октябре, вернувшись из Ялты в Петербург, Распутин переехал в свою первую отдельную квартиру (Английский проспект, 3, дом Веретенникова). Эту квартиру за малые деньги ему предоставил очередной неудачник, пытавшийся воспользоваться влиянием Распутина, – Алексей Порфирьевич Веретенников, генерал-майор, уволенный в отставку и мечтавший вернуться на службу.

Распутин поселился в ней с обеими дочерьми, определил их в частную гимназию. В 1990 году, когда я писал книгу о Царской Семье, мне позвонила девяностолетняя Анна Попова. Разговаривали мы с ней по телефону с помощью ее внучки. Попова рассказала, как она училась в частной гимназии Стеблин-Каменской с дочерью Распутина Матреной, как они вместе ездили на Английский проспект просить у Распутина благотворительное пожертвование... С каким страхом, замирая, она «смотрела на колдуна», а он вынул бумажник, долго размышлял и наконец дал ассигнацию – «очень мало дал»...

Он попросту был беден тогда. «Квартира из 4–5 комнат, плохо и неудобно меблированных... В одной жила Лаптинская, которая, за временным отсутствием прислуги, ставила самовар, варила уху, в другой жили вместе обе дочери, когда приезжали из пансиона Стеблин-Каменской», – так описал квартиру Молчанов. Но все равно – это было первое его жилище, куда он мог приглашать своих поклонниц. Лаптинская смогла наконец оставить место экономки и переехать к нему. Теперь она именовалась гордо – «секретарем». Секретарем безграмотного мужика... В помощь ей из Покровского приехала Катя Печеркина – работать прислугой и кухаркой.

Осталось описание его дочерей – этакий моментальный снимок 1913 года.

«Дикая сибирская сила так и прорывалась в их широких, бледных лицах с огромными яркими губами... Их могучие тела, пахнувшие потом, распирали скромные детские платьица из тонкого кашемира...» Варваре было 13 лет, старшей, Матрене, – уже 16. «У Матрены белое, широкое лицо с тупым подбородком... и нависшим низким лбом над серыми угрюмыми глазами... Она нетерпеливо взмахивала головой, отгоняя от глаз низко подстриженную челку... Каким-то хищным, звериным движением проводила кончиком языка по широким ярко-красным губам...» – вспоминала Жуковская.

Портрет Распутина оставил в «Том Деле» Молчанов: «Речь его была отрывистая и не вполне связная. Он не сводил глаз с собеседника, и в глазах его была какая-то сила... Движения его были характерны для неврастеника – он порывисто вскакивал, руки его всегда что-то переби-рали...»

Он продолжал поражать своих почитателей знанием людей, точнее – их тайных мыслей. «В этот период Распутин наряду с нервностью проявлял необыкновенную чуткость, – показал Филиппов. – В присутствии моих жены и свояченицы... по каким то неуловимым признакам заметил симпатию между мной и свояченицей... и, отведя ее в сторону, объяс-

нил ей, что симпатии мои к ней послужат тому, что я разойдусь с женой, что и случилось в действительности».

Увидев впервые знакомого Филиппова, известного юриста профессора Озерова, Распутин определил: «Отсутствие покоя у него в душе обусловлено тем, что он внимателен только к деньгам». Когда Филиппов объяснил Распутину, что Озеров – уважаемый член Государственного Совета, мужик сказал: «Это просто государственная слякоть»... «Это было гениальным определением Озерова», – добавляет Филиппов.

Именно в то время с ним познакомилась Александра Георгиевна Гущина, 73 лет, вдова доктора. У нее только что умер муж, жизнь стала ей в тягость.

В «Том Деле» остались и ее показания: «Каждый раз в церкви я встречала мужчину, одетого в поддевку, который очень усердно молился... манера молиться у него была особая – он стремительно становился на колени, как-то странно упирался в пол пальцами... К нему, здороваясь, обращалось с просьбами помолиться очень много народу».

Ей сказали, что это Распутин. «Как-то он подошел после обедни сам и спросил: «Что ты такая грустная?» Я рассказала про свои невзгоды, и он сказал: «Грешно грустить, надо молиться Богу...»

Он пригласил ее к себе. Старуха пришла на Английский проспект и попала на одну из самых знаменитых фотографий, которая украсит бесконечные книги о Распутине. Но об этом речь впереди...

Крик боли

Весь 1913 год продолжается газетная травля Распутина. Он уже привык читать интервью, которых не давал, и сопровождавшие их издевательства журналистов.

Филиппов в очередной раз попытался защитить приятеля в газете «Дым Отечества»: «Целая книжная литература создалась около старца... ворох статей по поводу его необыкновенного и даже необъяснимого влияния в высших сферах... Распутин – обыкновенный русский мужик, экзальтированно умный... и главное, не порывающий своей связи с простым народом и потому сильный в народе».

Филиппов издевался над журналистами, «которые печатают слухи, что Распутин мог удалить таких столпов, как Гермоген и Феофан». Даже близкий его друг не знал об истинных возможностях Распутина в Царском Селе...

Иногда Распутин уступал и все же давал интервью – к ужасу Аликс, ибо часто они были еще опаснее того, что за него выдумывали журналисты.

«Вот вы пишете про меня небылицы, врите, а я ведь за мужичков. На чем Россия держится? На мужике... *Мы теперь решили* ставить архиереев из мужичков. Ведь на мужицкие деньги духовные семинарии строятся...»

«Мы теперь решили...» – и тотчас поднимается газетная волна. И опять «цари» должны ее утихомирить.

Под влиянием Филиппова у Распутина появилась мысль – выпускать свою газету.

«Надумал я самую настоящую, правдивую, народную газету в ход пустить. Денег мне дадут, люди верующие нашлись... соберу я людей хороших, перекрещусь, да и – Господи, благослови! – в колокол ударю...» – сообщал мужик в интервью, опубликованном в «Петербургском курьере».

Похоронила эту мысль, видимо, императрица. Она поняла, что он утонет в деле, в суете. А он нужен был ей для нее самой, для мальчика, для разговоров о душе...

Журналисты пытались узнать о его влиянии на решение царя не участвовать в балканской войне. И он отвечал: «Воевать вообще не стоит – лишать жизни друг друга, нарушать завет Христа и преждевременно убивать собственную душу. Пусть забивают друг друга немцы и турки – это их несчастье и ослепление, а мы любовно и тихо, смотря в самих себя, выше всех станем...» И опять проклинали его за «предательство братьев-славян». И опять Аликс поручала Вырубовой поговорить с «Нашим Другом», чтобы тот избегал «гадких газетчиков».

А они все звонили... И он уже кричал в трубку: «Чего от меня хотят? Неужели не хотят понять, что я маленькая мушка и что мне ничего ни от кого не надо?.. Неужели не о чем больше писать и говорить, как обо мне?.. Я никого не трогаю... Да и трогать не могу, так как не имею силы... Каждый шаг обсуждают... все перевирают... Оставьте в покое... Дайте жить!..»

Этот монолог моментально попал в газеты с насмешливым комментарием.

И опять они звонили. И опять он кричал в трубку – отбивался: «Говорю тебе, я маленькая мушка, и нечего мною заниматься... Кругом большие дела, а вы все одно и то же: Распутин да Распутин... Молчите... Довольно писать... Ответите перед Богом! Он един и все видит... Он один понимает... Рассудит... Коль нужно, пишите... Я больше ничего говорить не буду.... Принимал близко к сердцу... Теперь перегорел... Наплевать... Пусть все пишут... Все галдят... Такая, видно, моя судьба... Все перенес... Ничего не боюсь... пишите... Сколько в душу влезет... Говорю тебе, наплевать... Прощай...»

И этот монолог тоже напечатали.

Что делать – он был «герой дня». Обреченный герой...

Лгал ли он, когда называл себя «маленькой мушкой»? Да, лгал. И... говорил правду! Эта двусмысленность его положения при «царях» проявилась в истории тогдашнего премьер-министра Коковцова и прошлого – графа Витте.

Мужик топит премьера?

После назначения Коковцова премьером Аликс бросила «пробный шар» – Распутин был послан «посмотреть его душу».

Коковцов вспоминал впоследствии: «Я был поражен получением письма от Распутина, содержавшего в себе буквально следующее: «Собираюсь уехать совсем, хотел бы повидаваться, чтобы обменяться мыслями... назначьте когда». Премьер согласился. Состоялась почти комическая сцена – Распутин вошел, молча сел. Молчание продолжалось. Распутин смотрел на премьера.

«Его глубоко сидящие в орбите, близко посаженные друг к другу, маленькие, серо-стального цвета глаза были пристально направлены на меня, и Распутин долго не сводил их с меня, точно он думал произвести на меня какое-то гипнотическое воздействие или просто изучал». Но... мужик вдруг забормotal: «Что ж, уезжать мне, что ли? Житья мне больше нет – чего плетут про меня!» Здесь премьер, по замыслу Аликс, видимо, должен был уверить Распутина, что он его защитит. Но Коковцов сказал: «Да, конечно, вы хорошо сделаете, если уедете... Вы должны понять, что здесь не ваше место, что вы вредите Государю, появляясь во дворце... давая кому угодно пищу для самых невероятных выдумок и заключений». В ответ услышал: «Ладно, я – худой, уеду, пущай справляются без меня, зачем меня зовут сказать то, да другое...» Долго опять молчал, уставившись на меня, потом сорвался с места и сказал только: «Ну, вот и познакомились, прощайте».

Когда Распутин рассказал царице о предложении Коковцова уехать, она тотчас «разлюбила» премьера. Ведь приятие им Распутина – это не просто приятие «Божьего человека», но, прежде всего, знак готовности подчиняться ее мнению, готовности примкнуть к лагерю ее друзей, стать «нашим»...

Царица пожаловалась мужу. И вот уже Николай просит премьера рассказать о беседе с мужиком. «Когда я закончил мой рассказ, Государь спросил меня: «Вы не говорили ему, что вышлете его, если он сам не уедет?» И получивши мой ответ, что... у меня не было повода грозить Распутину высылкой, так как он сам сказал, что давно хотел уже уехать, Государь сказал мне, что он этому рад... и «ему было бы крайне больно, чтобы кого-либо тревожили из-за нас»... Потом Государь спросил: «А какое впечатление произвел на вас этот мужичок?» Я ответил, что у меня осталось самое неприятное впечатление, и мне казалось... что передо мной типичный сибирский бродяга...»

Впоследствии в Чрезвычайной комиссии Коковцов сформулировал свое мнение еще откровеннее: «Я был 11 лет в Главном тюремном управлении... видел все каторжные тюрьмы... Среди не помнящих родства сибирских бродяг сколько угодно Распутиных... Совершая крестное знамение, он может с такой же улыбкой взять за горло и задушить».

И Распутин понял: пора выступать против премьера, тем более, что Коковцова уже не хотела «мама».

Из показаний Филиппова: «Само удаление Коковцова состоялось под давлением, весьма искусным и упорным, со стороны Распутина, который имел своеобразный прием, чрезвычайно магически действовавший на слабохарактерно-заносчивые натуры, к каковым следует причислить Государя: вскользь, беседуя о посторонних предметах, он характеризовал ненавистное ему лицо одной фразой или эпитетом, которые оставляли след...»

И хотя Коковцов привел в порядок финансы и обеспечил наступление периода истинной стабильности, в январе 1914 года его отправили «на покой» в Государственный Совет, наградив на прощание, как и Витте, титулом графа.

Казалось бы, с падением Коковцова должен был вновь появиться на политической сцене так благоволивший к Распутину Витте, который «с ним спелся», как писала генеральша Богданович.

Назначение премьером Витте – любимца прогрессивных партий и промышленного капитала, могло бы, на первый взгляд, решить все проблемы. С одной стороны, он был угоден обществу, с другой – у него было достаточно ума и авторитета, чтобы заткнуть рты врагам «Нашего Друга». И Витте знал, что сообразительный Распутин все это понимает и будет его поддерживать. Но он не понял, как и многие, истинную ситуацию: мужик мог влиять на царицу *только* тогда, когда у нее не было своего решения. В ином случае Распутин обязан был играть в ее игру: объявлять мнение Аликс своим предчувствием, своим предсказанием, своим желанием...

К несчастью для экс-премьера, у Аликс было твердое мнение о нем. Она ненавидела Витте, ибо он был творцом Конституции, ограничившей в 1905 году власть царя и будущую власть ее сына – «обокравший Маленького». И как бы ни был ей полезен великий министр, она не умела и не желала преодолеть свои чувства. Так Мария Антуанетта не могла преодолеть отвращения ни к Лафайету, ни к Мирабо, как бы они ни были полезны и ни пытались ее спасти...

Распутин понял и не заикался о своих симпатиях к Витте.

Но когда у Аликс своего мнения не было, наступало его время. Вступала в свои права русская практика XVIII века – действовать через царского фаворита... И если Распутин не мог «протолкнуть» Витте на пост премьера, то повлиять на назначение нового министра финансов, совершенно безразличного царице, мужик сумел.

В то время около него появляются банкиры. С ним знакомится Петр Барк – типичное дитя молодого русского капитализма.

43-летний крупный чиновник министерства финансов ушел в директора-распорядителя Волжско-Камского банка и щедро использовал на этой должности свои правительственные связи. Затем, оставив службу в банке, вернулся к государственной деятельности. При Коковцове он стал товарищем министра торговли и промышленности. Используя ситуацию вокруг премьера, Барк и стоявшие за ним банкиры начинают завоевание министерства финансов.

Как показал Филиппов в «Том Деле»: «Падение Коковцова, весьма осторожного политика в области финансов, обнаружившего чрезвычайную твердость и самостоятельность в отношении банков, было выгодно банкирам».

В январе 1914 года премьером стал Иван Логгинович Горемыкин, 75-летний старик, «Старче», как называл его Распутин. Начинается излюбленная российская политика контрреформ – отказ от столыпинских преобразований. И когда начала обсуждаться кандидатура нового министра финансов, Распутин тотчас заговорил о «хорошей душе» Барка и его способностях. Аликс передала Николаю «размышления Нашего Друга» о Барке.

Царь мог только подивиться настойчивости Распутина в деле, в котором мужик так мало смыслил – объяснить это можно было только «найтием свыше»... Барк был назначен министром финансов.

Так в первый раз с подачи Распутина происходит назначение уже не на церковную должность, но на государственную. Причем произошло не просто назначение нового министра – произошла революция, суть которой Распутин не понял. Он знал лишь, что теперь деньгами распоряжается «наш»... На самом деле рухнула политика, которую проводил Столыпин, а за ним Коковцов. Финансами полуфеодальной страны начинают заправлять банки через своего ставленника.

Филиппов, сам будучи банкиром, знавшим эту кухню изнутри, пояснил в «Том Деле»: «Барк... дал обязательства банкам... Начинается широкое субсидирование из государственных средств частных банков, якобы для поддержки промышленных предприятий... в то время как средства употреблялись заправилами банков на скупку биржевых ценностей и для игры на понижение, что будет особенно опасно в первый период войны...»

Но вернуть Россию к замороженному состоянию, к безгласному покою времен Александра III, у Горемыкина не было ни сил, ни способностей. Однако он был в самых «послупливых» отношениях с Аликс, принимал «Божьего человека» и внимательно читал бесконечные записки, которые Распутин присылал с просителями: «Дорогой божий старче выслушай их помощи ежели возможно извиняюсь грегорий».

Филиппов рассказывает в «Том Деле», как пьяный Распутин звонил Горемыкину прямо на квартиру с очередным «прошением». И российский премьер «извинялся за невозможность принять Распутина, говорил, что жена его опасно больна, а Распутин заплетающимся языком его успокоил: «Старуха скоро выздоровеет»...

И ведь выздоровела!

Тень Марии Антуанетты

Отношения Зинаиды Юсуповой с Царской Семьей становились все напряженнее – между ними был Распутин.

В ноябре 1913 года она писала сыну об обеде в Ливадийском дворце: «Меня посадили за царским столом, а во время танцев позвали сидеть рядом с хозяйкой, которая меня

поздравила и много говорила о вас обоих (о Феликсе и Ирине. – Э.Р.). Несмотря на показную любезность, разговор был сухой, и видно было, *насколько я ей не мила*. Он (царь. – Э.Р.) отделался улыбками, рукопожатьем, но ни слова не сказал. Толстая (Вырубова. – Э.Р.) на правах пятой дочери, так себя и держит. Черные сестры (черногорские принцессы. – Э.Р.) ходят, как зачумленные, никто из царедворцев к ним не подходит, видя, что хозяйева их вполне игнорируют...»

Царь любил играть в теннис. Осталась даже киноплёнка – весточка из исчезнувшей Атлантиды – Николай на корте. 11 ноября он сделал запись в дневнике об игре с будущим мужем своей племянницы. И добавил фразу: «Он лучший игрок в России, есть чему поучиться у него». (Должны же быть у этого явно невоенного красавчика хоть какие-то достоинства!)

22 декабря великая княгиня Ксения оставила в дневнике обычную запись матери о помолвке дочери: «Дай Бог им счастье в любви... Не верится, что это Ирина выходит замуж!»

Свадьба состоялась на «вражеской территории» для Аликс – у вдовствующей императрицы. Венчались в церкви Аничкова дворца. 9 февраля 1914 года царь записал в дневнике: «Аликс и я с детьми поехали в город в Аничков на свадьбу Ирины и Феликса Юсупова. Все прошло очень хорошо. Народу было множество».

Два автомобиля в сопровождении конвоя привезли из Царского Села новых родственников Феликса – Ники, Аликс и девочек.

Ирина приехала во дворец раньше жениха. Миниатюрная красавица была в платье из белого атласа, расшитого серебром, с длинным шлейфом. Диадема из горного хрусталя с бриллиантами поддерживала кружевную вуаль. Опасная деталь – диадема эта принадлежала когда-то Марии Антуанетте...

Появился и жених, облаченный в черный редингот с шитыми золотом воротником и отворотами. И тут же... застрял в старом, работавшем с перебоями лифте. Так что вся Семья, включая императора, предприняла отчаянные попытки, чтобы освободить застрявшего между этажами жениха. Пока добрый Ники и девочки помогали, Аликс молча наблюдала.

В этом беспомощно застрявшем дворцовом лифте было что-то жуткое – как и в диадеме французской королевы...

Во время свадьбы Зинаида и царица не разговаривали. Юсупова была «не наша»...

Аликс уже разделила всех окончательно – на «наших» и «не наших». «Наши» – те, кто любят Распутина. «Не наши» – весь круг Елизаветы Федоровны, московская аристократия, большая Романовская семья, петербургский высший свет, думцы, великий князь Николай Николаевич и окружавшая его военная аристократия, бывшие союзники мужика – правые монархисты...

«Не наши» – это почти все. И против всех – она, Подруга и Ники. Три отважных мушкетера.

До начала Первой мировой войны оставалось несколько месяцев. И ровно три года – до падения империи.

Сцена для трагедии готова

Родители освободили Феликсу левую часть бельэтажа во дворце на Мойке. «Я сделал туда отдельный ход и произвел необходимые изменения. Справа находились парадные комнаты – бальный зал с колоннами из желтого мрамора, в глубине которого аркады открывали

зимний сад, гостиная с обоями сапфирового цвета, с картинами и гобеленами... Все в стиле Луи 16-го».

Все в стиле короля, которому отрубят голову революция...

«Направо от вестибюля я устроил себе временное жилище на случай, когда буду приезжать один в Петербург. Одна из дверей открывалась на потайную лестницу, ведущую в подвал... Я хотел устроить в этой части подвала салон в стиле Ренессанс. Работы едва закончились, когда разразилась революция, и мы никогда не пользовались жильем, которому отдали столько стараний...» – вспоминал Феликс Юсупов.

Он лукавил. «Жильем» он воспользовался. В подвале он успеет устроить «салон в стиле Ренессанс», где и убьет Распутина.

Глава 6 Чаепитие с распутиным

Любознательная «сатанистка»

В начале 1914 года на квартире мужика из Покровского сложился один из влиятельнейших салонов в Петербурге. Разные люди, описывая то, что там происходило, абсолютно расходятся. И это неудивительно, ибо надо было быть *посвященным*, чтобы увидеть все в истинном свете. «Салон» Распутина, как и все в его жизни, хранил тайну...

5 августа 1917 года в Чрезвычайной комиссии допросили знаменитого исследователя сект Александра Степановича Пругавина. 66-летний ученый показал: «Всю жизнь изучая религиозные, в особенности мистические движения в русском народе, я естественно... интересовался и личностью Распутина».

Зимой 1914 года к Пругавину пришла красивая молодая женщина. Отрекомендовавшись начинающей писательницей, печатающейся под псевдонимом «Жуковская», сказала, что зовут ее Верой, что она «интересуется религиозными и мистическими движениями» и хочет проникнуть к Распутину. В своих воспоминаниях Жуковская рассказывает, как Пругавин «с огорчением посмотрел... и стал просить отказаться от намерения познакомиться с Распутиным, так как последствия этого знакомства могут стать для меня губительными... Я повторила, что решила это твердо, и даже попросила его узнать мне адрес и телефон Распутина».

Жуковская – дитя времени «накануне Апокалипсиса», как и князь Юсупов, как и многие тогдашние молодые люди. «В Париже, в своих исканиях религиозных откровений она доходила до сатанизма и участия в черных мессах», – показал Пругавин. И сама Жуковская писала, что «посещала тайные собрания хлыстов».

Мужик волновал ее. Жутковатая слава Распутина давно не давала ей покоя..

«Я сделал все, чтобы предостеречь вас, теперь я умываю руки», – сказал ей тогда Пругавин и на другой день сообщил адрес и телефон Распутина.

«Распутин жил на Английском проспекте, 3, телефон был 64646, – вспоминала Жуковская. – Я... не стала мешкать и тут же позвонила... Я случайно попала в редкую минуту, когда телефон Распутина был свободен... Я услышала сиповатый говорок: «Ну, кто там? Ну, слушаю...» Спрашиваю чуть дрогнувшим голосом: «Отец Григорий? Говорит молодая дама. Я очень много о вас слышала. Я нездешняя, и мне очень хочется вас увидеть...»

Менее чем через час она уже входила в подъезд «огромного серого дома... В вестибюле... стояли рядом чучела волка и медведя... на фоне декадентского окна, на котором

засыхал куст розового вереска... Лифт остановился на самом верху... На звонок мне отворила невысокая полная женщина в белом платочке (Лаптинская. – Э.Р.). Ее широко расставленные серые глаза глянули неприветливо: «Вам назначено? Ну, входите...» Дверь из передней приоткрылась и, шмыгая туфлями, поспешно, как-то боком выскочил Распутин... Коренастый, с необычайно широкими плечами, он был одет в лиловую шелковую рубашку с малиновым поясом, английские полосатые брюки и клетчатые туфли с отворотами... Темная морщинистая кожа... Волосы, небрежно разделяющиеся на пробор посередине, и довольно длинная... борода были почти одного темно-русого цвета... Подойдя совсем вплотную, он взял мою руку и наклонился ко мне. Я увидела широкий, попорченный оспой нос... а потом мне в глаза заглянули его – небольшие, светлые, глубоко скрытые в морщинах. На правом был небольшой желтый узелок... Из них струилась какая-то неприятная, дикая власть. Взгляд был пристальный, мигали его глаза очень редко, и этот неподвижный магнетический взгляд смущал... «Проведи в мою особую», – вполголоса сказал Распутин, указав на меня...

Через переднюю, мимо закрытой двери, сквозь которую слышались сдержанные голоса (там находилась самая большая комната, где и собирался «салон» его почитательниц. – Э.Р.), меня ввели в узкую комнату с одним окном. Оставшись одна, я огляделась: у стены около двери стояла кровать, застланная поверх высоко взбитых подушек пестрым шелковым лоскутным одеялом, рядом стоял умывальник... Около умывальника перед окном – письменный стол... На самой середине стола... большие карманные золотые часы с государственным гербом на крышке... В углу не было иконы, но на окне большая фотография алтаря Исаакиевского собора, и на ней связка разноцветных лент. По аналогии я вспомнила хатку «Божьих людей» (хлыстов) на окраине Киева: там тоже в углу не было иконы, а Нерукотворный Спас стоял на окне, и на нем тоже висели ленты... Придвинув кресло, он сел напротив, поставив мои ноги себе меж колен...

С зажатых его коленями женских ног начинается (мы узнаем об этом от многих свидетелей) соблазнение, сопровождаемое обычно монологом о духовном обосновании греха.

«Ты не верь попам, они глупы, всей тайны не знают... Грех на то и дан, чтоб раскаяться, а покаяние – душе радость, а телу сила, понимаешь?... Ах ты моя *душка* («Душка» – запомним это обращение! – Э.Р.), пчелка ты медова... Грех понимать надо... А без греха жизни нет, потому покаяния нет, а покаяния нет – радости нет... Хошь, я тебе грех покажу? Поговей вот на первой неделе, что придет, и приходи ко мне после причастия, когда рай-то у тебя в душе будет. Вот я грех-то тебе и покажу...» Кто-то страшный, беспощадный глядел на меня из глубины этих почти совсем скрывшихся зрачков... А потом вдруг глаза раскрылись, морщины расправились и, взглянув на меня ласковым взглядом... он тихо спросил: «Ты что так на меня глядишь, пчелка?» – и наклонившись, поцеловал холодным монашеским ликованьем».

С тем Жуковская и ушла, видимо, несколько разочарованная ласковым, но бесстрастным напутствием: «Только, смотри, скорее приходи...»

И тогда, и потом, как утверждала Жуковская, «ничего не было». Поверим ей.

«Салон» собирается

Распутин ввел ее в свой «салон», о котором она оставила подробные записи.

«Всех дам было около десяти. На самом отдаленном конце стола... молодой человек в жакете, нахмуренный и, видимо, чем-то озабоченный. Рядом с ним, откинувшись на спинку кресла, сидела очень молоденькая беременная дама в распускной кофточке. Ее большие голубые глаза нежно смотрели на Распутина. Это были муж и жена Пистолькорс, как я узнала потом, встречаясь с ними. Но в следующие годы знакомства я самого Пистолькорса никогда больше не видала у Распутина, только Сану. Рядом с Саной сидела Любовь Васильевна

Головина, ее бледное увядшее лицо очень мне понравилось. Она вела себя как хозяйка: всех угощала и поддерживала общий разговор».

Увидела она и Вырубову. «Я посмотрела на нее с любопытством: высокая полная блондинка, одетая как-то слишком просто и даже безвкусно, лицо некрасивое, с ярко-малиновым чувственным ртом, неестественно блестящими большими голубыми глазами. Лицо ее постоянно менялось – оно было какое-то *ускользающее, двойственное, обманное*, тайное сладострастие и какое-то ненасытное беспокойство сменялось в нем почти аскетической суровостью. Такого лица, как ее, больше в жизни не видала и должна сказать, что оно производило неизгладимое впечатление.

Сидевшая рядом с нею Муня Головина... поглядывала на меня своими кроткими, мигающими, бледно-голубыми глазами... Остальные дамы были незначительны и все как-то на одно лицо».

И еще одна дама описала распутинских поклонниц. Как и Жуковской, и многим другим, ей довелось пройти обряд соблазнения. Она выслушала и записала тот же гипнотический шепот: «Греха в этом нет... Это люди придумали... Посмотри на зверей – разве они знают грех?.. В простоте – мудрость... не суши свое сердце...»

Довелось ей услышать и странные разговоры поклонниц Распутина. «Чистейшая» Муня скажет ей загадочное: «Он все святым делает». И от имени всех попросит «не мучить его... и уступить... ибо с ним греха нет».

«Франтик» – так называл Распутин эту молодую женщину, жену богатого московского купца Веру Джанумову. Ее имя не раз упоминается в сводках полицейских агентов. Она выпустит в эмиграции свои воспоминания, где также опишет «салон» мужика.

Распутин сидит за столом, окруженный почитательницами. «Все перемешалось за этим столом – меха, шелк и темное сукно, и чистейшей воды бриллианты, и тонкие эгретки в волосах, белые косынки сестер милосердия и платочек старушки, – рассказывает Джанумова. – Звонок. Приносят корзину роз и дюжину вышитых шелковых рубашек разных цветов... принесли армяк на парчовой подкладке изумительной работы». Все забирает и уносит в комнаты аккуратная Лаптинская.

На столе – сладости для гостей, сам Распутин, как показывают многочисленные свидетели, сладкого не ест. Об этом напишет и его дочь Матрена в своей книге.

И мы это запомним (и крепко запомним) – *сладкого он не ел*.

До 1913 года он *не пил вина и осуждал пьющих*.

Из показаний Лохтиной: «Отец Григорий раньше совсем не пил». И Сазонов подтверждает: «В этот период... он ничего не пил». Если на столе и появлялось спиртное, то совсем немного, и это были сладкие вина, те, к которым он привык в монастырях во время странствий.

А дамы все прибывают... Муня *бегает* на звонки в переднюю открывать дверь – дочь фрейлины двух императриц и родственница великого князя помогает гостям снимать обувь. Так «отец Григорий» учил своих поклонниц смирению.

«Вот пришла княгиня Ш. (Шаховская. – Э.Р.)... Княгиня... забросила мужа и детей и четвертый год неотлучно следует за ним... женщина поразительной красоты, с темными глазами», – пишет Джанумова. Эта красавица – одна из первых русских женщин-авиаторов; попала в аварию, но осталась невредима.

Все прибывшие начинают с обряда целования руки.

Из показаний Гущиной: «Я заходила к нему исключительно днем... я увидела много дам, все они относились к нему с крайним почтением и целовали у него руку».

Начинается чаепитие. «На углу стола кипел огромный, ярко начищенный самовар... сервировка была очень странная: рядом с роскошными тортами и великолепными хрустальными вазами с фруктами лежала прямо на скатерти грудка мятных пряников и связки грубых больших баранок, варенье стояло в замазанных банках, рядом с блюдом роскошной заливной осетрины – ломти черного хлеба... Перед Распутиным на глубокой тарелке лежало десятка два вареных яиц и стояла бутылка кагору... Все руки потянулись к нему, глаза блеснули: «Отец, яичко!» Распутин набрал целую горсть яиц и стал оделять каждую, кладя по яйцу в протянутую ладонь... Вырубова встала и, подойдя к Распутину, подала ему на ломте хлеба два соленых огурца. Перекрестясь, Распутин принялся за еду, откусывая попеременно то хлеба, то огурца. Ел он всегда руками, даже рыбу, и, только слегка обтерев свои сальные пальцы, гладил между едой соседок и при этом говорил «поучения»... А потом вошла... высокая девочка в гимназическом платье (Матрена. – Э.Р.)... Руки всех потянулись ей навстречу: «Мара, Марочка!»... Очень было любопытно посмотреть, как все эти княгини и графини целовали дочь Распутина, одна даже... поцеловала ее руки», – вспоминала Жуковская.

Лица из небытия

В начале 1914 года в «салоне» были сделаны две фотографии, пережившие все войны и революции. Первая (и самая популярная) напечатана, пожалуй, во всех книгах о Распутине. Эта фотография снята в той самой главной комнате, описанной Жуковской, где за чайным столом собирались гости. На фото видна и раскрытая дверь в коридор, ведущий в соседнюю «особую комнату», у двери – телефон, по которому звонят из Царского Села, сообщают о больном мальчике...

В центре снимка на стуле сидит Распутин в светлой, подпоясанной шнурком косоворотке. Блестит начищенный сапог, аккуратно расчесаны борода и волосы, левая рука прижата к груди... Но сразу притягивают глаза, какой-то слепящий взгляд... Рядом с ним уже разоренный после чаепития стол, блюдо с оставшимися баранками и связкой бубликов. А вокруг Распутина – и рядом с ним, и за спиной, и вдоль стола – толпится с десяток женщин и несколько мужчин.

Вторая фотография не столь популярна и не столь многолюдна. За все тем же чайным столом – Распутин, уже в черном. Все так же светятся его глаза... Вокруг него сидят одни женщины – семь дам и девочка в модной тогда матроске чинно обратились лицами к фотографу. Некоторые из них запечатлены и на первом снимке. Единственный молодой человек (приятной наружности с усиками) стоит у закрытой стеклянной двери. Он также присутствует на первой фотографии....

Оба этих снимка при публикации обычно сопровождалась глухой подписью: «Распутин, окруженный своими почитательницами». Иногда указывалось: «Во втором ряду – Вырубова». Все остальные персонажи оставались безымянными. Их имена, казалось, канули в Лету...

Но в «Том Деле» *все имена есть!*

Из показаний Вырубовой: «Эта и другая группа, аналогичная с ней, были сняты случайно, я не помню по чьей инициативе, в одно из тех воскресений, когда Распутин любил, чтобы после обедни (вот почему так аккуратно расчесаны волосы и борода, начищены сапоги. – Э.Р.) за чайным столом около него собирались его близкие знакомые».

И далее она указывает «близких знакомых», «посетителей первого периода» – «Головина, Ден, моя сестра, Пистолькорс и весьма сомнительные крещеные жида Волынские». Упоминает она и имя Молчанова.

Да, тем приятнейшим молодым человеком на обеих фотографиях был Леонид Алексеевич Молчанов, чьи показания мы уже много раз цитировали, – сын епископа Алексия, ставшего экзархом Грузии благодаря Распутину.

Сам Молчанов в «Том Деле» подробно рассказал следователю *о каждом человеке, запечатленном на этих фотографиях*. Видимо, эти люди и составляли «постоянный кружок» Распутина.

Так заговорили снимки, сделанные в 1914 году, накануне войны. На них оказались не только многие наши знакомые – те, кто уже не раз появлялся на страницах этой книги, – но и те, с кем нам еще придется познакомиться. Люди из будущего Распутина...

Из показаний Молчанова: «В квартире Распутина сняты 2 фотографические группы, получившие затем широкое распространение». И он переходит к первому многолюдному фото.

«В верхнем ряду – слева направо – Александра Пистолькорс и ее муж, служащий в Государственной канцелярии...»

Они стоят у самой стены – полный, холеный, высокий молодой господин, и рядом с ним – с полудетским фарфоровым личиком, с большим животом – его беременная жена Сана. (Еще раз напомним: Александра Пистолькорс, в девичестве Танеева, – младшая сестра Вырубовой, а ее муж Александр Пистолькорс – сын тетки Муни, Ольги Головиной, скандально вышедшей замуж за великого князя Павла.)

Теперь Александр Эрикович, бывший офицер лейб-гвардии, прославившийся жестокостью в период усмирения революции 1905 года, вышел в отставку и служит скромным чиновником в Государственной канцелярии.

Рядом с Пистолькорсами молодой человек с усиками – тянет свое лицо из-за голов. Это и есть Леонид Молчанов.

Из показаний Молчанова: «Вслед за Пистолькорсами – я, затем князь Жевахов, которого привел его сослуживец Пистолькорс».

Усатый невысокий князь, стоящий у самой двери, еле виден из-за женских голов... Скоро Николай Жевахов, мистик, много путешествовавший по монастырям, собиравший апокалиптические видения и докладывавший о них царице, станет верным поклонником «Нашего Друга». Распутин это оценит – в сентябре 1916 года молодой человек, занимавший весьма скромную должность, будет с его подачи назначен товарищем обер-прокурора Синода.

Рядом с князем, по словам Молчанова, «два рядовых персонажа – Эрвин Христофорович Гиль (муж хорошенькой поклонницы Распутина) и Нина Дмитриевна Яхимович (высокая, широкоплечая дама – одна из верных, безропотных поклонниц)». Далее он опять переходит к «персонажам значительным» – Ольге Васильевне Ломан и ее дочери Надежде. Это семья уже неоднократно упоминавшегося нами Дмитрия Ломана, строителя Федоровского собора в Царском Селе. В 1913 году бывший верный поклонник Распутина Ломан начал заигрывать с его врагами – с окружением великой княгини Елизаветы Федоровны. И Вырубова объявила «нашим», что «с Ломаном надо быть осторожнее»...

Из показаний Ломана: «С этого времени я стал замечать холодное ко мне отношение... а я боялся, что буду совсем удален из дворца... и я страдал».

Вот почему хитроумный полковник попытался возобновить связи с «отцом Григорием». Теперь его жена – некрасивая, со злым лицом дама средних лет – и молоденькая дочь – частые посетители распутинского «салона».

Последней в ряду стоит женщина с жестким, холодным лицом. Это еще один важнейший персонаж из будущей жизни Распутина – Анна Ивановна Решетникова, дочь очень богатой старой московской купчихи Анисьи Решетниковой, у которой часто останавливается в Москве Распутин.

Ее брат станет одним из доверенных лиц при «Нашем Друге», несмотря на темное прошлое. «Бывший нотариус Решетников в свое время осужден за подлоги и растрату, но благодаря Распутину помилован», – показал Филиппов в «Том Деле». Очень скоро Решетников начнет брать деньги с посетителей Распутина, а его сестра сыграет особую роль в самом знаменитом распутинском скандале в московском ресторане «Яр»...

«Во втором ряду – Софья Волынская». Она тоже оставит свой след в будущем Распутине, во втором этапе его жизни, который начнется уже в 1914 году.

Из показаний Филиппова: «Волынская – красивая, довольно пожилая еврейка... жена агронома Волынского... явилась для Распутина чем-то роковым в смысле перехода его от благотворительности к жестокой эксплуатации своих клиентов при помощи той же Волынской. Ее муж (находившийся под судом. – Э.Р.)... был помилован и в благодарность сделался чем-то вроде финансового советчика и поставщика разных хлебных дел для Распутина».

Распутин сумел освободить от наказания Волынского, Добровольского, Решетникова – будущих своих «секретарей». Что ж, это ничуть не противоречило его учению. Недаром царица записала его слова: «Никогда не бойтесь выпускать узников, возрождать грешников к праведной жизни. Узники через их страдания... выше нас перед лицом Божиим». Правда, пожилая красавица-еврейка Волынская, как говорит молва, побывала в «особой комнате», где расплатилась плотью за хлопоты Распутина. Но то – молва...

«Далее – Вырубова». Рядом с ненавистной ей «крещеной жидовкой» пришлось стоять самой Подруге – с ее большим, плоским луноподобным лицом.

Рядом с нею две наши знакомые, чьи показания уже цитировались. Старушка в трауре – Гущина, та самая безутешная вдова, встретившая Распутина во время ранней молитвы. Красотка в модной шляпке с пером – Юлия Ден, вторая после Вырубовой ближайшая подруга царицы.

Еще один очень примечательный персонаж – корявый, малорослый, старый мужичок; заросший волосами и бородой – этакий языческий лесной божок, русский Пан. И Молчанов называет его – «это отец Распутина».

«В последнем ряду – Зина Тимофеева, Мария Головина, Мария Гиль, Распутин и госпожа Клейст, относительно которой мне говорили, что она артистка-дилетантка, танцовщица», – продолжает свой обзор Молчанов.

Поклонницы «Нашего Друга» Тимофеева, Клейст и Гиль прошли через «особую комнату» и потому удостоились чести сидеть в «распутинском ряду». Но первые две скоро разделят участь «промелькнувших и исчезнувших». Чуть дольше задержится Мария Гиль, «26-летняя жена капитана» – она упоминается агентами в числе посетителей и после 1914 года.

Среди этих «скоротечных» поклонниц сидит и она – Мария Головина, знаменитая Муня со спокойным и некрасивым лицом – стареющая «чистейшая девушка», как назвал ее Феликс Юсупов. Среди всего безумия, окружавшего Распутина, она остается невозмутимой, ибо она – посвященная и знает тайны учения «отца Григория».

И, наконец, последний персонаж. Грузная женщина с широким упрямым крестьянским лицом сидит прямо на полу, и оттого не видно ее коротких, тяжелых крестьянских ног. Это Акилина Лаптинская – одна из хранительниц тайн «Нашего Друга».

Ревнивец и толстая «секретарша»

Акилина открыла второй этап в жизни Распутина. Именно в то время – в начале 1914 года – она начала брать деньги с просителей. «Лаптинская, будучи необыкновенного ума и настойчивости... руководствовалась исключительно материальными соображениями... ее одаривали определенными суммами разные лица в случае приезда Распутина или к Распутину. Раза два Распутин выгонял ее за мздоимство и по подозрению в краже тысячных сумм», – показал Филиппов.

Но уже скоро Распутин махнул рукой на ее жадность – понял свою выгоду. Теперь ему не надо было ждать подачек от скупой царицы, занимать деньги – ими его снабжала Лаптинская. Теперь он сам мог быть щедрым, творить благодеяния, давать деньги просителям и просительницам...

Впрочем, толстая Акилина никогда и не боялась его ярости – ведь она была не только «секретарем». Как и многие простые люди, Распутин любил изобилие женской плоти... И он ревновал ее!

В «Том Деле» Филиппов вспоминает эпизод, относящийся уже к 1915 году, когда бывшая медсестра Акилина стала работать в санитарном поезде императрицы: «Я случайно встретил Лаптинскую перед отъездом ее на фронт, зашел к ней в вагон и подарил ей коробку конфет. Распутин узнал об этом... стал укорять меня долго и гневно, что я «совращал его голубицу, которую он берег для себя, как зеницу ока, долгое время»... Я долго не мог понять, о ком идет речь. Оказалось, что этой «голубицей» была Лаптинская – женщина... непомерной дородности... «Голубице», которая часто у меня бывала, был воспрещен вход ко мне».

Распутин, этот охотник за дамами, по мнению Филиппова, был патологически ревнив. Вот еще одна история: в марте 1914 года у него гостила верная обожательница, некая Патушинская – жена скромного нотариуса из Ялutorовска. Много раз замеченная в Покровском агентами наружного наблюдения, она исчезала в Петербурге. Филиппов рассказывал о ней: «Помню... Патушинскую, хорошенькую женщину, которая у него проживала по несколько месяцев сряду, никому не показываясь, так как Распутин был не только физически, но и психически ревнивым... Он, например, не любил, когда говорили: «Ах, какая хорошенькая женщина» (о его поклонницах – Э.Р.).

Поэтому хорошенькая Патушинская, таившаяся в недрах квартиры, и не попала на фото.

Из показаний Молчанова: «Эта группа была снята 9 марта 1914 года совершенно случайно по желанию кого-то из присутствующих фотографом Кристининым».

Рассказал Молчанов и о другой фотографии.

«Им же (Кристининым. – Э.Р.) незадолго до этого или вскоре была снята другая группа, аналогичная первой... насколько я помню, в той группе, кроме Распутина, были госпожа Головина, госпожа Гиль, Ден, какая-то дама, приехавшая из Сибири с какой-то просьбой к Распутину, какая-то старушка с Васильевского острова и старшая дочь Распутина Матрена».

Обе эти фотографии, снятые до страшного июля 1914 года, как бы подводят итог первому периоду жизни Распутина.

Показания Молчанова целиком подтверждает в «Том Деле» еще одна «героиня» обеих фотографий – Муня Головина.

«Предъявленная мне фотокарточка, на которой я изображена в первом ряду, вторую с левой стороны... изображены собравшиеся в квартире отца Григория (Английский проспект, 3). Кроме меня и отца Григория изображены Зина Тимофеева, Мария Сергеевна Гиль... Ольга Клейст, у ног Распутина сидит Акилина Никитишна Лаптинская... Во втором ряду

Александра Александровна и Александр Эрикович Пистолькорс, Софья Леонтьевна Волынская, Анна Александровна Вырубова, Александра Георгиевна Гущина, вдова врача, и отец Распутина, ныне умерший», – добросовестно перечисляет все те же фамилии Муня.

Дамы за кадром

Но, может быть, самая важная и таинственная посетительница «салона» на фотографию не попала. Ее тогда не было в Петербурге – Ольга Лохтина жила в скиту у монаха Макария и лишь изредка приезжала в столицу к «Саваофу». Ее появления в распутинском доме довольно одинаково описаны очевидцами.

Из воспоминаний Жуковской: «В передней раздался сильный шум. Я повернулась к полуоткрытой двери, а на пороге уже колыхалось что-то невероятно яркое, широкое, развешивающееся, нелепое... и высоким звенящим голосом выпевало по-кликушечьи: «Хри-и-стос в-о-о-о-скре-есе!»... Мимо меня пронеслось это... и рухнуло между моим и Распутиным креслами... Стремительно вскочив, Лохтина обняла сзади его голову и стала... дико целовать его, выкрикивая захлебывающимся, срывающимся голосом: «Дорогусенька, сосудик благодный, бородусенька...» Отчаянно отбиваясь, Распутин кричал, полузадушенный: «Отстань, сатана!»... Наконец, оторвав ее руки от своей шеи, он отбросил ее со всего размаху в угол... Тяжело дыша, Лохтина добралась до кушетки... звонко выкрикнула: «А все же ты мо-ой!.. И я зна-а-ю, ты ме-е-ня лю-ю-бишь!..» – «Ненавижу я тебя, сволочь!» – быстро и решительно возразил Распутин... «А я к тебе опять приложусь!» Мгновенно подбежав к Распутину, она обхватила его голову... Распутин ударил ее так, что она отлетела к стене, но... Лохтина опять закричала иступленно: «Ну, бей, бей! бей!!»... Наклоняя голову, Лохтина старалась поцеловать то место на груди, куда ее ударил Распутин... Она напоминала какую-то страшную жрицу, беспощадную в своем гневе и обожании».

Впрочем, похожую сцену уже описал Филиппов...

Но после избиения Жуковская увидела весьма загадочный обряд: «Вдруг Вырубова подошла к Лохтиной, встала перед ней на колени, поцеловала ей руку, потом вернулась на свое место. «Догадалась, наконец!» – очень спокойно сказала Лохтина... А потом сказала: «Что-то я не вижу своей послушницы! Ну живо, живо! На колени, и ручку, ручку!» И Муня, встав на колени перед Лохтиной, поцеловала ей руку...»

И это не вымысел. Муня так объяснила свое странное поведение следователю: «В 1913 году в виде протеста против нападков на Лохтину я стала называть себя ее послушницей и служить ей при ее приезде в Петроград... Этим я хотела заменить Лохтиной ее любимую дочь и предполагала, что ей будет легче если она перенесет свою любовь хотя бы на какого-то постороннего человека».

Но остается вопрос: почему могущественная Вырубова склоняется перед Лохтиной? И почему в «Том Деле» свидетели рассказывают о дерзких телеграммах генеральши в Царское Село, которые терпела сама царица? И почему с этой полубезумной переписываются царские дочери? «На квартире Напойкиных (где жила Лохтина. – Э.Р.) она оставила письма и бумаги... я снял копии с писем к ней великих княжон Ольги, Татьяны и Марии», – показал Пругавин.

И Распутин отнюдь не всегда бьет Лохтину – порой он с ней подолгу о чем-то беседует. С его поклонницами она ведет себя строго, как старшая. Именно так описала загадочную генеральшу еще одна свидетельница – певица Беллинг: «Вошла женщина... в белом холщовом платье старинного покроя, в белом клобуке на голове... на шее у нее висело множество книжечек с крестами – 12 Евангелий... Она... что-то шептала Распутину, а когда кто-то

громко говорил, она сердито смотрела, а потом не выдержала и сказала: «Здесь, у отца, как в храме надо, с благолепием». – «Оставь их, пусть веселятся», – сказал Распутин... «Веселие в сердце надо иметь, а снаружи – смирение», – строго выговаривала она».

И пожалуй, прав Пругавин, приоткрывающий завесу тайны Лохтиной в «Том Деле»: «Я не решился бы утверждать, что она душевнобольная, только потому, что она утверждала, что Григорий – это бог Саваоф, а Илиодор – это Христос, потому что в таком случае пришлось бы признать душевнобольными и хлыстов, в мистике которых можно встретить утверждение таких ипостасей в том или другом учителе».

Так кто же она, эта странная генеральша?

И еще одной почитательницы Распутина нет на фотографии, хотя ее имя много раз мелькает в донесениях агентов охраны: «27 августа в 10.55 к нему приехала... баронесса Кусова Вера Илларионовна... Баронесса осталась у него ночевать... 28 августа в 7.30 утра от него ушла баронесса Кусова...»

«Эффектная брюнетка, баронесса К» – так описывает ее Джанумова. «Кусова постоянно бывала в салоне Распутина, постоянно там вращалась, у нее были там разные дела, разные гешефты», – показывал в Чрезвычайной комиссии Манасевич-Мануйлов.

Итак, еще одна «деловая» дама с меркантильными соображениями, платившая Распутину телом за его услуги? Во всяком случае об этом отчасти говорит... сама Вера Кусова в «Том Деле».

Из показаний Кусовой Веры Илларионовны, баронессы, 27 лет: «Познакомилась с Григорием Распутиным в 1913 году... Муж служил в Крымском полку, шефом которого была императрица... Царская Семья жила тогда в Крыму. Мне хотелось мужа устроить получше. С этой целью, а также из любопытства как-то подошла на берегу к Распутину... Познакомившись с ним, изложила свою просьбу. Распутин обещал помочь мне. В июле месяце я ездила в Петроград недели на две и посетила Распутина с целью попросить еще об устройстве одного близкого человека и, кстати, с целью попросить у него духовной поддержки по поводу постигшего меня горя... Оказалось, однако, что дать мне духовное успокоение он не может, так как я увидела, что он приходящим к нему за советами говорит общими местами... Тем не менее я продолжала бывать у Распутина, чтобы встретиться там с людьми, которые были для меня интересны или нужны... К Распутину как к святому я не относилась».

Тогда следователь предъявляет Кусовой ее телеграмму Распутину. И баронессе приходится объяснять странный смысл своего послания: «Ему было многое открыто... вот почему я пишу в 1916 году Лаптинской: «О, если бы отец Григорий и оттуда (из могилы. – Э.Р.) помог бы как-нибудь, научил...»

Она шлет эту телеграмму Лаптинской, когда Распутин уже мертв, когда она уже не может встретить у него людей, «которые были нужны». Тем не менее Кусова продолжает сноситься с Акилиной и более того – жаждет помощи «отца Григория» из-за гроба, ибо, оказывается, «ему было многое открыто».

А ведь только что баронесса утверждала, что «дать духовное успокоение он не может»! Видимо, она, как и Вырубова, рассказала следователю Чрезвычайной комиссии далеко не все...

Действительно, из показаний Лохтиной в «Том Деле» мы узнаем о Кусовой совсем иное: «При первом свидании... она рассказала... что ей вообще плохо живется... Позднее мне приходилось слышать, что муж ее сильно пил, и она много страдала от этого. Рассказывала, что он в пьяном виде как-то раз въехал на коне в ее спальню». Да, баронесса была прежде всего несчастной женщиной, нуждавшейся в утешении.

И еще: в показаниях генеральши есть интереснейший факт.

Оказывается, баронесса, как и сама Лохтина, приветствовала окружающих загадочным «Христос воскресе», когда Пасхи и близко не было.

Что это – чудачество? Или нечто большее?

Ответы на все эти вопросы оставим на будущее. А сейчас мы возвращаемся в «салон».

Проповедь и пляска

Пока идет чаепитие, Распутин непрерывно говорит. При этом он время от времени нервно преломляет кусок хлеба и бросает прямо на скатерть, крошит баранки короткими пальцами и сорит вокруг хрустальной вазы. Но гости этого не видят – они слушают его, внимают проповеди...

Из показаний Гущиной: «Распутин произвел на меня впечатление святого человека, он разговаривал о Боге и душе».

Князь Жевахов вспоминал, как он впервые услышал проповедь Распутина. Его сослуживец Пистолькорс привел его в какую-то квартиру на Васильевском острове, наполненную любопытными. И князь навсегда запомнил вдохновенную речь... Как начать богоугодную жизнь обычному оскотинившемуся человеку с его звериными привычками? – начал Распутин. – Как вылезти из ямы греховной?.. Как найти ту тропинку, которая ведет из нашей клоаки на чистый воздух, на Божий свет?.. Такая тропинка есть. И я ее покажу... Спасение – в Боге... А увидишь ты Бога только когда вокруг себя ничего видеть не будешь. Потому что все вокруг – и дело, которое делаешь... и даже комната, где ты сидишь, – все заслоняет от тебя Бога. Что же ты должен сделать, чтобы увидеть Бога? – вопрошал он в наступившей тишине в каком-то нервном напряжении. – После службы церковной, помолясь Богу, выйди в воскресный или праздничный день за город, в чисто поле. И иди, иди, пока не увидишь позади себя черную тучу от фабричных труб, висящую над Петербургом, а впереди синеву горизонта. Стань тогда и помысли о себе. Каким маленьким ты покажешься себе и ничтожным, а вся столица... в какой муравейник преобразится она пред твоим мысленным взором... И куда денется тогда твоя гордыня, самолюбие, сознание твоей власти?.. И вскинешь ты глаза свои на небо... и почувствуешь всем сердцем, всей душой, что один у тебя Отец – Господь, и что только Ему нужна твоя душа. Он один заступится за тебя и поможет тебе... И найдет на тебя такое умиление... Это первый твой шаг на пути к Богу. Можешь дальше в этот раз и не идти. Возвращайся в мир, становись на прежнее дело, но храни как зеницу ока то, что принес с собой... Бога ты принес с собой. И береги Его, и пропускай теперь через Него всякое дело, которое будешь делать в миру... Только тогда всякое земное дело превратится в Божье Дело... Вот это и есть, как сказал Спаситель, «Царство Божие внутри нас». Найди Бога и живи в Нем и с Ним...»

«Какая благоговейная тишина была вокруг, – вспоминал Жевахов, – хотя ничего нового он не говорил. Но некая нервная сила, которая от него исходила, гипнотизировала». Так что можно представить, какое благоговение испытывали те, кто ему поклонялись, когда он говорил с ними... Но часто он вдруг обрывал речь, и раздавался повелительный голос, так поразивший Джанумову: «Пиши!»

Ему не привыкать – сама царица за ним записывает... Он дает карандаш одной из поклонниц, и она начинает писать. Его поучения часто повторяются – он знает, как важно все повторять «моим дурам». (Так он назвал в одной из телеграмм своих поклонниц. «Дуры» – потому что образованные, а простых вещей не понимают...) Он диктует, как сохранить в душе Любовь, несмотря на все беды и поношения. Прежде всего о Любви к Творцу он гово-

рит этим несчастным женщинам – вдовам, разведенным, брошенным, разлюбленным. Они – абсолютное большинство в его «салоне».

«Творец! Научи меня любить! Тогда мне и раны в любви нипочем и страдания будут приятны»... И слова, звучащие как песнь: «Боже, я – Твой, а Ты – мой, не отними меня от любви Твоей!» Эту запись за ним сделала царица.

Когда поучения захватывали всех, когда у «дур» начинали светиться лица, они начинали петь. И петербургские дамы хором затягивали старинные духовные песнопения – вместе с мужиком...

О пении рассказывают и Гущина, и Вырубова, и Головина.

«Акилина высоким красивым голосом сопрано запела, остальные подпевали... низкий приятный голос Распутина звучал, как аккомпанемент, оттеняя, выделяя женские голоса. Никогда раньше не слышала этой духовной песни. Красива и грустна. Потом стали петь псалмы», – вспоминала Джанумова.

И Царскую Семью он приучил к тому же. Как покажут свидетели, в заточении они часто пели духовные песни...

В миг всеобщего высшего подъема, почти экзальтации, Распутин вдруг вскакивал и требовал музыку. И начиналась его знаменитая, какая-то отчаянная пляска! «В его пляске было что-то хлыстовское... Плясал он истово, продолжительно, с особыми нервными и исступленными движениями, подскакивая и по временам вскрикивая «ух!», каким кричит человек, когда его опускают в ледяную воду... он танцевал от 15 минут до часа без перерыва... вдохновляясь до какого-то экстаза, исступления... он говорил, что все религиозные люди должны быть хорошими танцорами, при этом ссылаясь на царя Давида, скакавшего перед скинией целую дорогу», – вспоминал Филиппов.

Но иногда в разгар веселья раздавался звонок, приводивший в священный трепет весь «салон». И торжествующий голос Акилины сообщал Распутину: «Из Царского телефон!»

Прощание с «Нашим Другом» тоже было церемонией.

«Стали расходиться, – писала Джанумова, – отцу целовали руку, а он всех обнимал и целовал в губы... «Сухариков, отец!» – просили дамы. Он раздавал всем черные сухари, которые заворачивали в душистые платочки... прятали в сумки... потом шептались с прислугой, выпрашивая грязное белье отца... и чтоб с его потом». Под суровым взглядом Акилины барыни забирали грязное, потное мужицкое белье... И Муня помогала уходившим надевать ботинки.

Из показаний Молчанова: «Прощаться старались с ним наедине, для чего уходили в прихожую. Отмечу такую странность у Вырубовой: как-то, простившись в прихожей с Распутиным, она зачем-то вернулась в комнату, но отказалась при этом на прощанье подать мне руку, заявив... что уже простилась с отцом и более ни с кем прощаться не будет».

Так было принято – уносить с собой тепло священной руки, которая приносила счастье...

Финал первого периода: тайна остается

Итак, следуя по жизни Распутина, мы дошли до 1914 года. Мы старались описывать все подробно, терпеливо приводили показания его друзей и врагов. Но... по-прежнему остаются два вопроса, которые мы задавали себе и в начале пути.

Кто же он был на самом деле? И кем он был для Царской Семьи?

Одно уже ясно: это не ловкий Тартюф, дурачивший простаков святыми поучениями. Тартюф – характер европейский. Здесь же характер – таинственный, азиатский. Персонаж куда посложнее, и тайна куда любопытнее...

Мы неоднократно цитировали распутинские мысли. Были ли его искания, просветления, прозрения? Теперь мы можем ответить: были.

А проститутки, бесконечные «дамочки», «дуры» – поклонницы, посещавшие «особую комнату» и ставшие полубезумными, перемешав религию с похотью? И они были.

Но при этом и Сазонов, и Молчанов, и Филиппов единодушно говорят об этом времени в жизни Распутина, как о «духовной поре».

Сазонов: «Период жизни Распутина, который я могу назвать периодом *достижения им известной духовной высоты*, с которой он потом скатился».

Молчанов: «В тот период Распутин пил мало и на всем периоде его жизни лежала печать скромности».

Филиппов: «Будучи поэтически мечтательным в первый период 1911–1913 годов...»

Они не знали о его тайной жизни? Но Филиппов-то уж точно знал. Тогда почему они так говорят?

И наконец, Царская Семья. Да, Распутин проповедовал любовь, был бескорыстен, рассказывал «царям» о том, чего они не знали – о труде и быте простого народа, о радостях странника наедине с природой и Богом. Он снимал нервческие припадки царицы и вселял уверенность в царя. Он спасал их сына...

Но бесконечные газетные статьи, полицейские описания распутинского гона за проститутками, запросы в Думе с цитатами из показаний его жертв, рассказ няньки царских детей и многое другое – все это, как мы теперь знаем, доходило до Николая и Александры. Премьеры Столыпин и Коковцов, фрейлины, двор, любимая сестра Элла и все члены Романовской семьи вплоть до великого князя Николая Николаевича (которому царь, кстати, доверял настолько, что назначит его Верховным главнокомандующим в грядущую войну), исповедник царицы Феофан – все говорят им о разврате Распутина.

А они – не верят!

Не верят? Или... знают *что-то*, объясняющее его поведение? Что-то недоступное суетным его обвинителям?

Глава 7 Игры с плотью

Загадка его учения

Чтобы попытаться ответить на все эти вопросы, нам придется вернуться к попытке понять его учение.

Жуковская рассказывает: «О Распутине я услышала в первый раз в Киеве. Я тогда только что кончила гимназию и... благодаря случайному знакомству посещала тайные собрания «Божьих людей», как они себя называли (много позже я узнала, что их же зовут хлыстами...) И вот там, на окраине города, однажды, во время обычного вечернего чая с изюмом, любимого напитка «Божьих людей», Кузьма Иваныч, как звали хозяина, вдруг повел речь о старце Григории Распутине... Прищулив свои яркие глаза (у всех хлыстов глаза совершенно особые: они горят каким-то жидким переливчатым светом, и иногда блеск становится совершенно нестерпимым), он... сказал нехотя: «Он с нашими братьями был, а только мы отреклись от него: в плоть он дух зарыл».

Никто из крупнейших российских знатоков сектантства не сомневался тогда, что Распутин – хлыст. Пругавин, будучи эсером, весьма уважал хлыстов, видя в них носителей «крестьянского православия». Он собирал рассказы людей, бывавших у «старца», и доказывал: Распутин – хлыст, который своими похождениями извращает, компрометирует идею хлыстовства. Уже упоминавшийся богослов Новоселов, протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский, знаменитый религиозный философ Сергей Булгаков, архиепископ Антоний Волынский, епископы Гермоген и Феофан – все они, и левые, и правые, утверждали, что Распутин – хлыст. И, наконец, его друг Филиппов в «Том Деле» заметил: «По какому-то чутью мне показалось, что мой знакомый – сектант... принадлежит к секте хлыстов».

Из современных Распутину серьезных исследователей сект только Бонч-Бруевич в статье, напечатанной в радикальном журнале «Современник», писал, что Распутин «решительно ничего общего не имеет с сектантством». Но в письме в редакцию, разъясняя свою позицию, Бонч прямо говорит о *политической подоплеке* важности реабилитации Распутина: «Он, который ранее был вместе с правыми, теперь стал иным (после скандала с Гермогеном и Илиодором. – Э.Р.), и правые, видя, что Распутин ускользает... из сферы их творческого влияния – стали валить его всеми силами». Но унылая реплика большевика Бонча, исходившего, как и положено членам его партии, из «политической подоплеки», потонула в хоре мнений признанных знатоков. Точка зрения большевика заинтересовала разве что... царицу и Вырубову, которая и попросила Бонча переслать ей его заключение. Царица с Подругой трогательно хранили этот документ за подписью большевика-подпольщика. Его найдут при аресте Вырубовой, и он окажется в архиве Чрезвычайной комиссии.

Так что недаром, как писал современный горячий почитатель и исследователь жизни «отца Григория» историк Фалеев, христововеры (хлысты) до сих пор почитают Распутина, а его «Житие опытного странника» воспринимается ими как программа с главной идеей: «*Всякий мужчина может стать «Христом», каждая женщина – «богородицей»*». Из этого тезиса Фалеев выводит интересную расшифровку второй фамилии Распутина (Новый) – «Новый Христос».

Видимо, Распутин действительно начинал как обычный хлыст – недаром его делом дважды (в 1903 и 1907 гг.) занималась Духовная консистория. Но если второе расследование можно объяснить историей с черногорками и великим князем Николаем Николаевичем, то чем объяснить первое? И хотя второе расследование было тщательно спланировано, малообразованные в вопросах сектантства тобольские следователи, как мы помним, его провалили – уже на допросах приверженцев «старца» они спасовали перед их фанатичной верой в святость Распутина.

Но, как мы уже знаем, одна из его поклонниц, Берладская, впоследствии написала «Исповедь», где поведала о «блуде», который творил с нею «отец Григорий». И сам Распутин, который в свое время решительно опровергал грозные обвинения в том, что он ходит в баню с женщинами, уже вскоре, в Петербурге, заговорит совсем по-другому.

Все его последователи лгали во время следствия. Они не хотели и не могли объяснить «официальным» священникам мистические тайны, которые открыл им удивительный учитель.

Но свидетельства о близости Распутина к хлыстам есть не только в «Тобольском деле». Их дает и заклятый враг «старца» – Илиодор. И не столько своим сочинением, сколько своим поведением после снятия сана.

В Тобольском архиве хранятся показания сподвижников Илиодора, последовавших за ним на хутор, где иеромонах обрел пристанище. Илиодор построил там новый дом, который назвал весьма симптоматично – «Новая Галилея» («Новым Израилем») называлась хлыстовская община под Петербургом), и стал проповедовать свое учение. О нем нам известно со слов почитателя Илиодора, некоего Синицына.

«Христос был распят, заявляет Илиодор, но не воскрес, а воскресла только вечная истина, которую проповедовал Христос. Теперь ее проповедует он, Илиодор. Он создаст новую религию, благодаря которой изменится вся жизнь людей». Чтобы людям было понятней, что он – основатель новой религии – и есть новый Христос, Илиодор стал носить белый хитон (одеяние Иисуса) и «благословлял своих посетителей, как Иисус, возложением своей руки на голову благословляемого... и открыто называл себя Царем Галилейским». Итак, «Новая Галилея» во главе с новым «Царем Галилейским» была всего лишь очередным хлыстовским «кораблем». Теперь, сбросив сан, Илиодор перестал таиться. И его хлыстовство (которое явилось неприятным сюрпризом для Гермогена и Феофана), видимо, и является причиной столь тесной в прошлом дружбы и удивительного доверия Распутина к злосчастному монаху.

Еще интересней показания знаменитого поэта и сектанта Николая Клюева.

«Меня Распутиным назвали», – писал он в одном из стихотворений 1918 года. «Судьба» Клюева, по его собственным словам, «началась с того, что старец, пришедший с Афона (в Афонском монастыре была разгромлена хлыстовская секта. – Э. Р.), сказал, что нужно мне... самому Христом быть». Тот старец познакомил Клюева с «братьями» – так началось его странничество. «Братья-голуби (скопцы. – Э. Р.) привезли меня, почитай, в конец России, в Самарскую губернию. Там я жил два года царем Давидом большого Золотого Корабля белых голубей-христов, а потом с разными тайными людьми исходил всю Россию».

В Петербурге настолько увлеклись поэтом-хлыстом, что он был приглашен в Царское Село. Его привезли в Александровский дворец к царице, где, как вспоминал Клюев, «на подмостках, покрытых бархатным штофом, в холодной зале царскосельского дворца, перед рядами золотых стульев стоял я в грубых мужицких сапогах – питомец овина и посол от медведя». Тогда же и состоялся его разговор с Распутиным: «Семнадцать лет не виделись, и вот Бог привел к устам уста приложить... Поцеловались... будто вчера расстались... и был разговор... старался я говорить с Распутиным на потайном народном языке о душе, о рождении Христа в человеке... Он отвечал невпопад и наконец признался, что нынче *ходит в жестком православии*... Расставаясь, я уже не поцеловал Распутина, а поклонился ему по-монашески».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.